

ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

2024. Том 6. Номер 1

Главный редактор

В.Н. Шевченко (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Зам. главного редактора

В.И. Спиридонова (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Ответственный секретарь

И.М. Угрин (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Заведующий редакцией

Б.В. Грачев (Институт философии РАН, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Кара-Мурза Алексей Алексеевич (Институт философии РАН), Лепский Владимир Евгеньевич (Институт философии РАН), Лисеев Игорь Константинович (Институт философии РАН), Никольский Сергей Анатольевич (Институт философии РАН), Резник Юрий Михайлович (Институт философии РАН), Сиземская Ирина Николаевна (Институт философии РАН), Смирнов Андрей Вадимович (Институт философии РАН), Степанянц Мариэтта Тиграновна (Институт философии РАН), Федорова Мария Михайловна (Институт философии РАН).

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук»

Периодичность: 2 раза в год.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-76168 от 08 июля 2019 г.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

При частичном или полном воспроизведении опубликованных материалов ссылка на «Проблемы цивилизационного развития» обязательна. Ответственность за достоверность приведенных сведений несут авторы статей.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 422.

Тел.: +7 (495) 697-91-89

E-mail: info@civstudies.ru

Сайт: <https://civstudies.ru>

—≡ CIVILIZATION ≡—
STUDIES REVIEW

2024. Volume 6. Number 1

Editor-in-Chief:

Vladimir N. Shevchenko (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

Valeria I. Spiridonova (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Executive Editor:

Ivan M. Ugrin (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Managing Editor:

Bogdan V. Grachev (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia)

Editorial Board

Alexey A. Kara-Murza (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Vladimir E. Lepskiy (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Igor K. Liseev (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Sergey A. Nickolsky (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Yuriy M. Reznik (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Irina N. Sizemskaya (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Andrey V. Smirnov (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Marietta T. Stepanyants (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia), Maria M. Fedorova (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia).

Publisher: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

Frequency: 2 times per year.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor). The Mass Media Registration Certificate No. FC77-76168 on 08 July 2019.

All materials published in the “Civilization studies review” undergo peer review process.

No materials published in “Civilization studies review” can be reproduced, in full or in part, without an explicit reference to the Journal. Statements of fact and opinion in the articles in “Civilization studies review” are those of the respective authors and contributors and not of “Civilization studies review”.

Editorial address: 109240, 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, Russian Federation.

Tel.: +7 (495) 697-91-89

E-mail: info@civstudies.ru

Website: <https://civstudies.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

МЕГАТЕМА «РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ». 5 ЛЕТ СПУСТЯ

Беседа врио первого зам. директора Института философии РАН,
руководителя мегатема «Российский проект цивилизационного развития»,
академика РАН А.В. Смирнова с главным редактором журнала
«Проблемы цивилизационного развития»,
доктором философских наук В.Н. Шевченко.....5

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В.Н. ШЕВЧЕНКО (Москва). Особенности социально-философского
и философско-исторического подходов к исследованию
цивилизационной проблематики.....20

В.И. ШАМШУРИН, Н.Г. ШАМШУРИНА (Москва). Об историко-цивилизационной
и культурной роли философии в современном мире: Россия и Европа.....43

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Р.Р. ВАХИТОВ, В.К. ПЕТРОВ (Уфа). Отношения России и Турции
во второй половине XX – первой половине XXI в.
Циклический характер отношений.....58

А.В. НИКАНДРОВ (Москва). СССР как цивилизация: взгляд со стороны
западных интеллектуалов (С. и Б. Вебб, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер).....77

Чэнь Чжиган, Чэнь Айжу (Китай). Современная цивилизация
китайской нации в творческой трансформации традиционной культуры.....95

Чжан Сяопин, Чэнь Айжу (Китай). Реализация инициативы «Один пояс –
один путь» как способ взаимного мирного познания цивилизаций.....113

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

К.Ю. АЛАСАНИЯ, Е.Н. МОЩЕЛКОВ, А.В. НИКАНДРОВ, Т.Н. СЕДЫХ (Москва).
«Столкновение цивилизаций» – миф или реальность: аналитический обзор
XXI Международных Панаринских чтений, 15 февраля 2024 г.123

В.И. ГЕРАСИМОВ, С.И. КОДАНЕВА, В.И. ЛУТОВИНОВ, С.А. ПОПОВА (Москва).
Шестая международная научно-практическая конференция «Большая Евразия:
национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества».....154

РЕЦЕНЗИИ

Е.А. ТЮГАШЕВ (Новосибирск). В фокусе внимания российская цивилизация.....177

TABLE OF CONTENTS

MEGATHHEME “RUSSIAN CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT PROJECT”. 5 YEARS LATER

Conversation of Acting First Deputy Director of the RAS Institute of Philosophy,
Head of the Megatheme “Russian Civilizational Development Project”,
Academician Andrey V. Smirnov and the Editor-in-chief
of the “Civilization Studies Review”, Sc.D. in Philosophy Vladimir N. Shevchenko.....5

METHODOLOGY OF CIVILIZATIONAL APPROACH

VLADIMIR N. SHEVCHENKO (Moscow). Features of socio-philosophical
and philosophical-historical approaches to the study of civilizational issues.....20

VICTOR I. SHAMSHURIN, NINA G. SHAMSHURINA (Moscow). On the historical,
civilizational and cultural role of philosophy in the modern world: Russia and Europe.....43

HISTORICAL TRADITION AND MODERN CIVILIZATIONS

RUSTEM R. VAKHITOV, VIACHESLAV K. PETROV (Ufa). Russian-Turkish relations
in the last half of the XX – the first half of the XXI century.
Circular relations model.....58

ALEKSEY V. NIKANDROV (Moscow). USSR as a Civilization
through the Eyes of Western Intellectuals
(Sidney & Beatrice Webb, Romain Rolland, Lion Feuchtwanger).....77

CHEN ZHIGANG, CHEN AIRU (China). Building a modern civilization
of the Chinese nation in the creative transformation of traditional culture.....95

ZHANG XIAOPING, CHEN AIRU (China). “One Belt, one Road” initiative
as a way to the mutual peaceful civilization perception.....113

ACADEMIC LIFE

KIRA YU. ALASANIA, EVGENIY N. MOSCHELKOVA, ALEKSEY V. NIKANDROV,
TATIANA N. SEDYKH (Moscow). “Clash of Civilizations” – myth or reality:
analytical review of the 21st International Panarin’s readings, February 15, 2024.....123

VLADIMIR I. GERASIMOV, SVETLANA I. KODANEVA, VLADIMIR I. LUTOVINOV,
SVETLANA A. POPOVA (Moscow). The Sixth International Conference
“Great Eurasia”: national and civilizational aspects of development and cooperation.....154

REVIEWS

EVGENY A. TYUGASHEV (Novosibirsk). Russian civilization
in the focus of attention.....177

МЕГАТЕМА «РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ». 5 ЛЕТ СПУСТЯ

**Беседа врио первого зам. директора
Института философии РАН, руководителя мегатемы
«Российский проект цивилизационного развития»,
академика РАН А.В. Смирнова
с главным редактором журнала
«Проблемы цивилизационного развития»,
доктором философских наук В.Н. Шевченко**

**Conversation of Acting First Deputy Director
of the RAS Institute of Philosophy, Head of the Megatheme
“Russian Civilizational Development Project”,
Academician Andrey V. Smirnov
and the Editor-in-chief of the “Civilization Studies Review”,
Sc.D. in Philosophy Vladimir N. Shevchenko**

В беседе руководителя научно-исследовательского проекта по плановой теме¹ «Российский проект цивилизационного развития» академика А.В. Смирнова и главного редактора журнала «Проблемы цивилизационного развития» В.Н. Шевченко обсуждаются итоги пятилетней работы исследовательского коллектива – группы сотрудников Института философии РАН, дается общая оценка значения полученных результатов для широкого круга ученых – философов, политологов, культурологов, историков, всего российского научного сообщества. В частности, подняты важные вопросы уточнения первоначально сформулированных целей и задач проекта, обсуждается общий уровень публикаций журнала, созданного в целях освещения научных результатов исследований по мегатеме, а также направления дальнейшего расширения его тематики. Затрагиваются проблемы сочетаемости различных методологических подходов, используемых авторами опубликованных материалов, соотношения в них культурных, политических и правовых аспектов. Большое внимание уделяется обсуждению теоретических взглядов на взаимодействия цивилизаций в современных условиях, а также уникальной логике развития российской цивилизации, связи «высокой» и традиционной культуры в ходе поисков наиболее адекватного выражения сущности цивилизационного проекта и его практической реализации.

¹ Далее - мегатема

Ключевые слова: «российский проект цивилизационного развития», российская цивилизация, догоняющий тип общественного развития, культура как способ смыслополагания, идея всечеловеческого, исторический смысл России, справедливость и право, политика, национальная идея.

The current conversation of the head of the megatheme “Russian civilizational development project” academician Andrey V. Smirnov and the editor-in-chief of the magazine “Civilization Studies Review” Vladimir N. Shevchenko discovers the results of the five-year work of the research group of the Russian Academy of Sciences Institute of Philosophy, and gives a general assessment of the significance of the results obtained for a wide range of academic researchers – philosophers, political and cultural scientists, historians, and for the entire Russian academic community. In particular, important issues of clarifying the initially formulated goals and objectives of the project are raised. The general standards of publications in the journal, created to highlight the scientific results of research on the megatheme, as well as further prospects are discussed. The discussion also covers such problems as compatibility of various methodological approaches used by the authors of published materials, scrutinizes the relations of cultural, political and legal aspects. Significant attention is paid to theoretical views upon the interaction of civilizations in modern conditions, as well as the unique logic of the development of Russian civilization, the connection between “high” and traditional culture in the search for the most adequate expression of the essence of the civilizational project and its practical implementation.

Keywords: Russian Civilizational Development Project, Russian civilization, catching-up type of social development, culture as a sense setting basis, the idea of the all-human, the historical mission of Russia, justice and law, politics, national idea.

В.Н. В 2018 г. была разработана стратегия развития Института философии РАН, согласно которой институт приступил к реализации семи научно-исследовательских проектов. И первым из них стал «российский проект цивилизационного развития» (РПЦР). Целью его было философское обоснование цивилизационной безопасности России, которая опиралась бы на долговременную стратегию реализации собственного цивилизационного проекта в его внутреннем и глобальном измерениях. Были разработаны две программы исследований на 2018–2021 гг. и на 2022–2024 гг. Масштабность и системность поставленных задач вызвала тогда огромный интерес у сотрудников института, которые, хотя и не сразу, но стали активно включаться в их осмысление и реализацию.

Мне хотелось бы в этой связи задать Вам ряд вопросов. Первый вопрос к Вам. Насколько полно тогда, в 2018 г., были сформулированы главные цели и задачи? Насколько на сегодняшний день мы продвинулись вперед в понимании и осмыслении внешних и внутренних проблем страны? Что мы стали лучше понимать за эти годы?

А.В. За это время ситуация изменилась, и изменилась существенным образом, если не сказать – кардинальным. Сейчас мы находимся совсем в других условиях, нежели тогда, и прежде всего в том, что касается цивилизационной проблематики во всем ее многообразии. И хотя утверждалась эта тема

в 2018 г., обсуждалась и задумывалась она гораздо раньше – мы не просто так «выскочили из коробочки» с этой темой, мы ее обкатывали в разговорах и обсуждениях. И, что греха таить, были тогда сомнения и в институте, и в академическом сообществе в целом. Например, историки, очень авторитетные (не буду называть имена), высказывали не просто сомнения, но даже и неприятие цивилизационной проблематики, заявляя, что это не то, чем нужно заниматься, что это уже отжившее прошлое: Н.Я. Данилевский, А. Тойнби и так далее.

А сегодня мы мыслим совсем по-другому и другими категориями. Сейчас даже такие разговоры странно вспоминать, но жизнь доказала, что цивилизационная проблематика не только никуда не ушла, а, наоборот, выдвинулась на первый план. В 2018 г.¹ я говорил о том, что самым главным противоречием современности является противоречие цивилизационное: оно лежит в самой основе, самой его глубине. И все трения, которые имеют место на более высоких уровнях – политическом, экономическом, социальном – в глубине имеют цивилизационное измерение. Цивилизационный проект России конструировался исходя из этого понимания. Но я не хочу сказать, что я был единственным архитектором проекта, в этом участвовали и В.С. Степин, и А.А. Гусейнов, и другие коллеги, с которыми мы обсуждали проблематику, советовались.

Сегодня очевидно, насколько правильно была выбрана магистральная линия. С одной стороны, это – международная проблематика, с другой – она напрямую касается России и именно ее безопасности. Безопасность имеет разные грани: это и силовой уровень, и уровень работы спецслужб, но цивилизационная грань не менее важна. Здесь, разумеется, трудно измерить, что более важно, а что менее – они все важные, они все должны быть взаимосвязаны, и только тогда все это будет работать.

Мы видим, как за последнее время обострился вопрос цивилизационной безопасности. И мы также видим, что нет никакого: ни экономического, ни даже рационального политического объяснения сегодняшнему противостоянию Запада и России, как нет его и для многих других действий и событий на международной арене. Единственное объяснение этому противостоянию, которое может быть названо, уходит корнями в цивилизационное различие, т.е. в пласт культурных диспозиций, этики, права, понимания человека, мировоззрения, моральных установок, представлений о смысле жизни, о смысле общества, смысле отношений с другими людьми и так далее. Это то, на чем, собственно, и строится все цивилизационное тело.

Чего мы добились за это время? Мы провели систематизацию тех исследований по проблематике цивилизации, которые велись в институте до нас.

¹ В устных выступлениях, см. также: Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.

Мы выпустили том, который назвали «Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria»². Это выдержки, специально подобранные из текстов уже ушедших наших сотрудников, которые предваряются очень хорошими аналитическими вводными статьями ныне живущих философов. Это, если хотите, переключка времен: тех, кто сейчас работает, с теми, кто ушел, эстафета поколений, когда мы, во-первых, подтверждаем преемственность, а во-вторых, видим, от чего мы отталкиваемся.

Принципиально важно, что мы исходим действительно от многозвучия, а не от монопонимания, не от какого-то упрощенного восприятия цивилизации, которое часто можно встретить в некоторых работах, наш подход – философский, не политологический, не исторический, не социологический. Все эти названные грани цивилизационных исследований важны, и без них, наверное, не обойтись, и все это надо знать: и историю, и социологию, и экономику, потому что понятие цивилизации – всеобъемлющее. Но это всеобъемлющее знание базируется на каком-то фундаменте, есть какой-то стержень, который его держит. И это стержень именно философский.

В каком смысле философский? Не в том смысле, что философия составляет стержень цивилизации, а в том, что философский подход позволяет его раскрыть, этот базовый стержень – это то, что можно назвать типом мышления, типом смыслополагания, логикой культуры и так далее – разные слова употребляются разными исследователями, но имеется в виду всегда одно и то же: то, каким образом, по какой логике мы выстраиваем понимание человека и его отношения с другими людьми и с окружающим миром. Отсюда и то, как устроено право, этика, наука, социальная жизнь, политические системы в том или ином обществе.

В.Н. В 2019 г. Ученый совет института принял решение о создании журнала «Проблемы цивилизационного развития». С тех пор как-то незаметно прошло пять лет. Вышло девять номеров журнала, сейчас готовится десятый, общий объем опубликованных материалов превышает 100 авторских листов.

В нашей первой беседе, состоявшейся тогда, пять лет назад, Вы особо подчеркнули, что нужно придать работе журнала дискуссионный характер и что всегда есть опасность превращения журнала в «партийный» в том смысле, что он начинает печатать сторонников одних взглядов и не печатать сторонников других.

Журнал старался выдерживать эту линию. Кое-что нам удалось. Конечно, дискуссии ведутся не ради дискуссии, а прежде всего ради достижения большего взаимопонимания участников, сближения точек зрения. Как нам избегать в будущем малопродуктивных теоретических материалов, когда

² Цивилизация: многозвучие смыслов. Memoria / Отв. ред., сост. А.В. Смирнов, Н.А. Кавина, С.А. Никольский. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 540 с.

на первое место выдвигаются взгляды отдельного автора, и на второй план уходит общее коллективное видение замысла и путей его реализации? Вот здесь достижений у нас заметно меньше. Как нам, редакции и редколлегии журнала, трезво оценить здесь обстановку и перспективы на будущее?

А.В. Вы знаете, Владимир Николаевич, я думаю, что само существование журнала, вот это пятилетие, это уже достижение само по себе, потому что я прекрасно помню то время, когда Вы выдвинули инициативу создать такой журнал. На тот момент у нас в институте уже было достаточно журналов, и в общем-то возможности института как коллектива в этом плане не безграничны. Если сейчас произвести простую арифметическую операцию: разделить число наших сотрудников на число журналов, то получится, что у нас где-то 10 человек на один журнал! Это не очень много. Вот поэтому, конечно, у меня были сомнения, но Вы убедили и меня, и, по-моему, прежде всего самого себя, что все получится. И Вы не ошиблись.

Вот сейчас пять лет прошло, можно сказать, что все удалось, и я, конечно прежде всего хочу Вас поблагодарить за Вашу энергию, за способность, умение организовать дело, сплотить и коллектив, и заинтересовать авторов. Конечно, всегда, особенно в начале, у любого журнала есть трудности, он еще не наработал себе имя, не наработал какой-то авторский актив. Может быть, у меня пристрастное мнение, но я стараюсь быть объективным, и мне кажется, этот этап становления преодолен и журнал от номера к номеру становится все интереснее и интереснее. А что касается дискуссионности, на мой взгляд, здесь все нормально. В этом смысле и разные точки зрения у нас представлены. Естественно, речь не идет о каких-то крайних, экстремистских, взглядах, но в общем-то разные, очень разные точки зрения присутствуют. Нет никакой унификации во взглядах. Разные цивилизации представлены у нас, разные культуры, разные религиозные традиции. Мне кажется, журнал выполняет свою функцию.

А как нам двигаться? Наверное, так и двигаться. Ведь, с одной стороны, это, конечно, определенный проект, где мы реализуем свои намерения. Но, с другой стороны, это ведь жизнь, а жизнь складывается по своим законам. Да, мы хотим, чтобы ребенок был таким-то, а вот он хочет чего-то другого. Но, может быть, и правильно, что он хочет. И поскольку журнал, в общем, получился, в том смысле, что он стал растущим организмом, я думаю, что он сам выйдет на какую-то приличную высоту, если уже не вышел. Всегда хочется быть осторожным и не хочется перехваливать самих себя, ведь это журнал институтский, но мне кажется, что он вышел уже на ту траекторию, которую можно назвать собирающей. Мне нравится это слово «собираение», собирание разных точек зрения, сопоставление, необходимое, чтобы выявить, что в каждой из них есть такого, что может служить общей цели, чтобы получить синергию – сейчас часто употребляют это слово.

Синергия в данном случае – это собирание разных, разнонаправленных энергий с тем, чтобы придать им одно направление, что и происходит, как мне кажется, на самом деле.

В.Н. В конкретной, практической разработке мегапроекта отчетливо выявилось несколько аспектов, по которым развивалась творческая мысль: философско-исторические, традиционно-ценностные, политико-идеологические, наконец, культурно-цивилизационные аспекты. Мне кажется, что номера журнала, в которых опубликованы материалы дискуссий, окажутся очень полезными в дальнейшей работе по реализации проекта. По каким направлениям, как Вы полагаете, Андрей Вадимович, участникам мегапроекта РПЦР удалось продвинуться вперед?

А.В. Понимаете, ведь одним из главных вопросов был вопрос, а что такое цивилизация? Что мы имеем в виду, когда говорим о цивилизации, должны ли мы вообще говорить о цивилизации? Или это псевдо-понятие, как некоторые думают? Или это воображаемое сообщество, как полагают некоторые социологи? Эти точки зрения ведь известны. Нужно ли нам вообще это понятие или, может быть, достаточно формационного подхода? Где место цивилизационных исследований, и что такое цивилизационные исследования? Это цивилизационный подход или это что-то другое? Мне кажется, нашим главным достижением стало как раз то, о чем Вы говорите: четкое понимание разных подходов к исследованию цивилизации и их возможностей. Наметились точки зрения, наметились направления, т.е. у нас, если хотите, появилась своеобразная ментальная карта, появилась определенность, а это значит, что мы можем более осмысленно двигаться вперед в будущем. Вот это главное.

В.Н. В дискуссиях как-то не особенно сильно прозвучала проблематика культуры. Ведь в мегапроекте с самого начала было заявлено, что два аспекта являются основополагающими: проблематика культуры и политические цели цивилизационного проекта. Чем можно объяснить, что продвижение по вектору культуры оказалось не таким значительным, хотя предпосылки, сформулированные в виде тезисов о необходимости раскрытия логики собирания русской (российской) культуры с точки зрения идеи всечеловеческого мало кем были оспорены?

А.В. Да, верно, но я бы не сказал, что культура совсем уж осталась у нас в тени: недавно мы обсуждали книгу С.А. Никольского, двухтомник «Советское»³, а ведь по задумке это и есть исследование культуры. Получилось, не получилось – это другой вопрос. Что касается Вашего вопроса – верно, что разработка логики философской соборности, т.е. собирания разнонаправленных культурных потоков, с моей точки зрения, лежит в основе российской культуры и российской истории, благодаря которой Россия

³ Никольский С.А. Советское. Философско-литературный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. 322 с.

сохраняется и способна, почти как птица Феникс, восставать из пепла и переживать очень тяжелые периоды. Вспомним хотя бы период гражданской войны, когда территория России сжалась под напором иностранной интервенции. Ведь это же было время, когда, казалось, вся страна может быть потеряна. Или Великая Отечественная война, когда также на карту была поставлена судьба страны, останется она или нет на карте мира. Можно и в еще более ранние исторические эпохи заглянуть, но всякий раз Россия возрождалась, находила в себе силы встряхнуться и ожить.

Также было и после 1991 г., после катастрофического развала страны, катастрофического по своим социальным, экономическим, психологическим последствиям. Может быть, именно психологические последствия были самыми тяжелыми. Не в узком понимании психологии, а именно как культурные последствия, ведь в это время произошла утеря ориентиров: представлений о смысле жизни, о смысле существования страны в современном мире. Ведь мы всегда ставим вопрос: а для чего страна? Да и наши оппоненты ставят так вопрос: а для чего такая страна, как ваша? Для чего она нужна истории?

Это и есть самый главный вопрос, на который русская философия должна ответить. В чем смысл России? В чем такой смысл, который не сводится к смыслу существования других стран? Россия – совершенно особая страна не только потому, что она самая большая страна в мире, с особой историей. Есть и другие страны, не такие большие, но все-таки тоже с особыми историями. Но в чем незаменимость именно России? С моей точки зрения, ее смысл, ее незаменимость заключается в том, что это – страна, подобная капле воды, в которой отражается целый океан. В своей соборности, в собрании разных культур и мировоззренческих потоков, в способности народов жить вместе и собираться ради единой цели, ради страны, ради ее выживания и процветания – во всем этом Россия отражает целый мир, включает в себя различные культуры и религиозные традиции: и христианскую, и ислам, и буддизм, и иудаизм. В этой способности гармоничного собирания можно увидеть проект, который может быть предложен всему миру.

Например, для Сибири характерен особый уклад, но ведь это не мешает собиранию той гармоничной целостности, которую мы называем Россией. Логика этого собирания, как мне кажется, и есть то, что задает смысл истории России, ее неповторимость. Это то, что мы чувствуем, живя здесь. Если уехать в какую-то благополучную и даже образцовую страну, где все хорошо в бытовом плане, что-то потеряется. Это «что-то», может быть, пока что плохо выражено словами, но это то, что обязательно требует своего философского осмысления и выражения: это ощущение собирания, плеча. Плеча не просто другого индивида, а именно плеча твоего со-ратника,

со-трудника, того, кто трудится рядом и вместе с тобой, кто по-другому устроен, но с которым ты находишь взаимопонимание.

В.Н. Я среди своих. Мой дом, мои люди, живущие в этом доме.

А.В. Да, артикуляция этого, мне кажется, это и есть философская задача, потому что, я повторю, цивилизация – это очень многогранное понятие, в нем есть и экономика, и социология, и политология. Все они изучают цивилизацию, но философский подход к цивилизации предполагает ответ на вопрос: что держит цивилизацию, что делает из нее целостность, в чем заключается целостность цивилизации?

В.Н. Андрей Вадимович, есть такое известное выражение: «Культуры в российском обществе много, а цивилизации маловато». Оно нередко встречается в разного рода публикациях. Дело в том, что есть высокая культура, которая создается наиболее теоретически образованной частью общества. Это культура в узком смысле слова, культура для всего общества и цивилизации лишь в возможности. Мы также говорим о культуре производства, культуре госуправления, культуре общения и т.д. Это уровень усвоения высокой культуры на нормативном уровне в рамках конкретных форм деятельности. Наша ли это задача? Я имею в виду, здесь есть какое-то узкое место в обществе. Этот перелив высокой культуры в культуру конкретного, профессионального поведения, профессиональной деятельности – что нам здесь мешает, что здесь нужно было бы еще более детально и в разных аспектах изучить философии?

А.В. (смеется) Да, «Культуры – много, цивилизации – мало» – это, конечно, из разряда шуток.

В.Н. Это двусмысленное выражение нередко встречается в публикациях.

А.В. Если всерьез, то, конечно, так не бывает. Кстати говоря, иностранные путешественники в России часто фиксировали то, о чем вы говорите: разрыв между «верхушечной» культурой, культурой верхов, и массовой культурой, чего в общем-то в естественно живущей культуре быть не должно. Это везде есть, но если это слишком, если этот разрыв доходит до того, что верхи говорят по-французски, а низы по-русски, то это уже никуда не годится. Вот тогда перелива быть не может. Это было до революции и начало преодолевать в замечательной русской литературе, начиная с Пушкина, но до конца, наверное, не было преодолено. До конца наладить такую жизнь культуры и общества, чтобы культура зажила естественной жизнью, чтобы отчуждение было преодолено, не хватило времени или чего-то другого.

Конечно, так не бывает, чтобы культуры было много, а цивилизации мало, потому что культура и цивилизация – это не что-то разное, а это две стороны одного и того же. Согласно очень короткому определению, которое давно в нашей исследовательской группе принято и которое мне очень нравится, культура – это способ смыслополагания. Именно полагания смысла, потому

что смысл нам не дан, он нами полагается, не по алгоритмам, поскольку человек не алгоритмическое существо, но следуя определенным законам.

Смысл полагается нами. Культура – способ смыслополагания, а цивилизация – тело, которое воплощает достижения культуры. Если возникают определенные правовые установления или становится необходимым писанное право на какой-то стадии развития общества, то откуда оно берется? Конечно, это продукт культуры, но само по себе функционирование правовой системы – это и есть элемент цивилизации, поэтому здесь одно от другого оторвать невозможно.

В.Н. Очень часто между правовой основой и культурой возникают противоречия. Культура требует одного, а правовое основание не меняется ведь каждодневно.

А.В. Но, понимаете, с моей точки зрения, культуру нельзя ничему противопоставить, потому что ведь то, как функционирует право, это и есть аспект культуры. Конечно, можно сказать, что культура внутри себя противоречива, потому что проявляется, скажем, в морали, в устремлениях, или в таком часто звучащем русском вопросе: «Что важнее: справедливость или право? Справедливость или закон?» И обычно говорят, конечно, справедливость важнее: закон – это формальное что-то, а справедливость – настоящее, живое, смысловое, это – то, ради чего.

Я думаю, что европеец никогда бы не ответил, что справедливость важнее, чем закон. Для него справедливость устанавливается посредством закона. Это пример столкновения разных типов смыслополагания, и задача русской философии не в том, чтобы сказать: «Давайте идти по европейскому пути, потому что он лучше, потому что он доказал свою эффективность». Конечно, европейскую цивилизацию можно назвать эффективной, это понятно, но вопрос-то ведь другой, вопрос в том, почему мы отвечаем иначе и что стоит за этим нашим другим ответом, что мы хотим этим выразить? Почему это противопоставление содержательного формальному не только в этом примере проявляется, но оно проявляется и в противопоставлении православия латинству, живого религиозного опыта формализованному, погрязшему в мирской формальности, если хотите.

Уход от формализма, желание чего-то большего, что не заключается в формальных рамках, что не может быть формализовано. Это стремление к целостности и тоска по целостности и, если брать тот пример, по целостной справедливости, которая предполагала бы закон, но все никак не могла бы быть ограничена законом. Это, мне кажется, и есть движущий мотив русской истории, русского мировоззрения, который должен быть обязательно артикулирован и который проявляется в очень разных аспектах. Это и самопожертвование, и такая известная черта, как добросердечие, или, скажем, снисходительность и мягкость к преступникам, ведь преступник

не тот, кто отвержен. Преступник преступил закон, но это не значит, что он выпал из справедливости. Понимаете? Здесь, конечно, есть и христианское отношение, но здесь есть что-то еще другое. Ведь на Западе тоже христианство, но оно не мешает законническому мышлению.

Культура в этом и живет. Вот это и есть культура, культура как способ смыслополагания, а уже из этого вырастают очень многие вещи, включая и повседневное, и профессиональное поведение. А что сделать, чтобы происходило хорошее усвоение высших достижений культуры вниз? Перестать дергать общество революциями и постоянными реформами. Перестать его дергать, понимаете?

Иначе и получается, как в одном известном высказывании, что за 30 лет меняется все, а за 300 – ничего, потому что мы все равно вернемся к тому, что решили разрушить, но только для этого потребуется много лет. Вот сегодня, наконец, все чаще и чаще звучат голоса, что в советской школе все было совсем неплохо. В последние десятилетия напридумывали много непонятного. Сейчас возвращаемся к тем идеям, которые были в школе в советское время. Но зачем надо было их сразу отбрасывать, все реформировать? За 30 лет все поменялось, начиная с 1991 г. А теперь мы делаем так, чтобы на самом деле ничего бы и не поменялось. Ну так сразу надо было не махать шашкой и все отбрасывать, а как-то с умом развивать имеющееся.

Вот когда мы научимся жить не в режиме постоянного пропалывания грядки, когда мы вместе с сорняками выкидываем и культурные растения, а потом спрашиваем: «А почему у нас ничего не растет?» Когда мы перестанем это делать, вот тогда, наверное, культура заживет нормальной жизнью, как говорится, подобно экосистеме, которая, если ей не вредить, себя сама восстанавливает, и культура тоже себя восстановит, если ее не насиловать постоянно.

В.Н. Она ничего, так сказать, не отбрасывает.

А.В. Нет, и она удивительным образом умеет все преобразовывать.

В.Н. И хранить в себе.

А.В. И возвращать восстановленные утраты в нормальное состояние, в работу.

В.Н. Теперь о политических аспектах проекта. В ходе проведенных исследований, мне кажется, удалось выяснить и обосновать, что модель догоняющего развития для понимания истории России, тем более для ее ответа на современные вызовы, должна быть решительно отставлена в сторону. Эта модель была продуктом как теоретического заблуждения, так и усиленного навязывания ее извне. Сегодня с возвращением России к себе началась новая историческая эпоха с новым для нас принципом развития – «обгонять, не догоняя». Что это означает для нашего мегапроекта? Какой здесь взгляд на историю России и на будущее?

А.В. Конечно, ведь одна из первых развилок на пути исследования цивилизации – это ответить на такой как будто просто звучащий вопрос: «Одна цивилизация на планете Земля или их много?» Дело не в том, чтобы мы арифметически что-то подсчитали. А дело в том, какой концепции мы придерживаемся: считаем ли мы, что история движется по одному пути для всех, и тогда вы можете редуцировать историю, скажем, к стадиям социально-экономического развития, как в марксизме, и получаете стадиальную теорию. В ней действительно кто-то ушел вперед, кто-то остался позади. Вы можете придумать другую теорию, но она будет тоже моно-цивилизационной. Например, гегелевский тип понимания истории – тоже прогрессивное движение от одной начальной точки варварства к некой конечной точке цивилизационного совершенства. Тогда снова есть те, кто ушел вперед, поэтому любой разговор о догоняющем развитии будет базироваться на этой идее.

Что делал Петр, когда прорубал окно в Европу? Да, он хотел догнать, но ведь речь-то шла о том, что нужно догнать Европу в тех областях, которые были критически необходимы для выживания России. Была ли эта догоняющая модернизация? Я не думаю, что это так. Это было именно заимствование критически необходимых образцов и элементов техники, промышленности, военного дела, которые были нужны для выживания России. И Петр с этой задачей справился. Если бы он этого не сделал, наверное, история пошла бы совсем по другому пути. Мы не знаем, что было бы с Россией.

Но другой вопрос, меняет ли это вектор развития России? И смогла ли Россия усвоить эти достижения так, чтобы они стали органичной частью ее собственного развития? Вот это и есть развилка. Если у вас есть одна линия, тогда вы все меряете одним лекалом, тогда вы берете самую развитую, с вашей точки зрения, цивилизацию и рассматриваете всех на предмет соответствия достижениям этой цивилизации.

Если такой цивилизацией считать европейскую, то ведь проблема в том, что достижения этой цивилизации все время меняются, потому что любая культура, любая цивилизация все время развивается, в том числе и отрицая саму себя. И то, что вы догоняли 50 лет назад, сегодня эта же самая цивилизация начинает отрицать. Или это может произойти через 100 лет или через 150 лет, но она все равно начинает отрицать. Так, сегодня европейская культура, европейская философия задумывается, не отрицает, но задумывается над оправданностью, скажем, проекта Просвещения, пониманием человека в этом проекте. Задумывается над тем, способен ли этот проект обеспечить всеобщее процветание. Он же ведь претендовал именно на то, что обеспечит общечеловеческое процветание. А сегодня мы задумываемся, так ли это.

Догоняющее развитие вас обрекает на то, что вы никогда не догоните, во-первых, а во-вторых, то, что вы догоняете, будет все время от вас ускользать.

Как в сказках про нескольких зайцев, которые всегда впереди догоняющего оказываются, потому что все время в нужное время другой заяц выскакивает.

Я думаю, что пути развития разных культур и разных цивилизаций разные. Это не один и тот же путь. Почему? Потому что есть фундаментальная логика, которая лежит в основе культуры, которая руководит выстраиванием ключевых элементов цивилизации, таких как право, этика, общественная структура, политическая система. Если эти логики разные, то тогда и пути не могут быть одинаковыми, они с необходимостью будут разными. Тогда вопрос о том, чтобы догнать, вообще лишается всякого смысла, или он должен быть как-то по-другому сформулирован. Это означает – догонять, не сходя со своего пути. Вот в чем дело. Это то, что делает Китай – догоняет, не сходя со своего пути. Это значит дать обществу те же самые материальные достижения, или уровень благосостояния, или возможность пользоваться техническими новинками, но не меняя фундаментальной логики своей культуры, которая позволяет и обществу гармонично функционировать, и человеку чувствовать себя гармонично в этом обществе, не терять осмысленности своей жизни и судьбы страны, вписанности своей жизни в жизнь страны.

Это очень важно для человека – понимать правильно, для чего его страна нужна. А иначе, как мы объясним людям, что, скажем, вырубать леса – нехорошо? Они скажут: «Почему нехорошо, если самое главное – это прибыль? Вы же говорите – капитализм у нас. Ну так прибыль же самое главное, это я очень хорошо и выгодно продал. – Но ты же ведь будущее страны загубил. – А какое будущее? О чем вы говорите, что такое будущее страны?». Должно быть определено очень ясно, каким мы видим будущее страны через 50 лет, через 100 лет. В чем смысл развития? Почему страна незаменима для истории и для человечества: никем и ничем не может быть заменена?

Итак, это первая развилка: один путь или много путей. Если много разных путей, о чем первым всерьез заговорил Н.Я. Данилевский, тогда тут надо различать две вещи. В цивилизационной теории говорят о многообразии форм, но многообразие форм может быть на одной линии. А Н.Я. Данилевский говорил о том, что пути разные, не просто формы разные, а линии развития разные. Вот этого часто не понимают. И вот тогда, если вы идете по своему пути, то вы можете обгонять, не догоняя. Можете, потому что догонять – означает идти по тому же пути, по которому шел догоняемый, а вы идете по другому пути и можете обогнать, если удастся.

В.Н. В продолжение этого разговора: мы все-таки признаем, что в экономическом плане мы пока отстаем от Запада, и в этом вопросе возникает ответ, связанный с идеей мобилизационной модели развития, т.е. насколько логика русской, отечественной культуры несет в себе возможность именно мобилизационной модели? Или она вообще равнодушна к этому: можно мобилизационной, можно спокойно развиваться? Или для России этот момент

мобилизации является одним из важнейших в ее истории? И как это может быть обосновано культурой или, напротив, может быть отторжение культурой такой мобилизационной модели?

А.В. Я выражу сейчас свою точку зрения. Мы все знаем анекдот про человека, который лежал под банановой пальмой и наслаждался жизнью. Американец говорит ему: «Что ты лежишь, продай бананы да купи сначала тачку, потом машину, грузовик, потом пароход, вози в Европу, накопи много денег, и тогда сможешь лежать спокойно и наслаждаться жизнью». Человек ему отвечает: «А я и так лежу спокойно и наслаждаюсь». Это, конечно, шутка. Но вопрос-то ведь в том, каково ваше мировоззрение и в чем вы видите смысл деятельности?

Если изначально человек – это атомарный, субстанциальный индивид, то он в экономическом отношении ориентирован на достижение максимума своей выгоды. Но поскольку максимизация выгоды всегда бывает за счет другого, то он должен соблюдать законы.

Вот откуда приоритет права, но не справедливости. Именно право является путем к справедливости с западной точки зрения, потому что каждый должен соблюдать формальное право для того, чтобы минимально сталкиваться с другими и тем самым максимизировать так называемое общее благо. То есть каждый достигнет большей прибыли, если будет соблюдать это формальное право, это выгодно всем. Почему? Потому что каждый прежде всего – атомарный индивид, и любому человеку в принципе все равно, проиграет другой или выиграет. Вернее, ему даже лучше, если проиграет его сосед, ведь тогда он больше выиграет. И каждый в этом смысле эгоистичен.

Если мы возьмем наше общество, то его движущая сила другая. Человек будет работать, трудиться, будет настоящим членом общества в том случае, если он знает, ради чего, ради какого общего смысла он трудится. Ему нужен какой-то идеальный смысл, или, если хотите, трансцендентный смысл, тот смысл, который выше, чем горизонт твоей личной жизни. Это стремление к целостному смыслу. Вот если он есть, то тогда да, тогда запускаются механизмы мотивации. И мобилизационный механизм использует это. Ведь мобилизационная экономика – это экономика в условиях каких-то гигантских вызовов типа войны, гражданской войны или каких-то больших лишений. В любом случае, это вызов, на который надо ответить, и он становится таким трансцендентным смыслом, поскольку под сомнение ставится сама судьба страны.

Ответ на вызов имеет прежде всего некий отрицательный смысл, потому что это борьба с опасностью уничтожения, но должен быть в нем также и положительный, созидательный смысл. И тогда происходит то же самое, что происходит при мобилизации, но не за счет использования ресурсов общества, а за счет какой-то творческой деятельности людей. Но здесь уже каждый

человек становится личностью, которая находится в со-работничестве, в со-трудничестве, т.е. соборной личностью ради общего дела, ради общего блага.

Это не идея общественного блага, которое позволяет максимизировать достижения каждого, как в европейском понимании, а именно идея общего дела, ради которого, как говорится, можно все отдать. В общем, это стремление к тому, чтобы достичь чего-то целостного, что преодолевает индивидуализм, ограниченность индивидуальной жизни или индивидуальные цели.

В.Н. И последний вопрос, как раз мы к нему подошли. Знаете, есть проблема национальной идеи. Многие ученые, писатели, журналисты, философы говорят, что разговор о цивилизации нужно начинать с национальной идеи. Одни говорят, что нужно реализовать русскую мечту, другие говорят о космизме как о самой характерной черте русской мысли, что это призвание России, третьи мечтают об экологической цивилизации и т.д. Получается так, что национальная идея – это вечный интеллектуальный поиск всемирного призвания России, а стратегия – это тоже поиск, но уже решения конкретных задач, они лежат в разных плоскостях. Легко и приятно мечтать, гораздо сложнее заниматься реализацией стратегических целей, которые могут меняться при изменении условий. Как видится Вам, Андрей Вадимович, решение этого сложного взаимодействия мечты и прагматики?

А.В. Мне кажется, национальная идея, национальная мечта – это что-то, как говорится, «на века». Я согласен, это выше (или глубже), чем даже стратегические цели, тем более тактические цели, поскольку стратегия все же разрабатывается на какой-то обозримый временной период, она, конечно, не на тысячу лет разрабатывается. Так не бывает. А вот национальная идея, если это действительно национальная идея, может быть и на тысячу лет.

В.Н. А в Китае реализация китайской мечты лет на 100 вперед расписана.

А.В. Да. И у китайцев есть это ощущение. А что это такое? Это то, что жизнь выстраивается по «Книге перемен», то, что инь и ян – это не просто какие-то красивые символы, а это и есть закономерность и устройство жизни, это то, что пронизывает ее всю, это есть смыслополагание, это есть то, как вы осмысливаете жизнь, как вы осмысливаете человека, как вы осмысливаете космос. Вот это и есть мечта жить так, чтобы мир был устроен в соответствии с вашим мировоззрением. В конечном-то счете это и есть суть любой, я так думаю, так называемой национальной идеи или национальной мечты.

Например, что такое американская мечта? С одной стороны, что-то очень простое, а с другой стороны, попробуй ее точно сформулировать. В-первых, это что-то краткое должно быть: то, что позволяет каждому реализовать максимально свои способности, есть только в Америке. Вот это и есть американская мечта: только здесь, в Америке, чистильщик сапог может стать миллионером или президентом. Отсюда и особый американский

дух – такой, как бы сказать, технологический дух. Это очень чувствуется в Америке. Почему-то Америка уверена, что можно технологически решить любой вопрос, а не как-то иначе. Не с помощью культуры, не гуманитарно, а именно технологически. Можно прийти в другую страну, там все снести и разбомбить. Это решается чисто технологически, а потом опять-таки чисто технологически что-то хорошее там сделать, например, демократию принести. Это и есть оборотная сторона американской мечты.

Как видите, стратегические цели и даже технологии их осуществления напрямую привязаны все-таки к национальной мечте. Почему? Потому что это и есть проявление мировоззрения, ведь национальная мечта тогда будет действительно национальной мечтой, а не какими-то пусть красивыми, но частными проектами, когда она выражает самую суть национального мировоззрения.

Мне представляется, национальная идея России давно выражена. Она выражена в идее слезинки ребенка Ф.М. Достоевского. Нельзя построить всеобщее счастье на несчастье другого, даже на самом маленьком. В конечном счете социализм и коммунизм овладели массами у нас, потому что они как будто обещали решение всех жизненно значимых проблем, они соответствовали интуитивным представлениям людей об этом, во всяком случае, обещали избежать слезинки ребенка. Но получилось извращение этой идеи, ведь были потоки крови, уничтожение целых классов, и все оправдывалось тем, что без этого невозможно будет достичь всеобщего, абсолютного счастья. Мне кажется, что в этой «слезинке» и находится национальная идея, и не нужно ее искать где-то там на стороне и тем более в сочинении на французском языке нашего известного философа. Не в том русская идея, чтобы для других исполнить некую служебную функцию, как думали Чаадаев и Соловьев, а русская идея в том, чтобы найти то, чего другие не ищут, а именно – целостность и смысл. Это настоящие русские слова, да и смысл русской истории именно в этом, ради чего наша история и движется. Вот что способно собрать страну заново, даже когда Россия переживает очень тяжелые катастрофы.

В.Н. Хорошо, Андрей Вадимович, спасибо большое. У нас ровно на час была рассчитана беседа. Мне кажется, она получилась, и мы постараемся те мысли и идеи, которые у нас возникли сегодня в беседе, так или иначе реализовать в работе журнала. В общем, журнал вступает в новую историческую полосу развития. Уверен, что журнал справится со своими задачами, но мы будем надеяться в трудных ситуациях на помощь и поддержку с Вашей стороны.

А.В. Конечно, Владимир Николаевич, спасибо. Пожелаю журналу и всем его авторам слаженной, собранной работы во имя нашего общего дела.

МЕТОДОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В.Н. Шевченко

Особенности социально-философского и философско-исторического подходов к исследованию цивилизационной проблематики

Vladimir N. Shevchenko

Features of socio-philosophical and philosophical-historical approaches to the study of civilizational issues

Автор статьи настаивает на необходимости выделения двух взаимодополняющих аспектов в понимании природы цивилизации. В одном случае цивилизация есть историческая эпоха, а в другом – цивилизационное развитие отдельных локальных государств или обществ (локальных цивилизаций).

В статье раскрывается тематическое поле исследований по цивилизационной проблематике с позиций социально-философского знания (включая и его философско-историческую составляющую). Отмечается, что неопределенность и размытость понятия цивилизации обусловлены в значительной мере тем, что до сих пор не выявлен его философский статус, поскольку понятие рассматривается, как правило, вне связи с системой социально-философских категорий. Важным теоретическим вопросом выступает вопрос цивилизационного самосознания общества, т.е. осознание себя как цивилизации.

Далее в статье говорится о теоретической и практической значимости изучения уровня развития локальных цивилизаций при переходе от самостоятельного типа развития к зависимому типу развития. Много внимания уделено анализу зависимого и отсталого типа исторического развития незападных цивилизаций, которое длилось в течение пятивекового цикла всемирной истории.

В последнем разделе статьи обсуждается сложный и не до конца проясненный вопрос, который со всей обстоятельностью поставил Ш. Фурье. Имеет ли цивилизация как историческая эпоха временные рамки существования или эта эпоха навсегда? Сегодняшняя смена вектора мирового развития, отказ от однополярности позволяет автору поставить вопрос о переходе человечества от эпохи цивилизации к новой эпохе, к Новой современности, когда дальнейшее развитие человеческого общества будет проходить по законам культуры.

Ключевые слова: социальная философия, философия истории, цивилизация, локальная цивилизация, цивилизационный проект, культура, современность, Новая современность, русская (российская) цивилизация, православная цивилизация, зависимый тип развития.

The author of the paper insists on the need to highlight two complementary aspects in understanding the nature of civilization. In one case, civilization is a historical era, and in the other, it is the civilizational development of individual local states or societies (local civilizations). The paper reveals the thematic field of research on civilizational issues from the perspective of socio-philosophical knowledge (including its philosophical and historical component). It is noted that the uncertainty and vagueness of the concept of civilization is largely due to the fact that its philosophical status has not yet been identified, since the concept is considered, as a rule, without connection with the system of socio-philosophical categories. An important theoretical issue is the question of civilizational self-awareness of society. i.e. awareness of oneself as a civilization. Further, the paper talks about the theoretical and practical significance of studying the level of development of local civilizations during the transition from an independent type of development to a dependent type of development. Much attention is paid in the paper to the analysis of the dependent and backward type of historical development of non-Western civilizations, which lasted during the five-century cycle of world history. The last section of the paper discusses a complex and not fully clarified question, which was posed by S. Fourier in all detail. Does civilization as a historical era have a time frame of existence or is this era forever? Today's change in the vector of world development, the rejection of unipolarity allows the author to raise the question of the transition of humanity from the era of civilization to a new era, to the New modernity, when the further development of human society will take place according to the laws of culture.

Keywords: social philosophy, philosophy of history, civilization, local civilization, civilizational project, culture, modernity, New modernity, Russian civilization, Orthodox civilization, dependent type of development.

Огромное количество отечественной литературы по цивилизационной проблематике, изданной за последние десятилетия с 70-х гг. прошлого века, показало всю сложность и противоречивость ее теоретического осмысления. Обнаружилось, однако, одно важное обстоятельство. Отрадно, что все социально-гуманитарные науки активно включились в обсуждение, но при постоянном рассмотрении полученных этими науками результатов как-то затерялась философия. Очень часто философские размышления и выводы упоминаются в одном ряду с самыми разными по природе данными, хотя социальная философия принципиально отличается от конкретно-научного знания. Неопределенность и размытость понятия цивилизации обусловлена в значительной мере именно тем, что до сих пор не выявлен в должной степени философский статус понятия цивилизации. Причина, на первый взгляд, достаточно очевидная – рассмотрение его содержания, как правило, вне связи с системой категорий философии общества.

В целом мы придерживаемся социально-исторической теории К. Маркса с учетом обстоятельств времени и эпохи, как и разделяемого сегодня многими

авторами естественно-исторического конструктивизма, непосредственно вытекающего из теоретических воззрений К. Маркса, о чем не всегда говорится в публикациях по этой тематике [4]. Современная отечественная социальная философия при всем разнообразии точек зрения исходит в главном из континентальной, европейской и отечественной традиций, и в этом смысле опирается в своем обосновании на субстанциально-деятельностный подход.

Понятие цивилизации обретает свой философский смысл через обращение к предметной деятельности людей, которая в реальности имеет конкретно-исторический характер. Анализ взаимосвязи субъекта предметной деятельности и социальных (общественных) отношений людей дает возможность правильно подойти к пониманию сущности отношений между цивилизацией и обществом [27]. В настоящее время социокультурный подход выступает одним из важнейших средств, помогающих выявить глубокое своеобразие цивилизации [19]. А.С. Ахиезер еще в 90-е гг. прошлого века видел в социокультурном противоречии форму основного противоречия общества между социальными отношениями и культурой. Противоречие возникает в результате того фундаментального обстоятельства, что «культура и социальные отношения развиваются по разным законам. Социальные отношения не изменяются произвольно в зависимости от желания людей, любого субъекта. ...культура способна критиковать сложившийся опыт, обходить свои собственные запреты» [2, с. 371].

Если субъект деятельности, опираясь на достижения культуры, постоянно и целенаправленно меняет институциональные структуры общества в соответствии с цивилизационным проектом, то в принципе имеет место прогрессивное направленное развитие общества. А если деятельность субъекта ограничена рамками этих структур, которые, несмотря на непрерывное развитие общества, точнее, его производительных сил, не позволяют ему переходить к более высоким смыслам и формам предметной деятельности, развивать и совершенствовать способности человека, т.е. двигать вперед историю, тогда социокультурная эволюция постепенно заводит общество в исторический тупик. Плоти́на, поставленная перед историей неизменными структурами, институциональными в первую очередь, рано или поздно будет разрушена, и это разрушение обретает революционный характер.

Таков вкратце механизм смены цивилизационных проектов в отдельном государстве. К. Кантор в своей работе «Двойная спираль истории: История проектизма» изложил оригинальную концепцию, указав, в частности, на необходимость «четких различий между социокультурной эволюцией и историей и, соответственно, между социокультурной и социоэкономической системой» [7, с. 655]. Большой вклад в разработку широкого круга вопросов о соотношении общества и истории внес В.М. Межуев, много занимавшийся этой проблематикой [13].

Цивилизация как историческая эпоха

В современной литературе классическим признается известный вывод, сформулированный американским ученым, этнографом Льюисом Г. Морганом и вынесенный в подзаголовок его книги, изданной в 1877 г., согласно которому дикость, варварство, цивилизация есть исторические этапы в развитии человеческого общества [16]. Вскоре после ее выхода Ф. Энгельс подчеркнул, что «Л. Морган в Америке по-своему вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет назад» [29, с. 25]. Ф. Энгельс говорил также о трех главных эпохах цивилизации и процитировал слова Л. Моргана, который назвал предложенную им периодизацию истории великими эпохами человеческого прогресса. Так что, заметим попутно, что все, кто разделяют эту периодизацию, которая считается в науке общепринятой, должны каким-то образом принимать и взгляд на историю человечества как на историю человеческого прогресса. Отказ от прогресса тогда должен будет объяснен тем, что цивилизация как историческая эпоха исчерпала себя, и общество перешло к эпохе ее самоотрицания.

Это стадияльное представление о процессе развития сформировалось в рамках европейской (западной) мысли и представляется как общеобязательный, универсальный путь развития человечества. В этих рамках существуют так или иначе все процессы исторического развития отдельных государств, что важно подчеркнуть. Цивилизация – это историческая эпоха, которую вполне можно рассматривать и с позиций материалистического взгляда на историю. Ф. Энгельс говорил о трех великих эпохах (периодах) в ее развитии и связывал их с рабством, крепостничеством и наемным трудом.

Можно согласиться с Ю.Д. Граниным, который указал на важность выделения двух взаимодополняющих аспектов в понимании природы цивилизации. «В первом случае “цивилизация” рассматривается в качестве всемирно-исторической тенденции социальной эволюции человечества. Во втором, как ее результат, всегда выраженный в конкретно-исторических особенных формах... именуемых в общественности “локальными цивилизациями” [5, с. 8]. Как нам представляется, понятие цивилизации как исторической эпохи обладает своим собственным богатым содержанием. Поэтому, когда говорят об отдельной древней цивилизации (египетской или китайской), то имеется в виду, что общество вступило на путь цивилизационного развития и в нем идет естественно-исторический процесс постепенного накопления различных элементов своего собственного цивилизационного устройства, которое впоследствии получит свое теоретическое объяснение. Этот подход имеет целью развести между собой две принципиально разных интерпретации понятия цивилизации, что теоретически недостаточно отрефлексировано.

Такое явление встречается не один раз при осмыслении различия между исторической эпохой и конкретным обществом, пребывающим в этой эпохе. Так, например, по утверждению Б.Г. Капустина, современность – это историческая ситуация, и потому модернизация конкретного общества не есть путь движения к современности, к современному обществу. Проект общества модерн, «модернизация в смысле реализации проекта общества модерн “есть способ существования в современности” [8, с. 587]. Рождающаяся Новая современность, о которой следовало бы поговорить отдельно [26], вполне определенно указывает на начало Новой исторической эпохи. Незападный мир обнаружил другие пути в современность, теперь уже в Новую современность. Важным теоретическим вопросом выступает вопрос цивилизационного самосознания общества, т.е. осознания себя как цивилизации. Если до некоторой точки X идет стихийное развитие общества, идет накопление цивилизационных признаков, то условно названная точка X обозначает коренной поворот в самосознании общества. Это знаковая точка в истории общественной мысли.

В мировой истории можно выделить две принципиальной важности знаковые точки в отношениях между традиционными, аграрными обществами и капиталистическим, индустриальным, буржуазным обществом. Первый рубеж связан с возникновением всемирной истории в ее собственном смысле в XV–XVI вв., когда начинаются великие географические открытия, приводящие к появлению первых колоний, бурному развитию внешней торговли и затем ранне-буржуазных отношений в странах Западной Европы. Столкновение европейского общества с миром за его пределами порождает понимание их принципиального различия, что и приводит к концептуализации цивилизационного взгляда.

О втором рубеже, связанном с переходом европейского капитализма на империалистическую стадию развития, речь пойдет ниже. Самостоятельному существованию как отдельных больших государств-империй, так и догосударственных образований постепенно приходит конец, но применительно к пониманию исторических судеб незападных локальных цивилизаций остается еще немало трудных вопросов. И самый главный из них состоит в выяснении того, как складываются в них цивилизационные процессы, когда наступает конец их самостоятельному, независимому движению по своему традиционному пути.

Цивилизационное сознание и самосознание появляется в Новое время. Примерно с середины XVII в. и на протяжении XVIII в. идет процесс постепенного осознания европейским обществом появления у него тех черт, которые были названы цивилизационными признаками. С этого момента можно говорить о становлении собственно цивилизационного взгляда на исторический процесс, а в современном его оформлении – цивилизационного подхода.

Понятие цивилизации первоначально складывается во французском языке, и его становление отображает особую судьбу французской буржуазии, в то время как впоследствии понятие культуры – судьбу немецкой буржуазии. Нарождавшаяся буржуазная интеллигенция во Франции была активно реформаторской на протяжении длительного времени. Она входила в придворные круги, говорила на языке этих кругов и развивала этот язык. Следствием этого стало, в частности, появление таких понятий, как, например, «цивизованность». Представления о манерах, такте, вежливости и внимательности, о других чертах индивидуального поведения «*homme civilisé*» развиваются до общего понятия, обозначающего всю совокупность нравов и само реальное состояние высших слоев общества. Британско-немецкий социолог Н. Элиас [29, с. 236] дал детальное изучение становления цивилизации как специфического образа деятельности не только отдельного человека как цивилизованного человека, но и определенных социальных слоев. Цивилизованность постепенно превращается в социальную характеристику. Конкретными носителями цивилизованности выступит буржуазная интеллигенция как часть третьего сословия. Она впоследствии объявит себя нацией, совершит буржуазно-демократическую революцию, создаст новый тип государства, и в практическом смысле мало что оставит от господствовавшей в традиционном обществе религиозной культуры.

Поведение нарождавшейся буржуазной интеллигенции устремлено на то, чтобы сделать, прежде всего, придворное общество цивилизованным, цивилизовать государство, в том числе и широкие слои народа, посредством просвещения и воспитания. Цивилизованность – это не состояние, а процесс, который должен постоянно продолжаться. Развитие цивилизации во Франции, точнее говоря, цивилизационных процессов, как наиболее полное по тем временам выражение сути становящейся западной цивилизации, особенно после окончания Великой Французской революции, становится вызовом для других стран: либо следовать западным нормам, и тогда именно на Западе можно получить признание страны как цивилизованной, либо искать в своей истории иных решений тех вопросов, которые Запад того времени причислил к цивилизованным.

Но сначала приходит осознание Европой своего цивилизационного проекта как общечеловеческого. Его сущность была четко зафиксирована в работе французского историка, политического и государственного деятеля XIX в. Ф. Гизо, который пишет в работе «История цивилизации в Европе»: «Цивилизация характеризуется двумя признаками: развитием общественной деятельности и развитием деятельности личной, – прогрессом общества и прогрессом человека» [3, с. 27]. Ф. Гизо впервые ясно выделил две важнейшие стороны цивилизации – содействие посредством деятельности людей и прогрессу общества, и прогрессу личности. Важно также отметить, что, согласно Ф. Гизо, европейская цивилизация, оказывается, «существует уже пятнадцать столетий и постоянно прогрессирует...

Европейская цивилизация приближается, если можно так выразиться, к вечной истине, к предначертаниям провидения. В этом заключается ее неизменное превосходство над всеми другими цивилизациями» [3, с. 41, 43].

Указав на то, что все идеи, цивилизующие учреждения, начинали действовать на пользу всей европейской цивилизации после их переработки во Франции, Ф. Гизо делает вывод о том, что «Франция стоит во главе европейской цивилизации» [3, с. 312], она есть центр, фокус европейской цивилизации. Из рассуждений тех авторов, кто внимательно отслеживал становление цивилизации именно во Франции, следует, что цивилизация выступает характеристикой как состояния, так и непрерывного процесса развития общества.

Появление самосознания у европейской (западной) цивилизации есть свидетельство того, что это уже не генезис цивилизации, это уже не становящаяся, а ставшая цивилизация, находящаяся на раннем этапе своего собственного развития, но уже осознавшая свои основания и которая теперь может ясно формулировать цель своего развития, иначе говоря, свой цивилизационный проект как целостную систему и, следовательно, ее как идеал или, по крайней мере, как самое совершенное общество. Впрочем, стратегическое видение будущего формулирует господствующая в обществе идеология, которая задает таким способом общие контуры цивилизационного проекта. Так, впрочем, делает каждая «локальная» цивилизация.

Необходимо по достоинству оценить те достижения европейской мысли в изучении цивилизации, которые сформулировал Ф. Гизо. Прежде всего, он пишет о том, что «мы начнем с исследования всех элементов европейской цивилизации в ее колыбели, начиная с падения Римской империи, и тщательно изучим общество в том виде, в каком мы застаем его среди этих славных развалин. Мы постараемся если не воскресить, то восстановить эти элементы, сопоставить их и, достигнув этого, попытаемся проследить их развитие в течение пятнадцати веков, протекших с того времени. ...мы в самой колыбели европейской цивилизации найдем причины и зародыши тех свойств, которые я приписал ей, что мы в самый момент ее возникновения, именно в момент падения западной Римской империи, найдем в состоянии мира, во всех явлениях, содействовавших образованию европейской цивилизации, исходную точку того бурного, но плодотворного разнообразия, которым она отличается» [3, с. 43].

Ф. Гизо говорит о моменте возникновения и элементах европейской цивилизации в ее колыбели, о том, что он постарается восстановить эти элементы и проследить их развитие в течение пятнадцати веков, называет элементы, которые римская цивилизация передала европейской. Это очень плодотворный подход, который не получил должного применения, особенно в отечественной литературе последних десятилетий, когда рассматривается прошлое той или иной цивилизации, и прежде всего – русской (российской) цивилизации.

Сегодня можно также дать и более глубокое понимание того отношения между обществом и личностью, которое сформулировал Ф. Гизо: «Из двух факторов цивилизации – развитие общества, с одной стороны, и человека – с другой, которое составляет цель и которое – средство? Для одного ли усовершенствования общественного своего быта, улучшения своего земного существования развивается весь человек, все его способности, чувства, идеи, все существо его? Или же улучшение общественного быта, прогресс общества, самое общество есть только поприще развития человеческой личности, повод, двигатель этого развития? Словом, существует ли общество для человека или человек для общества?» [3, с. 32]. Конечно, сейчас много можно рассказать о том, как решался этот вопрос в последние три столетия, но главное, хотел бы подчеркнуть, это понимание сути цивилизационного подхода, методологии процесса становления цивилизации в течение длительного многовекового периода. Об этом ниже еще пойдет речь.

В общественной мысли Запада складываются представления о других отдельных локальных цивилизациях, как о далеко отставших от европейской (буржуазной) цивилизации. Утверждение общечеловеческого, универсального характера европейской цивилизации как реализуемого в ходе исторического развития целостного проекта устройства либерально-демократического общества становится теоретической позицией, не подлежащей пересмотру.

С ее появлением незападным странам силой навязывается чуждая им модель развития как необходимость и, более того, как неизбежность. Идеолог либерализма Джон С. Милль в своем широко известном эссе «О свободе» оправдывает прямое насилие в отношении обществ, находящихся, по его словам, в «младенческом состоянии». «Деспотизм может быть оправдан, когда дело идет о народах варварских и когда при этом его действия имеют целью прогресс и на самом деле приводят к прогрессу. Свобода неприменима как принцип при таком порядке вещей, когда люди еще не способны к саморазвитию путем свободы» [15, с. 740].

Когда в Европе появился молодой агрессивный капитализм, Россия в течение XVII в. постепенно превращается в периферийную страну европейской капиталистической экономической системы. Осознание этой ситуации вынуждает страну искать свой ответ на вызовы Европы.

Об уровне развития локальных цивилизаций при переходе от самостоятельного типа развития к зависимому типу

Распространено мнение, что цивилизационное развитие незападных цивилизаций в добуржуазную эпоху не имело устойчивых внутренних импульсов к развитию, тем более – к ускоренному развитию, оно, мол, склонно к стагнации и застою. Но это положение вряд ли возможно распространять

на весь, условно говоря, в этой ситуации, незападный мир. Некоторые из стран накануне начала колониальной эпохи достигли впечатляющих успехов. А можно ли было отдельной незападной локальной цивилизации идти по собственному пути и дальше? Это не праздный вопрос.

Обратим взгляд на Китай. На рубеже XVIII и XIX вв. Китай, находившийся под властью маньчжурской династии Цин, считался одним из крупнейших и богатейших государств в мире, если не самым богатым. По некоторым данным, его внутренний валовой продукт составлял около трети мировой экономики.

По словам историков, шелк, чай, фарфор и многие другие товары из Китая пользовались огромным спросом на европейском рынке. Однако торговать с Поднебесной было непросто: китайские власти спокойно разрешали экспорт своих товаров, но к импорту относились негативно. При этом иностранцев заставляли рассчитываться за китайские товары серебром и золотом. Европейцам не разрешалось продавать свои товары на территории Китая, который был надежно огражден от иностранного влияния. Власти считали, что в Китае и так производится все необходимое для жизни. Китайский император Цяньлун писал английскому королю Георгу III: «До сих пор все европейские нации, включая варварских торговцев вашей собственной страны, вели свою торговлю с нашей Поднебесной империей в Кантоне. Такова процедура сохраняется на протяжении многих лет, хотя наша Поднебесная империя обладает всем в изобилии и не испытывает недостатка ни в одном продукте в пределах своих собственных границ» [23].

Средневековый Китай, как отмечал Адам Смит, классик английской политической экономии, в своем труде «Исследование о природе и причинах богатства народов (1776)», являлся образцом страны, шедшей тем путем развития в направлении экономической зрелости, который он называет «естественным путем к изобилию». Напротив, Голландия тех времен – самая передовая страна – рассматривалась им как совершенно противоположный образец страны, шедшей к экономической зрелости европейским путем, который А. Смит называет *противоестественным и ложным*. «При естественном ходе вещей большая часть капитала направляется, прежде всего, в земледелие, затем в мануфактуру и в последнюю очередь во внешнюю торговлю. ... Но хотя такой естественный порядок вещей должен был в известной степени иметь место в любом обществе, во всех современных европейских государствах он во многих отношениях оказался перевернутым на голову» [21, с. 384]. Китаю в течение нескольких столетий удавалось закрываться от внешнего мира. Промышленный переворот в Англии, а затем и в других европейских странах резко изменил их колониальную политику. Необходимость расширения рынков сбыта промышленных товаров и резко возросшие потребности в сырье и природных богатствах потребовали уничтожения местного производства

и подчинения аграрного сектора нуждам промышленного производства стран-метрополий. После поражения Китая в первой Опиумной войне все хозяйство страны пришло в упадок [21, с. 228]. Современный итальянский экономист и социолог Джованни Арриги пишет об исторических корнях некапиталистического социализма в Китае. По его мнению, теория рынка А. Смита «как инструмент управления особенно важна для понимания некапиталистической рыночной экономики, какой была экономика Китая до его включения (на условиях подчиненности) в глобализованную европейскую систему государств и какой она вполне может стать снова в XXI в. при совершенно иных внутренних и всемирно-исторических условиях» [1, с. 18]. Несмотря на развитие рыночного обмена с целью извлечения из него прибыли, природу экономического развития современного Китая нельзя считать обязательно капиталистической, считает Дж. Арриги.

Интересно отметить позицию К. Маркса по поводу английской колониальной политики в Индии: «Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную, – с одной стороны, уничтожить старое азиатское общество, а с другой стороны, заложить материальную основу западного общества в Азии» [11, с. 68]. Прогноз Маркса не сбился. Несмотря на все усилия Британии, индийская цивилизация сохранила в главном свой традиционный облик и вернулась на свой исторически сложившийся путь развития, как только позволили обстоятельства.

Отличительные черты русской (российской) цивилизации

Как утверждает диалектика, генезис, иначе говоря, становление означает то состояние процесса возникновения предмета, когда его еще нет в действительности, который только становится. Когда становящийся предмет обретает свою собственную основу, целостность, тогда можно говорить, что становление закончилось, и предмет вступил в ранний этап своего собственного существования и дальнейшего развития. К. Маркс дал в «Капитале», – пишет В.Ж. Келле, – «первый в истории обществознания пример историко-генетического анализа» [10, с. 90], показав, как из структуры феодального общества выростала, образовывалась экономическая структура общества капиталистического.

Генетический анализ показывает, как одно «целостное» образование было заменено другим, тоже «целостным образованием», как возникает новая система и как идет ее дальнейшее развитие в направлении достижения целостности, которое состоит в том, чтобы «подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы» [10, с. 229]. Конечно, в рамках отдельной статьи нет возможности подробно показать в действии принципы научного генетического метода, который сохраняет

и сегодня свою релевантность в отношении изучения механизмов становления новых общественных систем, вырастания их из систем устаревающих и уходящих в прошлое.

В Российском государстве постепенно возникали отдельные элементы становящейся русской цивилизации, становление которой заняло несколько веков. Решающие сдвиги в объективном естественно-историческом процессе ее становления с точки зрения и внутренних, и внешних обстоятельств происходят во времена правления Ивана Грозного. Если Китаю удавалось закрываться от растущей агрессивности европейцев примерно до начала XIX в., то Россия уже во времена Ивана Грозного втягивается в активную торговлю с Голландией, затем с Англией, с другими странами Европы. Эпоха Московского царства становится периодом радикального выбора в российском развитии, когда складывается альтернативная Западу политическая стратегия, направленная на сохранение своего, исторически сложившегося пути развития в борьбе против подчинения страны католическим силам.

Можно сказать, что к этому моменту в Русском царстве вполне сложилась православная цивилизация, первая конкретно-историческая форма цивилизационного облика России, который во многих отношениях принципиально отличался как от европейских монархий, так и от азиатских деспотий. Это основа для всего последующего цивилизационного развития российского общества. А исторический момент был особенным – заканчивалось действие независимого вектора ее развития и начиналось растущее воздействие на Россию внешних сил, навязывающих ей иные смыслы и цели. Это обстоятельство объясняет то большое внимание, которое сегодня уделяется православной цивилизации.

Если обобщить все сказанное в последнее время о православной цивилизации, то можно выделить следующие ее основные черты в их светской интерпретации: 1. Приоритет духовного над материальным. Отказ от эконоцентризма. Особый тип народного хозяйства, которое связано со структурой государственной власти через слитность, нераздельность власти и собственности; 2. Наличие у социума и у власти религиозного предназначения, высшего смысла своего существования, простирающегося за пределы жизни поколения, государства, народа и даже земного мира; 3. Приверженность идеалу единства народа и власти, ради которого нужно отставить в сторону, особенно в моменты кризиса, любые разделения и частные интересы; 4. Соборность как свободное духовное единение людей в церковной и мирской жизни; 5. Отказ от индивидуализма в качестве основы мировоззрения и общественного уклада. Человеческая личность имеет высокую ценность, но полнота ее земной жизни неотделима от соборного тела народа.

К этому времени в целом сложились онтологические константы российской государственности, ее идеально типическая модель. Это централизован-

ная власть; наличие господствующей идеи (идеократия); особый тип народного хозяйства; историческая общность людей (народ или народность).

Сегодня православная цивилизация (русское царство) есть объект особого внимания со стороны самых различных идейных течений. Диапазон оценок православной цивилизации с точки зрения возможностей ее дальнейшего самостоятельного развития в то время носит чрезвычайно широкий характер. Для одних авторов – это идеально устроенное теократическое государство, которое могло бы существовать долгое время, представляя собой прочное органическое единство народа, власти и церкви. Другие авторы говорят о том, что внутренние импульсы к развитию были слабыми и неустойчивыми. Тем более, что на первое место в политических действиях единоличной самодержавной власти выходят проблемы государственной безопасности, военных ответов на многочисленные и опасные угрозы существованию единого государства.

А.С. Панарин идет гораздо дальше в своем понимании православной цивилизации. В своей книге о ней он подробно раскрывает исключительную значимость православной цивилизации для решения вопроса об основаниях современного цивилизационного проекта России. А.С. Панарин пишет о том, что партия западников оценивает Московскую Русь как «темное царство». Но характерно то, что этой партии противостоят не только славянофилы. «Ей противостоит само русское национальное самосознание... Вне этого “московского” самосознания нет русского самосознания в собственном смысле вообще... Если Москва – это и в самом деле “крепкое место” великоросской нации, то нам надо как следует осознать основания этой крепости – ведь иных оснований у нас и сегодня нет» [18, с. 222]. Другими словами, субстанциальные основы российской цивилизации (и российского государства) коренятся в православной цивилизации, и они не зависят от переменчивых веяний переходной эпохи нашего времени.

Зависимый и отсталый тип исторического развития незападных цивилизаций

Сегодня можно говорить о том, что пятивековой цикл всемирной истории – от начала насильственного ухода незападных цивилизаций со своего исторически сложившегося пути и до возвращения на него обратно – завершен. Это открывает принципиально новые возможности для понимания как реальных, так и скрытых смыслов прошлых этапов развития, настоящего и перспектив.

Навязанный Западом зависимый тип развития на самом деле оказался к тому же и отсталым типом развитием. Особенность возникающего капитализма как экономической мир-системы заключается в том, что внутри него

складывается устойчивое, международное (межгосударственное) разделение общественного труда, которое имеет решающее значение для понимания коренных различий в развитии капиталистической Европы и остального мира, в том числе и Российского государства. Можно сказать, возникает раздвоение исторических путей развития западной цивилизации и остального незападного мира. В этом смысл понятия «Восток», вбивавшего в прошлом, по крайней мере, весь азиатский континент. К. Ясперс в своей работе «Истоки истории и ее цель» относит появление западного мира к более раннему периоду истории, когда уже «со времен Геродота противоречие между Западным и Восточным миром осознается как исконная и вечная противоположность между ними, являющая себя во все новых образах» [30, с. 89]. Уже в наше время возникнет новое деление мира на Глобальный Север и Глобальный Юг, но тем не менее это деление соотносится с западным миром и восточным миром.

В незападных странах складываются мощные социальные силы, которые поддерживают поток изменений, идущих от Запада и выступающих, по их представлениям, за путь догоняющего развития. Разумеется, западное общество всегда поддерживало русских или китайских или индийских европейцев. Поиск альтернативы западной модели развития при реальном отсутствии ее предпосылок – неизменная сторона и в философии, и в литературе, и в политических трактатах в странах, оказавшихся в тисках зависимого и отсталого процесса развития. В культуре, в общественном сознании ситуации становится устойчивой нормой двоемыслие (а не просто разномыслие), которое существует на протяжении всей истории зависимого и отсталого развития.

Общественное двоемыслие – это постоянная борьба между силами, ориентированными на развитие с сохранением традиционной модели общества и теми, кто с разной степенью радикализма выступает за переход на другую, западную траекторию развития страны. Позиция консервативной части рассматривается либеральной мыслью как анахронизм, а сама возможность возвращения к своим истокам – как стремление задержать ход развития общества, как реакционная утопия. Однако реализация либеральной модели общества вела с неизбежностью к расшатыванию всех важнейших скреп общества – государственно-административных, хозяйственных, культурных, идеологических. Призыв к такому переходу – к альтернативной западной модели развития и выступает, по существу, призывом к революционному разрушению многовековых культурных традиций, и, прежде всего, онтологических констант общества. Отказ от растущего уподобления западной модели приводит к смене вектора политического развития страны и к переоценке ее, казалось бы, очевидных ценностей.

Периферийный тип развития есть зависимое и отсталое развитие, не имеющий устойчивых самостоятельных импульсов к постоянному и целостному развитию всего социального организма. Преодоление одного вида

отсталости в результате назревших реформ приводит в итоге к появлению другого вида отсталости при сохранении, что важно отметить, зависимого типа развития. Отсюда постоянная череда реформ и контрреформ, не приводящая ни к преодолению отсталости, ни к преодолению зависимости.

В течение длительного времени (примерно пять веков) у России нет другой альтернативы, как жить по принципу: стремиться к Западу – удаляться от Запада, т.е. жить в циклическом развитии, периодически меняя свой цивилизационный проект. Поэтому и получается, что в связи с новыми обстоятельствами старый цивилизационный проект, не получивший своего относительно полного воплощения, сменяется другим проектом. Многие из того, что было создано ранее, отрицается, а смена вектора политического развития в этом случае означает для жизни общества бесполезную растрату в недавнем прошлом огромного материального, социального, человеческого потенциала, природных богатств.

Переход европейского капитализма на империалистическую стадию развития оказался для него роковым. Он приводит к появлению в колониальных и зависимых странах местной, национальной буржуазии и, соответственно, пролетариата. Этот рубеж означает начало эпохи национально-освободительных движений, которые вызывают обострение отношений между сторонниками построения буржуазного общества и сторонниками сохранения традиционных отношений. Мирный период развития капитализма закончился. В начале XX в. возникшие в колониях национально-буржуазные силы поставили вопрос о возвращении прежде всего политической независимости. Вскоре обнаружилось, что никакая прозападная сила не может перестроить бывшие колонии и полукolonии, особенно большие государства-цивилизации на западный манер. Переход к пост-индустриальной эпохе привел к мировому кризису на всех уровнях не только классического либерализма, но и классического марксизма, привел к кризису Советский Союз, страны реального социализма, породил неолиберальный поворот в западном обществе, который лишь отодвинул полномасштабный кризис капитализма.

Вместе с тем постиндустриальная эпоха, обусловленная революционными достижениями в науке и технологиях, открыла новые возможности для незападных стран. Многовековые традиции постепенно перестают быть тормозом общественного развития и их наличие становится условием радикального ускорения в экономическом развитии. Особенно показателен опыт Китая – последних сорока лет политики реформ и открытости.

Важный вывод заключается в том, что в каждом государстве складывается свой набор цивилизационных признаков, и искать общественная мысль должна их в анализе своего собственного пути. В более общем плане можно сказать, что цивилизационный взгляд в прошлое должен базироваться на определенной методологии социально-философского понимания

общества как некоторой целостности, как совокупности всеобщих сфер жизнедеятельности общества и их функционального взаимодействия. Тогда оказывается, что в каждом конкретно-историческом типе общества складываются свои особые отношения между всеобщими сферами жизни людей. Здесь уместно остановиться на вкладе Н.Я. Данилевского в методологию анализа культурно-исторических типов общества. Н.Я. Данилевский считал, что необходимо сначала заняться установлением «тех общих категорий, под которые подводились бы естественным образом все стороны народной деятельности, которые обнимали бы собою все разнообразные обнаружения исторической жизни, обозначаемые словами “культура” и “цивилизация”» [6, с. 471]. По сути, речь идет о тех всеобщих сферах (сторонах) жизнедеятельности общества, которые стали общепризнанной частью современного социально-философского знания об обществе как таковом.

Данилевский выделяет четыре общих разряда культурной деятельности в обширном, или широком смысле этого слова. Первая – это деятельность религиозная, вторая – деятельность культурная в тесном значении этого слова, объемлющая отношения человека к внешнему миру: с одной стороны, теоретическое – научное, а с другой, эстетическое – художественное, техническое – промышленное. Третья – деятельность политическая. Четвертая – деятельность общественно-экономическая. «Нам теперь следует определить, – пишет далее Данилевский, – в какой мере каждый из культурно-исторических типов, жизнь которых составляет содержание всемирной истории, проявлял свою деятельность по этим общим категориям... и каких достигал в ней результатов» [6, с. 472]. Очень точная и вполне современная методологическая установка. В итоге Данилевский приходит к выводу о том, что цивилизации, следовавшие за первобытными культурами, развили каждая только одну из сторон культурной деятельности: еврейская – религиозную, греческая – собственно культурную; римская – политическую. Германско-романский культурно-исторический проект имеет название двусосновного политико-культурного типа с преимущественно научным и промышленным характерами культуры в тесном смысле этого слова. Мы можем питать надежду, подчеркивает Данилевский, что славянский тип будет первым полным четырехосновным культурно-историческим типом. Особенно оригинальной его чертой должно стать удовлетворительное решение общественно-экономической задачи.

Таков, на наш взгляд, весьма продуктивный подход к пониманию того, как развивалась каждая отдельная локальная цивилизация, к какому конкретному цивилизационному самосознанию приходит каждая из них и почему нужна социально-философская методология, которая позволяет решить в каждом конкретном обществе, как шло формирование его цивилизационного облика. И тогда не останется сомнений, что в целом цивилизационный

облик западной цивилизации, выраженный в проекте модерна, перестает быть в новую историческую эпоху привлекательным для других цивилизационных проектов [25].

И второй вывод. Общественный прогресс, выраженный в проекте модерна, исчерпал свое позитивное содержание. Это выражается прежде всего в глубоком кризисе буржуазного гуманизма. Вектор общественного прогресса перемещается в незападные цивилизации и выглядит он в каждой из них своим особенным образом. Но, несомненно, есть общее, которое состоит в том, что центральной темой в мировоззрении, философии, идеологии первостепенное место всегда отводилось и теперь тем более отводится становлению человека как субъекта исторического процесса.

Оставляя за недостатком места рассмотрение конфликтов между сменяющимися друг друга цивилизационными проектами, еще раз замечу, что в сложившейся ситуации перехода на зависимый путь развития, который длился половину тысячелетия, нормой для России становится двоемыслие. Как, впрочем, и для любой другой западной страны. На каждом этапе цивилизационного развития двоемыслие постоянно подпитывается наличием альтернативной модели развития, находящейся за пределами страны, что продолжалось и пока еще продолжается и в нашем обществе вплоть до последнего времени.

В теоретическом плане – это всякий раз основа всех конфликтов между уходящим и возникающим новым проектом цивилизационного развития, между правящей властной элитой и оппозицией. Когда сегодня вполне утвердилась мысль, что «Россия возвращается к себе», то это может означать, что постепенно уходит в прошлое основа для этого мысленного раздвоения. Своя правда была в прошлом у тех (консерваторы, славянофилы, почвенники), кто постоянно отвергал приходившие извне проекты реформирования России. Но многочисленные драмы и трагедии, которые переживала отечественная интеллектуальная мысль, состояли в том, что реальной альтернативы зависимому и отсталому развитию у страны не было. Эта ситуация сохранялась в принципе вплоть до окончания мирного этапа развития капитализма – начала Первой мировой войны, общего кризиса западной цивилизации и Октябрьской революции 1917 г.

Вопрос об исторической линейке российских цивилизационных проектов и о конкретных отношениях между ними требует отдельного рассмотрения. Из работ последнего времени, которые стали предметом обсуждения на институтских дискуссиях по цивилизационной проблематике, заслуживают внимания работы А.А. Кара-Мурзы [9], Ю.Г. Гранина [5], С.А. Никольского [17], ряда других авторов, опубликованные на страницах журнала «Проблемы цивилизационного развития».

Исторические границы цивилизации как исторической эпохи в развитии человечества

До недавнего времени общемировым трендом истории в эпоху современности считалась реализация проекта общества модерна, что и означало движение к единой общечеловеческой цивилизации. На смену такому взгляду приходит утверждение о том, что становление новой единой цивилизации будущего будет происходить и уже происходит в новую эпоху – эпоху Новой современности в результате растущего взаимодействия больших незападных государств-цивилизаций, вернувшихся на свои исторически сложившиеся пути национального развития. Сегодняшнее внимание к цивилизационной проблематике вполне оправданно и его нужно развивать и поддерживать.

Но вполне резонно возникает вопрос. Цивилизация как историческая эпоха – это навсегда? И что-то может быть выше ее с точки зрения общепринятого стадийного развития? Может ли цивилизационный проект при его даже самом полном воплощении дать практическое решение вопроса о том, что является подлинной целью всемирно-исторического процесса?

Самосознание европейской цивилизации означает, что им выражена суть цивилизационной стадии в развитии человечества. Это и есть тот самый проект общества модерна, история и судьба которого нам теперь хорошо известна. Самосознание есть вместе с тем возникновение и бурное развитие западной (буржуазной) социологии, ставшей теорией построения общества модерна. Она приобретает самодовлеющий и монополюсный характер, появляется большое количество школ и направлений, а собственно социальная философия или подменяется социологией, или вытесняется на периферию общественной мысли. Либеральная мысль стремится обосновать закономерный конец исторического развития общества (конец истории), поскольку имеется как общественно-политический идеал вместе с идеалом личности, так и теория его постепенной реализации – социология.

Ф. Гизо пишет, что европейская цивилизация приближается к вечной истине, но вместо вечной истины капиталистическая цивилизация доводит до крайнего предела, до крайних форм конфликта все возникающие противоречия по мере реализации проекта модерна в западном обществе. И главное противоречие, которое легко угадывается в приведенных выше словах Ф. Гизо, это антагонизм между буржуазным обществом и личностью. Деятельность людей подчинена законам общества, основанным на понимании исторического предназначения человека как индивидуалиста и частного собственника. Фактически с возникновением капитализма начинается процесс отрицания первоначал европейской цивилизации, когда-то основывавшейся на христианских ценностях. Результат к сегодняшнему дню хорошо известен. Может быть, уместнее теперь говорить о переходе «коллективно-Запада» в состояние анти-цивилизации, тем более, если мы рассуждаем

с цивилизационной точки зрения. Таковы исторические границы цивилизационного этапа в развитии человеческого общества, которые уже в XX в. были названы концом истории.

Неслучайно, как только цивилизация как слово и понятие появляется с середины XVIII в. в литературном языке, появляется убеждение, что цивилизационный путь в его тогдашнем, классическом понимании несовместим с дальнейшим прогрессом общества.

В частности, особого внимания в этой связи заслуживают работы французского философа, и теоретика утопического социализма Ш. Фурье. В 1808 г. в одной из первых работ, в анонимно изданном трактате «Теория четырех движений и всеобщих судеб», Фурье постоянно возвращается к судьбе того, что он называет строем цивилизации, характеризуя его как «мир навыворот», когда «каждый отдельный человек находится в состоянии преднамеренной войны с массой». «Что же касается строя цивилизации, из которого нам предстоит выйти, ... общественные уклады дикости, патриархата, варварства и цивилизации – это лишь тернистые тропы, ступени для того, чтобы подняться к лучшему общественному порядку» [22, с. 256]. Моя цель, заявлял Фурье, «не улучшить строй цивилизации, а уничтожить его и вызвать желание изобрести лучший социальный механизм...» [22, с. 259]. «Строй цивилизации, где царит обман и отталкивающий труд, будет называться миром навыворот, а социетарный строй (так назван им новый хозяйственный механизм. – В.Ш.) ...миром в прямом смысле» [22, с. 266]. Фурье разработал утопический план всемирной организации фаланстеров – производительной и потребительской ассоциации гармонийцев (сельских жителей), живущих в новом гармоничном строе общества.

Сегодняшняя смена вектора мирового развития, отказ от однополярности вновь возвращает нас к этому не проясненному до конца вопросу. К. Маркс заметил однажды, что одной из цивилизаторских сторон капитала выступает его способность создавать более выгодные условия для развития производительных сил и общественных отношений по сравнению с прежними формами эксплуатации [12, с. 396]. И если ограничить историю человечества историей цивилизации, капиталистическая цивилизация – это лучшее, что мог дать миру капитализм.

Как справедливо замечает в конце своей знаменитой книги Льюис Морган, «с наступлением цивилизации рост собственности принял такие громадные размеры, ее формы так разнообразны, ее применение так расширилось, а ее использование в интересах собственников так искусно, что она сделалась непреодолимой силой для народа. ... Голая погоня за богатством не составляет конечного назначения человечества, если только прогресс останется законом будущего, каким он был и для прошедшего. ... Гибель общества должна стать конечным результатом исторического поприща,

единственной целью которого оказывается богатство; ибо такое поприще содержит в себе элементы своего собственного разрушения. Демократизм в управлении, братство в общественных отношениях, равенство в правах, всеобщее образование будут характеризовать следующий высший социальный строй, к которому неуклонно стремятся опыт, разум и знание. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства, братства древних родов» [16, с. 329].

Можно сказать, что помимо истории цивилизации есть еще и история культуры. Четко обозначившийся на этапе кризиса капитализма конфликт буржуазной цивилизации и европейской культуры был зафиксирован разными направлениями общественно-философской и литературной мысли, и прежде всего марксизмом.

Маркс был сторонником той точки зрения, что историю человечества нельзя свести к окончательному состоянию. С точки зрения его социально-исторической теории этот конфликт предстает в виде, с одной стороны, капитализма (как высшей фазы цивилизационного развития) а, с другой стороны, коммунизма (как уходящей в историческую бесконечность культурной альтернативы этому развитию).

Разрешение фундаментального противоречия, заложенного в само основание западной (буржуазной) цивилизации, состоит в том, что на ведущее место по значимости для нового цивилизационного проекта выдвигается культура. В этом контексте становится понятным, почему сегодня важно говорить о том, что решающую роль в создании нового российского цивилизационного проекта должна сыграть культура, и прежде всего, высокая культура, под которой я понимаю, помимо других определений, единое для общества хранилище широкого спектра знаний и народной, традиционной культуры, которое выходит за рамки социально-классовой системы общества и его оценок. Наличие такого, по сути, безграничного по объему собрания высших достижений культуры и позволяет сегодня приступить к созданию качественно более высокой по уровню новой цивилизации, которая в своем развитии в обозримом будущем может выйти за привычные рамки цивилизационной эпохи и превратить в общество, живущее по законам культуры. Человек культуры и идея социализма неразрывно связаны между собой. Человек культуры возможен, когда ему принадлежит наука, все духовное богатство, когда это богатство становится общественным богатством или, как пишет В.М. Межуев, «собственностью каждого на все общественное богатство» [14, с. 18].

Культура начинает играть сегодня совершенно особую роль в условиях становления полицивилизационного и многополярного мира. Она становится важнейшим фактором сближения и все более интенсивного взаимодействия цивилизационных путей развития различных стран, ведущих в далекой,

но обозримой перспективе к появлению общих черт, присущих всему человечеству. Движение по этому пути будет, несомненно, способствовать переходу на пост-цивилизационный этап развития незападных цивилизаций, когда законы культуры начнут все больше и все полнее определять ход их дальнейшего развития.

Но деятельность Российского государства на международной арене в длительной перспективе будет успешной, если общество добьется очевидных, зримых результатов в разработке и реализации современного российского проекта цивилизационного развития. Как пишет А.В. Смирнов в статье с характерным названием «Текущие задачи русской философии», «российский проект цивилизационного развития – веление времени и веление внутренней ситуации в России, особенно ясно заявившей о себе за последние тридцать лет. Вместе с тем такой проект – веление философского императива, требующего обосновать всеобщее, причем обосновать его не догматически, не исходя из каких-то предпосылаемых представлений. Русская философия в данном случае имеет уникальный шанс опереться, во-первых, на действительный опыт многовекового развития России, в котором заложена и в котором проявила себя, многократно и многоаспектно, способность *собрать разнολогичное* в жизнеспособное общество и жизнеспособную культуру. Доимперский, имперский, советский и постсоветский опыт имеют неоценимое значение в этом плане. Русская философия имеет шанс, во-вторых, опереться на наследие русской мысли, в котором было предложено решение поставленной задачи собирания разнολогичного, а именно – на разработку категории «всечеловеческое» в ее отличии от категории «общечеловеческое» [20, с. 202].

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института философии РАН, главный редактор журнала «Проблемы цивилизационного развития».

109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Vladimir N. Shevchenko – Honoured Scholar of the Russian Federation, Sc.D. in Philosophy, Main Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.

vladshevchenko@mail.ru

Литература

1. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: что получил в наследство XXI век. М.: Институт общественного проектирования, 2009. 455 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурный словарь). Т. III. М.: Изд-во ФО СССР, 1991. 470 с.
3. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.

4. Гранин Ю.Д. Цивилизации – реальные, воображаемые или конструируемые сообщества? // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 14–24.
5. Гранин Ю.Д. «Цивилизация» и цивилизационная эволюция России // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 81–98.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
7. Кантор К.М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. Т. 1. Общие проблемы. М.: Языки славянской культуры, 2002. 904 с.
8. Капустин Б.Г. Современность // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 587–588. См. также: Капустин Б.Г. Современность: дилеммы и парадоксы (Материалы круглого стола) // Политическая концептология. 2010. № 3. С. 25–110.
9. Кара-Мурза А.А. Российский путь цивилизационного развития: «преемственность через катастрофы» (памяти В.М. Межуева) // Полилог / Polylogos. 2020. Т. 4. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110012818-1-1/> (дата обращения: 10.02.2024).
10. Келле В.Ж. Генезис капитализма // Принцип историзма в познании социальных явлений. М.: Наука, 1972. С. 84–134.
11. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 9. М.: Гос. изд. полит. л-ры, 1957. С. 225.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 26. Ч. III. М.: Гос. изд. полит. л-ры, 1957. 674 с.
13. Межуев В.М. Идея всемирной истории в учении К. Маркса // Логос. 2011. № 2. С. 3–38.
14. Межуев В.М. Социализм – пространство культуры // Альтернативы. 1999. № 2. С. 12–20.
15. Милль Дж. О свободе // Антология мировой политической мысли. Т. 1. М.: Мысль, 1997. С. 734–744.
16. Морган Льюис Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации (1877). Ленинград: Изд-во Ин-та Севера ЦИК СССР. 1934. 350 с.
17. Никольский С.А. О проблеме цивилизации и цивилизационном развитии России. Историософский анализ // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 99–127.
18. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
19. Резник Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2008. Т. II. Вып. 1 (2) / Под ред. Ю.М. Резника. М.: ИФ РАН, 2008. С. 353–380.
20. Смирнов А.В. Текущие задачи русской философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 216–236.
21. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
22. Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб // Утопический социализм. Хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. М.: Политиздат, 1982. 512 с.
23. Цянь Лун (император). Статья. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D1%8F%D0%BD%D1%8C%D0%BB%D1%83%D0%BD> (дата обращения: 06.02.2024).
24. Шевченко В.Н. Дискуссии по социальной философии в журнале «Личность. Культура. Общество» // Личность. Культура. Общество. 2023. Т. XXV. Вып. 1–2. С. 90–132.
25. Шевченко В.Н. Проект общества модерна как уходящая натура // Вестник РФО. 2023. Вып. 3–4 (105–106). С. 64–78.

26. Шевченко В.Н. Становление «Новой современности»: проблемы методологии // «Новая современность» и традиция в многополярном мире: философско-политический анализ. М.: ИФ РАН, 2018. С. 9–38.
27. Шевченко В.Н. Цивилизация и общество как категории социальной философии // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т. 3. № 1. С. 57–82.
28. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с.
29. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства (1884). В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Гос. изд. полит. л-ры, 1957. С. 28–178.
30. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 28–286.

References

1. Arrigi Dzh. Adam Smit v Pekine: chto poluchil v nasledstvo XXI vek. M.: Institut obshchestvennogo proektirovaniia, 2009. 455 s.
2. Akhiezer A.S. Rossiia: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokulturnyi slovar). T. III. M.: Izd-vo FO SSSR, 1991. 470 s.
3. Gizo F. Istoriia tsivilizatsii v Evrope. M.: Territoria budushchego, 2007. 336 s.
4. Granin Iu.D. Tsivilizatsii – realnye, vobrazhaemye ili konstruiemye soobshchestva? // Voprosy filosofii. 2024. № 2. S. 14–24.
5. Granin Iu.D. «Tsivilizatsiia» i tsivilizatsionnaia evoliutsiia Rossii // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia. 2021. Т. 3. № 1. S. 81–98.
6. Danilevskii N.Ia. Rossiia i Evropa. M.: Kniga, 1991. 574 s.
7. Kantor K.M. Dvoinaia spiral istorii: Istoriosofiia proektizma. T. 1. Obshchie problemy. M.: Iazyki slavianskoi kultury, 2002. 904 s.
8. Kapustin B.G. Sovremennost // Novaia filosofskaia entsiklopediia. T. 4. M.: Mysl, 2001. S. 587–588. Sm. takzhe: Kapustin B.G. Sovremennost: dilemmy i paradoksy (Materialy kruglogo stola) // Politicheskaiia kontseptologiia. 2010. № 3. S. 25–110.
9. Kara-Murza A.A. Rossiiskii put tsivilizatsionnogo razvitiia: «preemstvennost cherez katastrofy» (pamiati V.M. Mezhueva) // Polilog / Polylogos. 2020. Т. 4. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110012818-1-1/> (access date: 10.02.2024).
10. Kelle V.Zh. Genезis kapitalizma // Printsip istorizma v poznanii sotsialnykh iavlenii. M.: Nauka, 1972. S. 84–134.
11. Marks K. Budushchie rezultaty britanskogo vladychestva v Indii // Marks K., Engels F. Sobr. soch. T. 9. M.: Gos. izd. polit. l-ry, 1957. С. 225.
12. Marks K., Engels F. Sobr. soch. T. 26. Ch. III. M.: Gos. izd. polit. l-ry, 1957. 674 s.
13. Mezhuev V.M. Ideia vseмирnoі istorii v uchenii K. Marksa // Logos. 2011. № 2. S. 3–38.
14. Mezhuev V.M. Sotsializm – prostranstvo kultury // Alternativy. 1999. № 2. S. 12–20.
15. Mill Dzh. O svobode // Antologiia mirovoi politicheskoi mysli. T. 1. M.: Mysl, 1997. S. 734–744.
16. Morgan Liuis G. Drevnee obshchestvo ili issledovanie linii chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tsivilizatsii (1877). Leningrad: Izd-vo In-ta Severa TsIK SSSR. 1934. 350 s.
17. Nikolskii S.A. O probleme tsivilizatsii i tsivilizatsionnom razvitiі Rossii. Istoriosofskii analiz // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia. 2021. Т. 3. № 1. S. 99–127.
18. Panarin A.S. Pravoslavnaia tsivilizatsiia v globalnom mire. M.: Algoritm, 2002. 496 s.

19. Reznik Iu.M. Sotsiokulturnyi podkhod kak metodologiia issledovaniia // Voprosy sotsialnoi teorii: Nauchnyi almanakh. 2008. T. II. Vyp. 1 (2). Pod red. Iu.M. Reznika. M.: IPh RAN, 2008. S. 353–380.
20. Smirnov A.V. Tekushchie zadachi russkoi filosofii // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia. 2021. T. 3. № 1. S. 216–236.
21. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov. M.: Sotsekgiz, 1962. 684 s.
22. Fure Sh. Teoriia chetyrekh dvizhenii i vseobshchikh sudeb // Utopicheskii sotsializm. Khrestomatiia / Obshch. red. A.I. Volodina. M.: Politizdat, 1982. 512 s.
23. Tsian Lun (imperator). Stacia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A6%D1%8F-%D0%BD%D1%8C%D0%BB%D1%83%D0%BD> (access date: 06.02.2024).
24. Shevchenko V.N. Diskussii po sotsialnoi filosofii v zhurnale “Lichnost. Kultura. Obshchestvo” // Lichnost. Kultura. Obshchestvo. 2023. T. XXV. Vyp. 1–2. S. 90–132.
25. Shevchenko V.N. Proekt obshchestva moderna kak ukhodiashchaia natura // Vestnik RFO. 2023. Vyp. 3–4 (105–106). S. 64–78.
26. Shevchenko V.N. Stanovlenie «Novoi sovremennosti»: problemy metodologii // «Novaia sovremennost» i traditsiia v mnogopoliarnom mire: filosofsko-politicheskii analiz. M.: IPh RAN, 2018. S. 9–38.
27. Shevchenko V.N. Tsivilizatsiia i obshchestvo kak kategorii sotsialnoi filosofii // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia. 2021. T. 3. № 1. S. 57–82.
28. Elias N. O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniia. T. 2. Izmeneniia v obshchestve. Proekt teorii tsivilizatsii. M.; SPb.: Universitetskaia kniga, 2001. 382 s.
29. Engels F. Proiskhozhdenie sem’i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva (1884). V sviazi s issledovaniiami Liuisa G. Morgana // Marks K., Engels F. Sobr. soch. 2-e izd. T. 21. M.: Gos. izd. polit. l-ry, 1957. S. 28–178.
30. Iaspers K. Istoki istorii i ee tsel // Iaspers K. Smysl i naznachenie istorii. M.: Politizdat, 1991. S. 28–286.

В.И. Шамшури, Н.Г. Шамшурина

Об историко-цивилизационной и культурной роли философии в современном мире: Россия и Европа

Victor I. Shamshurin, Nina G. Shamshurina

On the historical, civilizational and cultural role of philosophy in the modern world: Russia and Europe

При рассмотрении взаимосвязи истории и культурно-цивилизационных процессов с философией предлагается типология из двух видов философии. Точнее – два вида философии справедливости – «эквиваленция» и «квалификация». Первая, к сожалению, наиболее распространенная в политике, особенно европейской, особенно евроатлантической, точнее – западной политике, является одной из существеннейших причин кризисов и войн как в истории, так и в современности. Именно она (эквиваленция), по сути, является синонимичной кровной мести (талиону), при котором воздаяние становится равноценно преступлению. В этом случае каждая из конфликтующих сторон выступает в качестве субъекта права и считает себя пострадавшей стороной. При этом одна из сторон (как это видно на примере Европы при изучении ее истории, особенно последние 500 лет колониальной истории) – только себя и считает еще и единственным источником нормотворчества в договорной системе координат. Что по факту ведет, без всяких исключений, в истории вопроса, а главное в настоящем – к умножению конфликтов и отказу от мирных переговоров в принципе. И прошлое, и настоящее политического и историко-цивилизационного, культурного развития человечества свидетельствует именно об этом. Это философия политического солипсизма. Квалификация или, как это называется в римском праве, «гуманная справедливость в пользу свободы», более соответствующая, как показывает опыт истории вообще и исторического развития России в частности, с ее многонациональным составом государственности, сохранившим в течение своего многовекового развития около 190 наций и народностей, исходит из того, что норма не релятивна и не конвенциональна. Она имеет аподиктические характеристики и предполагает долгий процесс публично-правового согласования репрезентативных баз данных в виде тех или иных социально-политических отношений (в том числе и конфликтных) в их соотношении с интересами конфликтующих субъектов и нормами, признание всеобщности и необходимости которых договаривающимися

сторонами является неременным условием выхода из любого кризиса. Это философия политического симфонизма и синергии. При соотношении философии и истории, философии и культуры следует иметь в виду, что она (философия) несет на себе прежде всего функцию воспитательного свойства. И вместе с тем функцию стратегического планирования. А не прогностическую функцию. В противном случае мы получаем то, что можно назвать «тоннельным» или, как сейчас говорят, «блоковым мышлением», не способным различать в долговременной, среднесрочной и даже в краткосрочной перспективе истинный и ложный виды прогресса, со всеми их последствиями в истории культур и цивилизаций. Или то, что можно назвать политическим солипсизмом, не способным ни к какому взаимодействию культур и переговорным процессам во внутригосударственных делах и международных отношениях.

Ключевые слова: история, цивилизация, культура, философия, политика, право, Россия, Европа, гуманизм, христианство.

When considering the relationship of history and cultural and civilizational processes with philosophy, a typology of two types of philosophy is proposed. More precisely, there are two types of philosophy of justice – “equivalence” and “qualification”. The first, unfortunately, is the most common in politics, especially European, Euro-Atlantic or rather Western, is one of the most significant causes of crises and wars, both in history and in modern times. It is the equivalence that, in fact, is synonymous with blood feud (talion), in which retribution becomes equivalent to a crime. In this case, each of the conflicting parties acts as a subject of law and considers itself an injured party. At the same time, one of the parties (as can be seen from the example of Europe when studying its history, especially the last 500 years of colonial history) considers itself to be the only source of rulemaking in the contractual coordinate system. Which in fact leads, without any exceptions, in the history and, most importantly, in the present, to the multiplication of conflicts and the rejection of peace negotiations in principle. Both the past and the present of the political, historical, civilizational, and cultural development of mankind testify to this. This is the philosophy of political solipsism. The qualification, or as it is called in Roman law – “humane justice in favor of freedom”, is more appropriate, as the experience of history in general and the historical development of Russia, in particular, with its multinational composition of statehood, which has preserved about 190 nations and nationalities during its centuries-old development, proceeds from the fact that the norm is not relative and it is not conventional, but has apodictic characteristic and it involves a long process of public-legal coordination of representative databases in the form of various socio-political relations (including conflict ones) in their correlation with the interests of conflicting subjects. And norms, the recognition of the universality and necessity of which on the part of the contracting parties is an indispensable condition for overcoming any crisis. This is the philosophy of political symphonism and synergy. When comparing the relationship between philosophy and history, philosophy and culture, it should be born in mind that it (philosophy) primarily carries the educational function, and at the same time the function of strategic planning, but not a predictive function. Otherwise, we get what can be called “parallel” or, as they say now, “block thinking”, unable to distinguish in the long term, medium-term, and even in the short term, the true and false types of progress, with all their consequences in the history of cultures and civilizations. Or what could be recognized as political solipsism, incapable of any interaction of cultures and negotiation processes in domestic affairs and international relations.

Keywords: history, civilization, culture, philosophy, politics, law, Russia, Europe, humanism, Christianity.

Введение. В последнее время повсеместно наблюдается прямо-таки лавинообразное обострение внимания по отношению к роли философии в современном мире. Особенно в условиях наблюдающихся попыток «отмены» русской культуры со стороны коллективного Запада, со стороны «золотого миллиарда» евроатлантических стран. Но эффект, как и в экономике, прямо противоположный. Россию «отменить» невозможно. И отрицательные последствия санкций возникли у их инициаторов. Кроме того, как известно, «запретный плод сладок», и интерес к России, несмотря на все запреты, – только растет. И это действительно так, потому что в истории культуры России, начиная с самых ранних памятников русской книжности (Нестор Летописец, Кирилл Туровский, Иларион, Даниил Поклонник и Даниил Заточник, Филофей и многие, многие др.) и до сего дня продолжается традиция, когда людьми разного возраста и звания, подчас в жарких спорах, обсуждаются «роковые вопросы» существования мира, Европы вообще и судьбы Отечества, России, в частности. Это именно философия истории культуры, художественно поэтического и религиозного свойства. Особо здесь хотелось бы обратить внимание на творчество Л.А. Тихомирова [11]. И потому – это философия, представлявшая всегда и представляющая сейчас, не взирая ни на что, особый интерес. И в России, и в Европе, и во всем мире. Как говорил Э. Дюркгейм – «фабулаторная» культура. И это при всем при том, что, несмотря на очевидные и всеобщие, постоянно и со всех сторон воспроизводимые призывы к припаданию к историко-культурным истокам, традициям, ценностям, духовности, патриотизму, идет парадоксальная политика, по факту – политика сокращения философии как дисциплины. И в плане курсов лекций, часов, аудиторий и даже самих философских факультетов и кафедр в институте высшей школы как таковой. Опыт истории показывает – как только для философии человечеством создаются трудности, сразу же трудности начинаются и у самого человечества, создающего, вопреки своим коренным интересам, трудности для своего осмысления (прежде всего философско-стратегического). В том числе трудности экономические, социальные и даже технологические. Это связано с тем, что философия несет прежде всего воспитательную, общекультурную функцию общего герменевтического восприятия любого творческого знания, в том числе и естественно-научного.

Об истории и философии. Итак, потребность была, есть и будет, скажем даже, в нарастающей прогрессии чуть ли не геометрического свойства, а возможности удовлетворения этой потребности, как это ни странно, все более и более ограничены, вплоть до чуть ли не приватности. Между тем о России как об особом культурно-цивилизационном образовании в истории говорили и Р.М. Рильке, и О. Шпенглер, и Ф. Бродель, и С.Ф. Хантингтон, и М. Вебер, и А.Дж. Тойнби, и К. Ясперс – «у них». И Ф.И. Тютчев, и А.С. Хомяков,

и А.С. Пушкин, и Ф.М. Достоевский, и Н.Я. Данилевский, и Л.А. Тихомиров – «у нас»; а также многие, многие другие отечественные и зарубежные философы, историки и культурологи.

Вопросов, именно «роковых», философских вопросов, и к философии со стороны общества, во-первых, и к философии, точнее, ее к представителям, к обществу и государству, во-вторых, накопилось предостаточно.

Некоторые из них обнадеживают и радуют, а некоторые (особенно со стороны самих философов) – откровенно настораживают, расстраивают, огорчают и даже разочаровывают, поскольку дают повод трактовать их как отстаивающих право на исключительность и так называемую свободу проживания в «башне из слоновой кости», с неясными обязанностями в связи с осуществлением тех или иных философских идей в истории и культуре и по отношению к обществу. И тут, главное, как говорится, не путать истинное любознательное с лжеименным разумом. Тут важно, как говорил В.С. Соловьев, не спутать истинную метафизику всеединства, под которой понимается способ устройства бытия, «в котором единство существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех» [9, с. 74], с ложной, как сейчас говорят, гибридной, прокси-, псевдо- и т.п. лже-метафизикой «всеединства», отрицательного единства, которое подавляет или поглощает входящие в него элементы. В противовес истинному всеединству, охраняющему и усиливающему эти элементы, «осуществляясь в них, как полнота бытия» [Там же].

Философия либерально-демократического единства, как свидетельствует история и современность, защищает свободу. Но какую? Свободу грабить весь мир по своим «правилам», т.е. по своему произволу. На деле эта философия основана на колонизаторском, гегемонистском, плантаторском, рабовладельческом, экспансионистском проекте. Эта философия либеральной вседозволенности в своей сути очень точно и сильно критиковалась многими философами и историками: например, Платоном, Ксенофонтом, Фукидидом. Но наиболее показательны здесь новоникейцы, т.е. Святоотеческая восточно-христианская традиция православия. Вслед за ними – Е.Н. Трубецкой, А.С. Хомяков, и С.Н. Булгаков, и П.А. Флоренский, Н.О. и В.Н. Лосские, С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, П. Сорокин, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Н.А. Бердяев. Но тут и русская классическая художественная литература. Философская, по сути, литература, которую можно с полным основанием называть «поп-патристикой». Это Ф.И. Тютчев, А.К. Толстой. Но особенно А.С. Пушкин¹, особенно Ф.М. Достоевский. Но и Н.В. Гоголь и Л.Н. Толстой.

¹ Вспомним хотя бы его гениальное в своей несравненной точности по форме и содержанию стихотворение «Отцы пустынноики и жены непорочны» (о покаянной молитве преп. Ефрема Сирина): «Владыко дней моих! Дух праздности унылой, / Любоначала, змеи сокрытой сей, / И празднословия не дай душе моей; / Но дай мне зреть мои, О Боже, прегрешения / Да брат мой от меня не примет осужденья, / И дух смирения, терпения, любви / И целомудрия

Итак, отметим:

1. Налицо историко-культурный раскол или противостояние, по сути – это конфликт философского, точнее, философско-религиозного свойства.
2. Если конфликт, то кого и с кем, и в чем причина? Вместе с тем налицо традиционное, то затухающее, то в стадии активации историко-культурное, цивилизационное противостояние. Точнее – воинствующая экспансия, не трансатлантической Европы против России, а язычества по отношению к христианству, которое в России все еще есть и позиции которого на Западе перед лицом язычества ослаблены. Ныне идет, как и встарь, борьба между теистическим гуманизмом христианства и атеистическим гуманизмом язычества. Борьба идет только с каноническим православием. Хотелось бы привести слова апостола Иоанна Богослова о тех или иных апостолах-еретиках, делающих, как это не раз бывало в истории, «цивилизационный выбор» в пользу вероотступничества: «Они вышли от нас, но не были наши: ибо если бы они были наши, то остались бы с нами; но они вышли, и через то открылось, что не все наши» (1 И. 71, 19).
3. Почему возникают искушения этого рода? Потому, что западное христианство – это язычество с христианской символикой. «Здесь и сейчас» постмодернизма – это ветхая идея культа настоящего в язычестве и в философии либерализма. И у этого культа главный – Либер, с его обрядами («оргазмические либералии» – особенно в гендерной сфере) в виде наслаждения «здесь и теперь».
4. Далее не будем закрывать глаза еще на один четкий вопрос, связанный, если называть вещи своими именами, с традиционной историко-культурной предвзятостью, даже неприязнью иностранцев, преимущественно из Европы, к России. В чем тут причина?
5. Не менее важный вопрос, связанный с само-неприязнью, доходящей до самоунижения и самобичеванья, начиная с Марфы Посадницы и В.С. Печерина («как сладостно Россию ненавидеть и жадно ждать ее уничтоженья» – это его слова) и до нынешних релокантов. Этот вопрос связан, по Н.Я. Данилевскому, с «европейничаньем» как особым отрицательным свойством нашей культуры. Он основан на мифе и идолопоклонстве перед земным раем язычества. В данном случае – в лице коллективного Запада. В чем тут причина?
6. Очень важно дать в этой связи именно философскую оценку реальных качеств Запада, как положительных, и они известны со времен

мне в сердце оживи» [7, с. 585]). А вот молитва двенадцатая преп. Ефрема Сирина: «Господи и Владыка жизни моей, не дай мне духа праздности, суетной пытливости, любоначала и празднословия, но даруй мне, рабу твоему, дух целомудрия, смиренномудрия, терпения и любви. Ей, Господи, Царю, дай мне видеть свои грехопадения и не осуждать брата своего, потому что благословен Ты во веки веков! Аминь!» [8, с. 262].

петровских реформ и философских взглядов Герцена, так и отрицательных. Какие тут могут быть подходы, в том числе и историко-цивилизационного, культурного свойства? Можно назвать ряд авторов, которые искали ответ на этот вопрос, как это делал, допустим, А.С. Хомяков, но и Гоголь, Достоевский, Антисфен, и Монтень, Шпенглер, многие, многие другие мыслители. И даже тот же Герцен – один из сильнейших, кстати, обличителей западного культа «мещанского идиотизма».

Культура и философия. Что касается А.С. Хомякова, – наиболее в этом отношении показательного автора, то он видел следующие черты, порождающие в истории всякого рода конфликты, кризисы и противостояния вообще, и с любой стороны (не только между Россией и Европой) – в особенности. Просто некоторые черты, как он полагал, особенно свойственны западным народам. Это, например:

- I. Гордость духовная и умственная, происходящая в истории у народов чаще всего от действительных внешних успехов и славы.
- II. Запад обрел эту гордость по причине исторической ограниченности от тех испытаний, которые выпали на долю других народов и, особенно России. Отсюда западное преуспеяние в развитии наук, художеств и гражданственности. Добавим: а не в каком-то трудолюбии, предприимчивости, классовой борьбе или благодаря пролетариату, буржуазии, «праздному» или «среднему» классу.
- III. Отсутствие благодарности и смирения, без которых милости и благополучия не может ждать ни человек, ни народ – также весомая причина неурядиц в истории. Кстати, добавим, если Европу Россия спасла от «золотой орды», то США дважды спасла (при Екатерине II и во время гражданской войны в США) от Англии и континентальной Европы. Но в случае неблагодарности и заносчивости, по А.С. Хомякову, как раз и надо, как не раз показывала история, устрашать другие народы, распространять свои взгляды, иногда без правды, – таково стремление. Вводить суд и правду, укрощать насилие сильных, защищать слабых и беззащитных, очищать нравы, возвышать дух кажется бесполезным. (Подробнее см.: [12, с. 472–497]). Смеем утверждать: в любом случае, когда говорят: мы самые лучшие и избранные и все нам должны, а иначе – будут санкции и военные бомбардировки за «авторитаризм», «тоталитаризм» и «отсутствие демократии», или мы самые худшие и «что бы мы ни делали, у нас не идут дела»; а наша участь – подражать лучшим, «цивилизованным» странам и «учиться, на старших глядя», то главное здесь не «лучшие» и не «худшие». Главное тут – «самые-самые». Это все та же гордость как причина всяческих неустroенных в истории как со стороны западных стран, так и со стороны их прозападных в других странах сторонников.

7. Важным также является вопрос, требующий, опять-таки, ясных философских дефиниций, о том, что для Запада мы действительно – «экзистенциальная угроза». Так как не хотим быть сырьевым придатком Запада. Так, Китай не хочет быть сейчас индустриальным придатком, и это «восстание придатков» без последствий никогда не обходится. И вот тут возникает еще один справедливый философский вопрос, на который сами философы смотрят как на самоочевидный, не требующий доказательств, а на деле – первостепенный и нуждающийся в предельной ясности и проработки. А что же все-таки такое – философия и чем она, в конце концов, занимается?

Сейчас же многие философы, справедливо отмечая непростую ситуацию и сложные, как говаривал М. Вебер, «конstellации», утверждают только право на свободное творчество, генерацию возвышенных идей самого разного толка и все, своего рода философию авангарда, как некогда, т.е. «искусство ради искусства». «Философия ради философии» с наличием права и «другого» для проживания в «башне из слоновой кости». Главное – это «свобода сомнения», без выдвигания конструктивных вариантов. Остальное – совсем не дело философии. Да любой физик, естествоиспытатель, не говоря уже об обычных гражданах – будет в ужасе от такой методологии научных исследований!

Но не надо путать софистику как риторику с философией как с наукой о конечных сущностях-первопричинах, имеющих стратегические последствия, том числе и исторические. Иначе философию действительно, как это уже не раз бывало в истории культуры, упразднят или опять вернут в лоно изящной словесности.

Религия, философия и культура. Вспомним, у св. Иоанна Дамаскина в «Источнике знания» в главе 67 целых шесть определений философии:

1. Философия есть познание сущего как такового, т.е. природы сущего.
2. Философия есть познание божественных и человеческих вещей.
3. Философия есть помышление о смерти произвольной и естественной.
4. Философия есть уподобление Богу в возможной для человека степени. При этом мы уподобляемся Богу через справедливость, святость и добро. Справедливость состоит в правильном распределении, т.е. в том, чтобы не наносить обид, никого не судить по пристрастному произволу, но каждому воздавать по его делам. Святость – выше справедливости и совпадает с добром, состоя в том, чтобы сносить несправедливость, уступать обидчикам и даже благотворить им при своих победах, не давая себя в обиду тем, что называется «пораженчеством» и отстаивая свое право на существование. Здесь, как известно, в полемике с Н.А. Бердяевым, И.А. Ильин и В.Ф. Эрн продолжают традицию «мужественного Христианства», как истинного в православии.

5. Философия есть искусство из искусств, в том числе и изящных, в том числе и словесных. Ибо философия есть не просто и не только искусство, а начало как основа всякого искусства, т.к. ею было изобретено всякое искусство.

6. Философия есть любовь к мудрости, а истинная Премудрость есть Бог. Таким образом, любовь к Богу – вот истинная философия.

При этом св. Иоанн Дамаскин разделяет философию на теоретическую и практическую. Теоретическая разделяется на богословие, математику и физиологию. Как уточнил эту мысль другой учитель православия, Лука Войно-Ясенецкий: медицина – самая точная наука, но после богословия. Кстати, его труды по гнойной хирургии были не только отмечены в науке и политике, но и спасли многим и многим нашим военным жизнь во время Великой Отечественной войны. Математика же, по св. Иоанну Дамаскину, разделяется на арифметику, музыку, геометрию и астрономию. «Практическая философия разделяется на этику, экономику и политику. Теоретическая философия имеет свою задачу рассматривать бестелесное, нематериальное, т.е. Бога, Который, прежде всего, и в собственном смысле бестелесен и нематериален» [2, с. 74]. В Патристике установлен «перихорезис» – дано чудо самостоятельного и свободного стремления к Богу. В любом случае говорить о философии с точки зрения экклезиофобии и «свободы» от религиозных догматов, как это сейчас иногда делается в пылу дискуссий – совершенно и в корне не верно.

Старая классическая, казалось бы, прописная историко-философская истина гласит: философия без истории безродна, а история без философии – бесплодна. Не менее и даже еще более справедливо это звучит в связи с богословием, но чуть иначе: философия без богословия бесплодна. Но и богословие без философии – безродно. Православие как раз неразрывно и нераздельно предлагает знать, во что ты веришь, имея представление о вероучительных устоях, на которых может быть незыблемым то или иное знание. Как говорил св. Иоанн Дамаскин в соответствии с тем, что утверждали и новоникейцы (св. Василий Великий, св. Григорий Нисский): «Если же любопытствуешь относительно Бога, то прежде всего скажи мне о самом себе и о том, что касается тебя самого. Как существует твоя душа? Как движется твой ум? Как рождаешь ты слово? Как существуешь ты, смертный, и в то же время – бессмертный. Если ты не знаешь того, что внутри тебя находится, то как не содрогнешься исследовать высшее небес» [2, с. 106].

Мы видим: сколько у философии коннотаций, делающих ее незаменимой и притягательной как для специалистов, так и для рядовых граждан: естественно-научная, историко-культурная и художественно-поэтическая, социально-экономическая, политико-юридическая, даже – медицинская и управленческая; но и многие, многие другие составляющие. И каждый

случай употребления смысла требует ясных оценок и акцентов. Философия – междисциплинарная наука. Иначе, как говорил В.С. Соловьев, без механизмов своего осуществления сколь угодно прекраснодушный философский идеал-высказывание превращается в пустословие.

Более кратко и, естественно, в методологических целях большей доходчивости философию определил Юстиниан, содержательно объединив ее с юриспруденцией (букв.: «всестороннее размышление о сущностях»). И в этом – согласие и античной, и христианской философских традиций. Задача: остановиться на том, «что составляет сущность вещей» [3, с. 12–13]. И далее этот философ на троне уточняет: «Справедливость заключается в постоянной и твердой воле воздавать каждому свое. Наука права есть знание божеского и человеческого, умение отличать справедливое от несправедливого... Недостаточно ведь знать права, если игнорируются лица, ради которых они установлены» [3, с. 15, 21].

Еще более точное и краткое понимание в методологических целях системности, целостности и универсализма высказываний в определении философии давал В.В. Миронов: «Философия изучает природу, т.е. сущность идеального объекта». И это действительно очень емко, поскольку в конечном счете, по известному уточнению Л.И. Петражицкого, любое сколь угодно эмпирическое высказывание есть совокупность абстрактных, т.е. философских суждений. Другое дело, что в истории, особенно в истории политики и в религии необходима постоянная корреляций смыслов, субъектов, волеизъявлений, чувств и дел на примере, повторяем, тех или иных фактов и событий истории. И только в этом случае, добавим, возможно отличие сущностного, т.е. общезначимого, объективного, аподиктического, эвристического, эпистемологического знания как знания проблемного – отличие от знания пристрастного, сиюминутного, быстро преходящего, субъективного, поверхностного, доксографического.

В истинно философском высказывании должны быть зафиксированы по крайней мере три коннотации, касающиеся знания: а) рефлексий-мыслей; б) действий; в) субъектов, которые мыслят и действуют. При этом особую «философичность» философии в силу ее особого, т.е. междисциплинарного статуса придает именно история. Поскольку, повторяем, именно историко-культурная, цивилизационная оптика делает философию понятной, т.е. предметной и актуальной при любом, сколь угодно трудном (как у Дильтея или у Коллингвуда, или у Тихомирова) стиле изложения. И если идет речь о фактах прошлого, репрезентирующих философский дискурс, то перед нами философия истории, а если о современности – то следует говорить о специализации в области философии политики и права. Если при этом речь идет о долговременных прогнозах, то в наличии философская эсхатология, философия религии, богословие.

Поэтому, когда говорят: «не вторгайтесь» в нашу специфическую философскую область – это на деле оборачивается тем, что и сами философы сами же на себя налагают совершенно неудобноносимое бремя цензуры. А самая несносная цензура в виде предвзятых идеологических препон – то, как известно, самоцензура. А ведь философия в силу своего не просто междисциплинарного свойства, а прежде всего в силу межгерменевтического предназначения уже есть «призвание как профессия», говоря языком социолога, экономиста, философа, религиоведа М. Вебера.

Философия именно и призвана осуществлять миссию посредничества и постоянно именно «вторгаться» – в экономику, социологию, право, политику, богословие, естественные науки, помогая им найти общий язык и между собой, и в проведении диалога с гражданским обществом. Философия должна быть предметной, репрезентативной, и тем самым делать себя понятной. А не только исследовать те или иные идеи «чистого разума» и «абсолютного сознания» самого по себе в лице тех или иных мыслителей. Тот же И. Кант, в конце концов, считал свою «Критику чистого разума» всего лишь пропедевтикой к нравственности и праву и, как оказалось, – к религии. Об этом он и дал ясно понять в своей «Метафизике нравов» [6, с. 107–438]. Особенно в ее первой части «Метафизика права» и в учении об «амфиболиях» любых рефлексивных понятий, которые уже изначально несут в себе самообязывающее долженствование и безусловное повеление, несмотря ни на что. Опровергнув все способы Богооправдания, он именно в нравственности и праве нашел главные аргументы для теодицеи.

Сейчас же нравственность и право – это не только предмет академических дискуссий, но и условие выживания человечества. И «локальными нарративами» в духе либерального проекта пост-модерна с его атеистическим гуманизмом, воинственным гуманизму теистическому, проблемы здесь не решить. Последний делает акцент на онтологии объективности, а первый отвергает общезначимость монотеизма и, выдвигая плюрализм истин, утверждает именно гносеологический, а следовательно, и исторический, политический анархизм с его апологетикой субъективизма. Чаще всего в виде эмоционально-психологических, психопатических состояний. Однако и прошлое, и настоящее показывают – релевантность и конвенционализм проблем здесь не решают.

Любое философское суждение именно троично, т.к. в любой сфере деятельности, особенно в кризисной ситуации (как говорят – на войне и в самолете атеистов нет), должно быть понятно и именно всем несмотря ни на какой «плюрализм истин». 1. Что является причиной как источником чего бы то ни было. В том числе и кризиса нестроения. 2. Как это что-то осуществлено и проявилось. 3. И в чем смысл того и другого. В религиозной философии, особенно в Патристике это воплощено ипостасно в Отце, Сыне

и Святом Духе. Но если Бог есть жизнь, свобода и творчество. О чем, собственно, и говорит Церковь. И если это кому-то не нравится, то следует помнить – будет альтернатива. Точнее – не будет жизни, творчества и свободы. А если и что-то будет – то их превратное истолкование, выдаваемое за ценности в виде антиценностей смерти, порока и зла. И это, как утверждал в духе новоникейцев св. Иоанн Дамаскин: «...непреложно, неслиянно, неизменно, нераздельно и неразлично» [2, с. 192]. Человечество, полагал св. Иоанн Златоуст, само поместило себя в бушующее море осложняющих его жизнь событий и превратных стечений обстоятельств. Но, так или иначе, невозможно переплыть море без корабля. И св. Иоанн Златоуст полагал, что Святая Христова Церковь в мире – то же, что корабль в море. Господин этого духовного корабля – Сам Всемогущий Бог Отец. Кормчий – Единородный Сын Его; благоприятный ветер – Дух Святой; подчиненные правители этого корабля – Апостолы и преемники их, пастыри и учителя церковные. Плывущие на этом корабле – все правоверующие христиане. Дно и основание этого корабля есть правая вера во святую Троицу... Мачта – святой крест Христов, которым в Церкви все скрепляется и утверждается; паруса – любовь; якорь – надежда. Этот духовный корабль – Церковь, которую св. Иоанн Златоуст считал ответственной как институт за эсхатологическое служение, в том числе и в виде рефлексии, человечеству; из разных стран перевозит через бушующее житейское море всех правоверующих христиан в Небесное Царство... Поэтому-то, полагал св. Иоанн Златоуст, служение епископа сложнее, чем отшельничество [5, с. 403–492].

А вот замкнутая умозрительность, да еще и неопределившаяся в своих статусно-ролевых и институциональных функциях по отношению к «людям в бушующем море» приводит или к утопизму как стремлению к недостижимым целям, или к самодовольному прагматизму. Точнее – анархизму, еще точнее, анархо-синдикализму в виде корпоративного супрематизма и экцепционализма. Когда есть одни права и нет никаких обязательств и обязанностей. Но и утопизм, и анархизм, несмотря ни на какие благие пожелания и намерения, по факту, в конце концов, как определенная философия или, скажем так, «философообразные регулятивы» оборачиваются трагедией и разрушают жизнь людей. И если говорят, что философия – это свобода, свобода творчества, то должно помнить, что свобода – это не только «свобода от», но и «свобода для» (по Канту). Свобода – не только положительная свобода, свобода добра, но и свобода зла, негативная свобода, проявляющаяся в виде тех же девиаций, катаклизмов, цивилизационных крахов и кризисов. «В самом деле, – говорит св. Иоанн Златоуст, – гораздо труднее, – даже по человеческим соображениям, – убедить свободу человека, чем создать природу» [4, с. 34]. А возбудить веру в душах «гораздо удивительнее, чем воскресить мертвого» [Там же]. Почему же не верят,

спрашивает он? Прежде всего, потому, что свободны и не хотят! [4, с. 299]. «Итак, веруй по той самой причине, по которой не веришь» [4, с. 698]. И нигде так дорого зло не обходится, на этом собственно и настаивают историки всех времен и народов (начиная от Светония, Полибия, Тита Ливия, Плутарха до В.О. Ключевского, Ф.И. Успенского, также Р.Ю. Виппера, Э. Гиббона, И.Г. Дройзена и многих, многих других) как в философии. Точнее – при ее, философии, отсутствии в истории.

Эта позиция точно определена св. Василием Великим, который отметил, что «кто смотрит на зло без отвращения, тот скоро станет смотреть на него с удовольствием. Особенно опасно, когда человек хвалится в том, что на деле гнусно, и он не в состоянии это видеть, т.к. находит «славу в самом стыде» [1, с. 82]. И каков же выход, именно философский в том числе: «А если избегнем низкого понятия, то уничтожится и нелепость противоречия» [1, с. 51]. Опасность же между тем в том, что многие, советуя то или иное людям, «разжижают, – пишет св. Василий Великий, – слово водой», примешивая собственную мысль, ко вреду слушающих. «Ибо, служа их удовольствиям и угождая льстивыми речами, питают их страсти на их же погибель. Ослабляя, что в Писании строго, сильно и с пользой обуздывает, и к погибели слушающих допускающая какое-то невежественное человеколюбие, безрассудное извинение грехов и иное подобное, нравящееся многим, более и более расслабляют они души сластолюбцев» [1, с. 70].

Прогноз и философия. И последнее – о прогностических ролевых функциях философии. Точнее – о философии прогноза. Сразу при этом отметим, что главная ее (философии) функция другая – именно пропедевтическая как воспитательная. Точнее, историко-культурная и цивилизационная педагогика, как страхование от одичания, как воспитание творческих мыслительных способностей междисциплинарного характера. В том числе и в естественно-научной, технологической области. Как это отмечено Достоевским, без красоты – гвоздя не выдумаете. Красота мысли, точнее, ее воспитание на примере исследования конечных сущностей всего и вся – и есть прерогатива философии. Что касается функции прогноза как проявления творчества, то можно говорить, на наш взгляд, о двух видах прогноза.

1. Это историко-футурологический, по сути, языческий подход. За истину принимается пристрастное, предвзятое самомнение, чаще всего, эмоционально-страстное и художественно-поэтическое, как, прежде всего психопатическое. Это субъективное предположение. Такой политический солипсизм может сбываться, и тогда о таких гаданиях с неясной методикой выбора репрезентативной базы данных и об их авторах помнят. Но объективности, устойчивости, общезначимости, аподиктичности здесь нет. Но, как справедливо полагал Аристотель, все великие смыслы можно передать спокойным голосом, а не в воодушевлении безумия. Кстати,

заметим, чемпионами по сбывшимся прогнозам в истории человечества относительно будущего этого самого человечества были именно литераторы – Г. Уэллс и Жюль Верн. Но о себе при этом они ничего не предугадали.

2. Историко-социологический анализ истории и современности, собственно христианский прогноз как дар прозорливости и пример стратегического планирования, с фантастикой не имеющий ничего общего. Св. Василий Великий считал: не любопытствуй о будущем, но с пользой располагай настоящим. Его брат, св. Григорий Нисский, продолжал: почему-то с помощью гаданий, прорицаний, вдохновения и многих других ухищрений ободряются тем, что толкования знамений позволят заглянуть в будущее, чтобы избежать бед или достигнуть желаемого. Что опять-таки в лучшем случае тщетно, а в худшем, – оборачивается самыми печальными последствиями.

Вспомним, все продуктивные, устойчивые прогнозы, имеющие не просто характер осуществленности, а прежде всего являющиеся эффективными в своей предостерегающей рекомендации от возможных ошибок, уже осуществлены. Или в виде неправильных решений, или в виде успеха и историко-стратегической продуктивности. И не только в смысле политическом или нравственном. Но насущно-судьбоносные в своей эсхатологичности и сотериологичности. Имеющие в первую очередь именно настоящее, современность в виде репрезентативной базы данных. И пророки, и апостолы, и святые, имеющие дар прозорливости, говорили и говорят буквально следующее: перед вашими глазами происходили и происходят те или иные тренды, те или иные исторические и культурные изменения в жизни человечества, в социальной, нравственной, религиозной, политической, экономической и т.п. областях. Одни при этом желательны, другие – нет. Одни из них вам нравятся, другие вызывают тревогу. Но одни из них – причины. А другие – следствия! И если вы будете делать так, как вы уже действуете, то будете иметь вот такие и такие последствия, которые тоже имеете перед собой. А если по-другому, то вот – такие. И они тоже есть у вас! Выбирайте! Короче говоря, будете сидеть на раскаленной сковородке, – получите ожог, а если будете соблюдать правила техники безопасности и станете употреблять сковородку по назначению, то получите прекрасное жаркое и не будете наслаждаться тем, чем надлежит только пользоваться и станете наслаждаться тем, чем вы теперь только пользуетесь. Но при этом не сетуйте на какие-то внешние обстоятельства или на какую-то силу, или судьбу и не говорите, в оправдание своих ошибок, что может раньше эти Заповеди и действовали, а теперь они устарели. Не говорите: за что мне это? Но вопрошайте: для чего мне это? И хотя бы иногда, но вспоминайте о философии *perennis*, а не только о философии *transitus*.

Да, мы, конечно, живем на земле и хотим при этом, естественно, жить по-земному. Только не надо забывать, как говорил св. Феофан Затворник, что на земле мы на время, и короткое. И, стало быть, хоть мы и земные, но не для земли получили бытие. В конце концов следует помнить: очень часто, как свидетельствует история, отдельные люди и даже целые цивилизации испытывают историю, ее опыт и традиции на прочность. Чем это заканчивается? Кризисами. Традиции начинают испытывать на прочность людей. Опыт предостережения от кризисов – это тоже то ценное философское знание, которое дается людям историей.

Заключение. При соотношении взаимоотношения философии и истории, философии и культуры следует иметь в виду, что она (философия) несет на себе прежде всего функцию воспитательного свойства. И вместе с тем функцию стратегического планирования. А не прогностическую функцию. В противном случае мы получаем то, что можно назвать «тоннельным» или, как сейчас говорят, «блоковым мышлением», не способным различать в долговременной, среднесрочной, и даже – в краткосрочной перспективе истинный и ложный виды прогресса, со всеми их последствиями в истории культур и цивилизаций. Или политическим солипсизмом, не способным ни к какому взаимодействию культур и переговорным процессам во внутригосударственных делах и международных отношениях.

Шамиурин Виктор Иванович – доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4

Viktor I. Shamshurin – Sc.D. in Social science, Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

shamshuriny2@mail.ru

Шамиурина Нина Григорьевна – доктор экономических наук, профессор кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования Первого МГМУ им. И.М. Сеченова.

119991, Россия, Москва, ул. Большая Пироговская, д. 2, стр. 4.

Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования.

125993, Россия, Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1, стр. 1.

Nina G. Shamshurina – Sc.D. in Economical sciences, Professor, Department of Medicine Sociology, Economics of Healthcare and Health Insurance, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University.

119991, 2/4 Bolshaya Pirogovskaya str., Moscow, Russia.

Russian Medical Academy of Continuing Professional Education.

125993, 2/1, building 1 Barrikadnaya str., Moscow, Russia.

shamshurina8@mail.ru

Список литературы

1. Василий Великий св. Толкование на книгу пророка Исайи. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. 413 с.
2. Дамаскин, Иоанн св. Источник знания. СПб.: Наука, 2006. 358 с.
3. Институции Юстиниана. М.: Зерцало, 1998. 399 с.
4. Иоанн Златоуст св. Беседы на послание к ефесянам // Священное Писание в толкованиях святителя Иоанна Златоуста. Т. IX. М.: Ковчег, 2006. 912 с.
5. Иоанн Златоуст св. О Священстве // Творения св. Отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Изд. СПб. Духовной Академии, 1898. 900 с.
6. Кант И. Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
7. Пушкин А.С. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1985. 735 с.
8. Ефрем Сирин, преподобный. Творения. Молитва. М.: Сибирская Благовонница, 2016. 700 с.
9. Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Соч. В 10 т. 2-е изд. Т. 7. 1914. СПб.: Просвещение, 1911–1914. 389 с.
10. Соловьев В.С. Общий смысл искусства // Соловьев В.С. Соч. В 2 т. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. 824 с.
11. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М.: Фонд ИВ, 2007. 808 с.
12. Хомяков А.С. К сербам. Послание из Москвы // Хомяков А.С. Учение о Церкви. СПб.: Русс. Симфония, 2011. 608 с.

References

1. Vasilii Velikii Sv. Tolkovanie na knigu proroka Isaii. M.: Izd-vo Moskovskogo podvoria Sviato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 2002. 413 s.
2. Damaskin, Ioann Sv. Istochnik znaniia. SPb.: Nauka, 2006. 358 s.
3. Institutsii Iustiniana. M.: Zertsalo, 1998. 399 s.
4. Ioann Zlatoust Sv. Besedy na poslanie k efesianam // Sviashchennoe Pisanie v tolkovaniakh sviatitelia Ioanna Zlatousta. T. IX. M.: Kovcheg, 2006. 912 s.
5. Ioann Zlatoust Sv. O Sviashchenstve // Tvoreniia Sv. Ottsa nashego Ioanna Zlatousta, Arkhiepiskopa Konstantinopolskogo. 2-e izd. T. 1. Kn. 2. SPb.: Izd. SPb. Dukhovnoi Akademii, 1898. 900 s.
6. Kant I. Soch. V 6 t. T. 4. Ch. 2. M.: Mysl, 1965. 478 s.
7. Pushkin A.S. Sochineniia. V 3 t. T. 1. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1985. 735 s.
8. Efrem Sirin, prepodobnyi. Tvoreniia. Molitva. M.: Sibirskaiia Blagovonnitsa, 2016. 700 s.
9. Solovev V.S. Pervyi shag k polozhitelnoi estetike // Solovev V.S. Soch. V 10 t. 2-e izd. T. 7. 1914. SPb.: Prosveshchenie, 1911–1914. 389 s.
10. Solovev V.S. Obshchii smysl iskusstva // Solovev V.S. Soch. V 2 t. 2-e izd. M.: Mysl, 1990. 824 s.
11. Tikhomirov L.A. Religiozno-filosofskie osnovy istorii. M.: Fond IV, 2007. 808 s.
12. Khomiakov A.S. K serbam. Poslanie iz Moskvyy // Khomiakov A.S. Uchenie o Tserkvi. SPb.: Russ. Simfoniia, 2011. 608 s.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Р.Р. Вахитов, В.К. Петров

Отношения России и Турции во второй половине XX – первой половине XXI в. Циклический характер отношений¹

Rustem R. Vakhitov, Viacheslav K. Petrov

Russian-Turkish relations in the last half of the XX – the first half of the XXI century. Circular relations model

Статья представляет собой продолжение и развитие идей статьи Р.Р. Вахитова «Отношения России и Турции в XIX – первой половине XX в. Миролюбие консерватизма и конфликтность либерализма». Цель статьи – проверить гипотезу, что в периоды консервативной модернизации в России (СССР) и Турции между странами наблюдались стремление к миру и сотрудничеству, конфликты же приходились в основном на периоды либерализации и вестернизации. В статье рассмотрен этап с конца 1930-х гг. (смерть Ататюрка) до современности и делается вывод, что в целом гипотеза подтверждается. Периоды авторитаризма и консервативной модернизации (1970-е гг. и современность) отмечаются сотрудничеством и сближением двух стран, а периоды либерализации (1950–1960 и 1990-е гг.) – конфликтностью.

Ключевые слова: Россия, Турция, авторитаризм, либерализм, модернизация, сотрудничество, конфликт.

The article develops the ideas of the publication “Relations between Russia and Turkey in the XIX – first half of the XX century. The peacefulness of conservatism and the conflictogenicity of liberalism” by R.R. Vakhitov. The purpose of this article is to test the hypothesis that during the periods of conservative modernization in Russia (USSR) and Turkey there was a desire for peace and cooperation between the countries, while conflicts occurred mainly during periods of liberalization and Westernization. The article examines the stage from the late 1930s (the death of Ataturk) to the present and concludes that

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Школа молодого этнополитолога» (грант № 23-2-007316, Фонд президентских грантов).

the hypothesis is generally confirmed. The periods of authoritarianism and conservative modernization (the 1970s and the present) are marked by cooperation and rapprochement between the two countries, and the periods of liberalization (1950–1960 and the 1990s) – by conflict.

Keywords: Russia, Turkey, authoritarianism, liberalism, modernization, cooperation, conflict.

1. Вступление

Наша работа представляет собой продолжение статьи Р.Р. Вахитова «Отношения России и Турции в XIX – первой половине XX в. Миролюбие консерватизма и конфликтогенность либерализма» [4]. В этой статье Р.Р. Вахитов сформулировал гипотезу, касающуюся отношений Турции и России. Суть ее в том, что начиная с XIX в., в периоды консервативной модернизации в обеих державах, наблюдались мирные инициативы, стремление к миру между державами, угасание конфликтов. Конфликты же между странами приходились, как это ни парадоксально, в основном на периоды либерализации и вестернизации. Гипотеза эта нашла некоторые подтверждения при анализе отношений Турции и России с начала XIX по 30-е гг. XX вв.

Результат исследования был подведен в виде двух следующих таблиц.

Таблица 1.

Периоды консервативной модернизации	Мирные инициативы
Россия: эпоха Николая I Турция: эпоха Мехмеда II	Ункяр-Искелесийский мирный договор
Россия: эпоха Александра III Турция: эпоха Абдул-Хамида II	Предотвращение новой войны
Ранний СССР: эпоха Ленина и Сталина (до середины 1930-х гг.) Турция: эпоха Мустафы Кемаля Ататюрка	Тесное сотрудничество в военной, политической, экономической и культурных сферах

Таблица 2.

Периоды либеральной модернизации	Российско-турецкие отношения
Либеральные реформы Александра I и прозападный курс Селима III	Русско-турецкая война 1806–1812 гг.
Эпоха реформ Александра II в России и эпоха танзимата в Турции	Балканская русско-турецкая война 1877–1878 гг.
В России: либерализация позднего Николая II (1905–1917), правление февралюстов (март – ноябрь 1917) и правительства Колчака и Деникина (1918–1920) В Турции: правление «младотурков» (1908–1918)	Первая мировая война (1914–1918), Турция была на стороне «Тройственного союза», а Россия – на стороне Антанты («последняя русско-турецкая война»). Военные действия Энвера-паши в советской Средней Азии

В данной, второй части работы мы хотим проследить отношения между Россией и Турцией с конца 1930-х (после смерти Ататюрка) до современности и выяснить, подтверждается ли эта гипотеза в период после 1930-х гг.

2. 1930–1950-е: президент М.И. Иненю и И.В. Сталин

Ататюрк умер в 1938 г., и президентом Турции стал Мустафа Исмет Иненю (1884–1973), военный, бывший начальник Генштаба и близкий соратник Ататюрка. Он продолжил политику лидера турецкой революции, сохраняя в стране однопартийный режим и идя по пути консервативной модернизации. Лишь в конце его правления была разрешена многопартийность, что и привело к уходу Иненю от власти. Иненю потерял власть в 1950 г. Таким образом, его правление фактически совпало с правлением в СССР И.В. Сталина, как известно, умершего в 1953 г. Заметим, что и в России позднего Сталина тоже была «подморозка» (вспомним хотя компанию «по борьбе с космополитизмом» 1948–1953 гг.), которой сопутствовало послевоенное восстановление и развитие индустрии.

На первый взгляд может показаться, что внешняя политика президента М.И. Иненю и позднего И.В. Сталина опровергает выдвинутую нами гипотезу. Второй президент Турецкой республики, придя к власти, явно не благоволил к СССР (впрочем, «трещина» в советско-турецких отношениях возникла еще в последние годы правления Ататюрка [14]). В 1941 г., за 4 дня до нападения Гитлера на СССР, Турция подписала с Германией договор о дружбе. Общеизвестно, что во время Второй мировой войны немецкие суда имели право прохода через проливы Босфор и Дарданеллы. Высоким был уровень сотрудничества между турецкой армией и вермахтом, Германия превратилась в важнейшего экономического партнера Анкары. В Турции активно действовала немецкая разведка, турецкие официальные деятели открыто посещали Германию, инспектировали лагеря, встречались с нацистскими руководителями [13]. Турция взяла сторону антигитлеровской коалиции лишь в феврале 1945 г., когда исход войны был уже ясен.

Важным обстоятельством для укрепления германско-турецких отношений было восхищение Ататюрком и кемалистской революцией со стороны Адольфа Гитлера. Он говорил, что Кемаль был его «сияющей звездой во тьме 20-х гг.», называл его «великим учителем», чьим первым учеником Гитлер объявлял Муссолини, а вторым – себя [13].

В свою очередь сталинский Советский Союз также не питал симпатии к Анкаре за ее прогерманский крен конца 1930-х гг. и «странный суверенитет» в годы Второй мировой войны. 19 марта 1945 г. Советский Союз в одностороннем порядке вышел из пакта о ненападении 1925 г. и предъявил территориальные претензии к Турции (требуя земли восточной Турции,

которые были отданы Советской Россией в 1921 г.). В июне 1945 г. на Потсдамской конференции Сталин потребовал лишить Турцию единоличного контроля над проливами (который ей давала Конвенция Монтре), выразил претензию на участие в защите проливов и желание СССР иметь у проливов свои военные базы. Запад не дал реализоваться планам Сталина, но в самой Турции по отношению к СССР и к русским на долгие годы установилась откровенная враждебность.

Таким образом, с конца 1930-х до конца 1940-х гг. отношения Турции и России все ухудшались, «золотой век» российско-турецкой дружбы, прошедшийся на реформы Ататюрка, остался позади.

Тем не менее не стоит преувеличивать антироссийский настрой Анкары в период правления второго президента Турецкой республики. Все время правления второго президента в кемализме было не только правое, прогерманское, но и левое, просоветское крыло [13]. Сам Иненю при Ататюрке занимался советско-турецким сотрудничеством, бывал в СССР, был лично знаком со Сталиным и до 1940-х слыл представителем просоветских сил.

Турция в 1941–1945 гг. так и не вступила в войну на стороне Германии, и стоявшие тогда на границе с СССР турецкие войска так и не начали наступление на Кавказе. Договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией, принятый еще при Ататюрке, продолжал действовать и в правление Иненю, до конца войны, несмотря на поворот в сторону Германии. Как было уже сказано, в 1945 г. Москва из него вышла односторонне, т.е. это была инициатива не Анкары. Еще в 1944 г., т.е. до вступления в войну на стороне антигитлеровской коалиции, Анкара сделала ряд шагов, которые должны были продемонстрировать ее дружественное расположение к СССР. Были арестованы политики-пантюркисты, которые отличались прогерманским настроением, по амнистии выпустили из тюрьмы советских граждан, участвовавших в покушении на немецкого посла фон Папена в 1942 г., СССР были переданы советские коллаборационисты, скрывавшиеся на территории Турции. Во время переговоров 1945 г. Турция предлагала СССР союзный договор «против возможной агрессии со стороны европейских и средиземноморских стран», а также была готова заключить «договор о покупке оружия у СССР для того, чтобы обеспечить оборону проливов». То есть фактически Анкара предлагала Москве «условия, на которых впоследствии можно было выстроить новую базу дружественных советско-турецких отношений, по крайней мере предупредить развертывание американских баз» [13]. Конечно, эти предложения были сделаны не из добрососедских намерений, а под давлением обстоятельств, тем не менее нельзя говорить и о маниакальном упорстве и агрессивной неуступчивости и советофобии Иненю. Предложения Турции были выгодны обеим сторонам и могли послужить основой для восстановления дружеских, партнерских

отношений. Препятствием для сближения стали, в частности, завышенные требования И.В. Сталина, который стремился во что бы то ни было заполнить новые территории. В то время уже начал формироваться двуполярный мир, и в результате в поисках защиты Турция ожидаемо обратилась к США. Так начался проамериканский крен политики Анкары, который закончился вступлением Турции в НАТО и размещением на ее территории американских военных баз и ядерного оружия.

С другой стороны, нельзя преувеличивать значимость ошибки Сталина. А. Сотниченко правильно утверждает, что сближение Турции и США было предопределено усилением турецкой буржуазии, которая нажилась на войне² (как и американская буржуазия) и которой был выгоден союз с США, а не с социалистической Россией [5, с. 255]. Нельзя преувеличивать и антитурецкий настрой советского вождя: несмотря на претензии к Турции, не Сталин довел СССР до грани войны с южной соседкой, а «либерал» Хрущев.

3. Конфликтность советско-турецких отношений в период «оттепели» Баяра-Мендереса и «оттепели Хрущева»

Во второй половине 1940-х политический режим Турции стал смягчаться. В Турции «оттепель» началась лет на 10 раньше, чем в СССР. В 1946 г. была разрешена многопартийность, и в 1950 г. на выборах в Национальное собрание, победила оппозиционная Демократическая партия, ее лидер – Аднан Мендерес стал премьер-министром, а политик-демократ Джелаль Баяр – президентом Турции. Турецкая «оттепель» тоже имела свои границы: чем менее популярны становились «демократы», тем больше они наступали на «гражданские свободы» и уподоблялись тем, кого критиковали. В конце 1950-х была введена цензура в СМИ, ограничена автономия университетов, затем для преследования оппозиционеров был создан Комитет дознания. Однако при «демократах» была проведена амнистия (и из заключения вышел поэт и писатель-коммунист Назым Хикмет, эмигрировавший в СССР), некоторые свободы получило мусульманское духовенство (отменен запрет арабского азана³, разрешили читать Коран по радио, разрешили деятельность запрещенных мусульманских орденов – тарикатов, преподавание религиозных предметов в школах). Началась либерализация экономики, приватизация, поддержка частного сектора. Опираясь на финансовую помощь США в рамках «плана Маршалла», «демократы» субсидировали сельское хозяйство и закупали сельхозтехнику. В турецких деревнях появились

² По утверждению Д.Е. Еремеева, «за годы войны благодаря торговле с воюющими странами» Турция «скопила 2500 миллионов долларов США», а размер ее золотого запаса приблизился к 130 тоннам [5, с. 255].

³ Призыв к молитве, который перед намазом читает муэдзин с минарета мечети.

трактора, асфальтовые дороги. Правительство Мендереса поощряло создание профсоюзов, правда, подконтрольных государству [6, с. 210–211]. Страна встала на путь либеральной модернизации.

Во внешней политике «демократы» были твердыми сторонниками сближения с США и яростными противниками СССР и коммунизма. В Корейской войне, начавшейся в 1950 г., Турция открыто поддержала США, послав на Корейский полуостров воинский контингент – 5 тысяч человек [5, с. 235]. В 1952 г. Турция вступила в НАТО, позднее на ее территории разместились военные базы и ракеты США, что еще больше обострило отношения Турции и СССР. В течение 1950-х гг. правительство А. Мендереса полностью и безоговорочно поддерживало США и Запад в их политике по отношению к странам Ближнего Востока и Северной Африки (Сирия, Иран, Ирак, Египет, Алжир). По словам турецкого историка Тюрккая Атаева, Турция Мендереса превратилась в «посредника и исполнителя воли Запада» [5, с. 237]. Здесь сыграла свою роль и личная позиция А. Мендереса: он получил образование в американском колледже в Измире и боготворил США [13]. Его любимым высказыванием было: «Превратим Турцию в маленькую Америку («кючюк Америка»)» [5, с. 225]. Поскольку же Америка тогда позиционировала себя как оплот борьбы с коммунизмом (ведь это было время разгула маккартизма в США!), Мендерос и его соратники также проклинали СССР и коммунизм, критиковали кемалистов за «дружбу с Лениным» и искали «очаги коммунизма» в Турции. Таковыми они посчитали, например, открытые при Атаатюрке с целью повышения грамотности «сельские университеты» и ликвидировали их. В правление Баяра-Мендереса был принят закон об уголовной ответственности за коммунистическую деятельность и о смертной казни для коммунистических руководителей. В СМИ распространялись вздорные басни о том, что в Советском Союзе, «согласно коммунистической идеологии», нет ни наций, ни семей («Русьяда айле ве миллет йок») [5, с. 242].

Нормализация отношений с СССР наступит только после военного переворота 1960 г.

В СССР того времени мы наблюдаем схожую картину. Как известно, по инициативе Хрущева, в 1950-х был разоблачен «культ личности Сталина» и объявлено о возвращении к «ленинским нормам». Из лагерей вернулись политзаключенные, были реабилитированы незаконно репрессированные. Ослабла цензура, в СМИ появились открытые и относительно свободные дискуссии, стали печатать ранее запрещенных авторов. Поначалу «оттепель» коснулась и советско-турецких отношений. Хрущев в рамках антисталинской компании смягчил позицию по отношению к Турции. 30 мая 1953 г. правительство СССР даже направило Анкаре ноту, в которой Советский Союз декларировал отказ от всех сталинских территориальных претензий

к Турции. Однако Мендерес заявил, что советская нота – не что иное, как попытка вбить клин между Турцией и ее западными союзниками [5, с. 240]. Позднее премьер-министр, министр иностранных дел Турции, другие турецкие политики неоднократно повторяли, что миролюбивые шаги Советского Союза – лишь «уловки» и что Турция не может не учитывать своих «особых отношений» с Западом. С другой стороны, и Хрущев, поддерживая левонационалистические режимы в арабских странах, шел на обострение отношений с Турцией. Связано это было с неприятием прагматической политики Сталина, еще в 1930-е отказавшегося от «экспорта революций», и возвращением к риторике о мировой революции, характерной для 1920-х гг.

В 1957 г. СССР и Турция оказались на грани войны. Хрущев поддерживал Сирию, которая планировала объединиться с Египтом и вела агрессивную политику по отношению к Израилю, Турция была на стороне США, поддерживавших еврейское государство. В ответ на заявления Израиля о готовности к войне с Сирией, турецкие вооруженные силы были переброшены к сирийской границе. Хрущев, обращаясь к европейским социалистам, пообещал, что СССР не оставит Сирию в беде, а 19 октября ТАСС заявило: «Ни у кого не должно быть сомнения в том, что, в случае нападения на Сирию, Советский Союз... примет все необходимые меры, чтобы оказать помощь жертве агрессии». В Турции и на Западе это восприняли как угрозу для Турции, ибо у советских войск был только один путь, чтобы достичь Сирии – через южную соседку. В подтверждение своих намерений Хрущев назначил Рокоссовского командующим Закавказским военным округом, и СССР начал военные маневры у границ Турции. По ставшим в 1990-е известным данным, Хрущев отдал приказ приготовить ядерное оружие к боевому применению, и военные разрабатывали план атомной бомбардировки Стамбула.

В результате Турция прекратила военную активность у сирийской границы, в Москву для умиротворения ситуации позвонил министр обороны США Д. Эйзенхауэр и конфликта удалось избежать [1].

4. Советско-турецкое сотрудничество после военного переворота в Турции и прихода к власти Брежнева в СССР

Политика Демократической партии привела Турцию к глубокому экономическому кризису. Правительство расправлялось с оппозицией, бросало в тюрьмы журналистов. Было совершено покушение на лидера кемалистов Иненю. При подавлении протестов студентов в Стамбуле были жертвы. «Демократы» создали комиссию для расследования деятельности Народно-республиканской партии, что фактически было разрывом с кемализмом. За Демократической партией стояли исламисты, которые желали отменить результаты реформ Ататюрка и вернуться к мусульманскому государству

и образу жизни. Армия – хранительница наследия Ататюрка – была недовольна возрождением исламизма. 27 мая 1960 г. военные совершили переворот, арестовали Мендероса и Бояра. Власть перешла к Комитету национального единства (Милли бирлик комитеси), который возглавил генерал Джемаль Гюрсель. В 1961 г. страна вернулась к гражданскому правлению, была принята новая Конституция, проведены выборы органов власти, разрешена работа партий (но Демократическую партию запретили, над ее лидерами был произведен суд, по приговору которого Мендерос был казнен, а Баяр – приговорен к пожизненному заключению). Президентом стал генерал Гюрсель, и армия продолжала оставаться важнейшим политическим фактором. В 1971 г., после череды политических кризисов, в условиях хаоса и разгула правого и левого терроризма, армия снова совершила переворот («меморандумный переворот»). На этот раз переворот был направлен против левых сил (в частности, Рабочей партии, молодежных организаций), против которых были развернуты широкие репрессии. Однако состояние хаоса в обществе преодолеть не удалось, и в 1980 г. армия совершила третий государственный переворот. Власть снова взяли в руки военные. Только в 1983 г. Турция вернулась к демократической форме правления.

Итак, в период с 1960 по 1983 г. в Турции имел место период длительно-го авторитаризма, когда ущемлялись гражданские свободы, распускался парламент, власть брали военные, оппозиция преследовалась. При этом любопытно, что примерно в это же время и в Советском Союзе завершается «оттепель», начинается период, который получил название «застой». Наблюдается мягкая «реабилитация» Сталина, ужесточается идеология и политический режим, подвергаются преследованиям диссиденты. И... намечается потепление отношений с Турцией, причем инициатива исходила от обеих сторон (со стороны СССР это началось еще до прихода к власти Брежнева, при позднем Хрущеве, который чем дальше, тем больше сворачивал «оттепель»).

Еще в обращении к народу полковника Алпарслана Тюркеша в день переворота 1960 г. было обещание миролюбивой внешней политики: «Мы обращаемся к нашим союзникам, соседям и ко всему миру – наша цель это полная лояльность Уставу ООН и принципам прав человека. Наше знамя – лозунг великого Ататюрка: «Мир в стране, мир во всем мире» [5, с. 255]. Важно отметить также, что среди военных были противники прежнего однозначно проамериканского курса: «Они выступали за более самостоятельную внешнюю политику, за ослабление американского влияния», а один из молодых членов КНЕ – Орхан Эрканлы с возмущением заявлял: «Мы превратились в штат Америки» [5, с. 258–259]. Москва с воодушевлением встретила этот поворот турецкой политики. 3 июня 1960 г. газета «Правда» напечатала статью к 40-летию начала отношений между ленинской Россией и Турцией

Ататюрка. 28 июня Хрущев обратился к генералу Гюрселю с официальным заявлением, где говорилось: «...в Москве с чувством удовлетворения встречено заявление нового правительства Турции о том, что оно намерено следовать принципам политики основателя Турецкой Республики и борца за независимость Турции Кемаля Ататюрка, с именем которого в нашей памяти связаны дружеские и даже братские отношения между нашими соседними странами» [8, с. 95–96]. Уже в ноябре 1960 г. делегация, состоящая из турецких бизнесменов и промышленников, посетила СССР. Начинают развиваться экономические связи между двумя странами. Существенным толчком для них стал официальный визит премьер-министра Турции Суат Хайри Ургуплю в Москву 9–17 августа 1965 г., когда было принято решение о широком экономическом сотрудничестве: «Стороны согласились о том, что товары, в которых нуждается СССР (особенно табак, фундук и цитрусовые фрукты)... будут импортированы из Турции. Турция, в свою очередь, будет покупать у СССР промышленные товары и оборудование, в том числе бурильные установки, строительные материалы и машинное оборудование» [8, с. 103]. СССР пообещал оказать помощь в строительстве более чем 10 крупных предприятий на территории Турции: «Среди данных проектов находились металлургический, алюминиевый, нефтеперерабатывающий заводы, заводы по производству серной кислоты и древесно-волоконистых плит и Ахтурянское водохранилище» [8, с. 104]. В 1967 г. было заключено новое соглашение о сотрудничестве, включавшее 12 пунктов (в том числе о строительстве в Турции при помощи СССР сталелитейного, алюминиевого, нефтеперерабатывающего заводов и гидроэлектростанции). В 1968 г. между странами было установлено прямое железнодорожное и авиасообщение. В 1969 г. в ходе визита президента Турции Джемдета Суная в Москву было подписано соглашение по автоперевозкам. В целом «в период с 1967 по 1974 гг. объем торговли между двумя странами увеличился в 2.5 раза и составил 129.1 млн руб.» [9, с. 32]. Именно в этот период Турция окончательно превратилась из аграрной в промышленную державу, и сотрудничество СССР внесло в это значимый вклад.

Свою роль в укреплении сотрудничества двух стран сыграли внешнеполитические события: карибский (1962 г.) и кипрские (1963 г. и 1974 г.) кризисы. Турки были возмущены тем, что США сделали их «разменной монетой» в отношениях с СССР в ходе Карибского кризиса (Кеннеди распорядился отозвать американские ракеты из Турции в обмен на вывод Хрущевым советских ракет с Кубы), и оценили молчание СССР после ввода войск на турецкую часть Кипра (тогда как негативная реакция США разочаровала турок).

В 1970-е и 1980-е гг. США и страны Западной Европы, напуганные просоветским креном Турции, стремились поддерживать в Турции антисоветские настроения и отчасти это им удалось. Тем не менее сотрудничество

СССР и Турции продолжилось. Так, «в 1978 г. были подписаны Соглашения о развитии экономического сотрудничества и о научно-техническом сотрудничестве сроком на 5 лет, а в 1984 г. – Долгосрочная программа развития экономического, торгового и научно-технического сотрудничества сроком на 10 лет с продлением еще на 5 лет по согласию сторон. В том же 1984 г. было заключено соглашение о поставках Советского Союза природного газа Турции сроком на 25 лет» [15]. Также в 1982 г. был подписан протокол о свободно конвертируемых валютах между странами, а с 1984 г. СССР стал поставлять в Турецкую республику природный газ [7, с. 45].

Мы бы особо подчеркнули, что интенсификации отношений СССР и Турции не помешали даже преследования коммунистов и левых организаций, которые развернулись в Турции 1970-х (как и Сталину не помешал антикоммунизм Ататюрка, чтоб сотрудничать с ним). Мы считаем, что здесь проявляется одна важная черта авторитарных режимов – прагматический настрой их политики, меньшая зависимость от идеологии.

5. Россия и Турция во второй половине 1980-х и 1990-х: оборотная сторона либерализма

В 1983 г. в Турции приняли новую Конституцию, и президентом страны стал генерал Эврен – лидер военных, совершивших переворот 1980 г. Страна нуждалась в экономических реформах (была высокая безработица, курс лиры упал в 3 раза), и проводить реформы поручили Тургуту Озалу, который с 1983 г. стал премьер-министром, а с 1989 г. – президентом республики. Так началась турецкая перестройка и либерализация. Как и российские реформаторы конца 1980–1990-х, Озал поставил себе целью уход от государственной экономики, приватизацию предприятий, поддержку бизнеса и интеграцию в мировую экономику (и, как и Гайдар с Чубайсом, своим политическим кумиром считал Маргарет Тэтчер). Вот только реформы его оказались гораздо успешнее горбачевско-ельцинских – страна не распалась, а экономика стала развиваться (правда, порождая социальные проблемы, типичные для неолиберальных преобразований).

Созданная Озалом «Партия отечества» характеризовала себя как консервативная, но это был консерватизм в том же смысле, в каком говорят, например, о британских консерваторах, т.е. праволиберальный консерватизм, не исключающий, а подразумевающий политическую демократию (впрочем, в случае Турции – достаточно умеренную). При премьер-министре, а затем и президенте Озале были отменены статьи Уголовного кодекса о судебном преследовании за коммунистическую деятельность, разрешено легальное существование левых партий (и возникли Социалистическая партия, Социал-демократическая народная партия и т.д.), было покончено

с госмонополией на радио- и телевидение. Курдам разрешили общаться на родном языке, праздновать свои национальные праздники (до этого курды были лишены всего этого, ибо, согласно Ататюрку, их следовало считать «горными турками»). Озал стремился мирным путем разрешить «курдский вопрос» (он сам был отчасти этнический курд и имел хорошие связи в курдской диаспоре). Все это можно охарактеризовать как умеренную демократизацию. Мы думаем, что позволительно при известных оговорках провести параллели между Озалом и последним генсеком КПСС и президентом СССР Михаилом Горбачевым (Озала и называли «турецкий Горбачев» [12, с. 4]). Ведь Горбачев тоже пытался провести либеральные реформы в экономике и политике своей страны, тоже стремился решить национальные проблемы путем предоставления некоторых свобод нерусским народам СССР и тоже, как и Озал, имел репутацию западника и друга Америки. Но как известно, в ходе перестройки процессы вышли из-под контроля Кремля, экономическая реформа провалилась, широкие политические свободы привели к хаотизации общества, послабления в национальном вопросе породили сепаратизм. К власти пришли крайние западники и сепаратисты, выступавшие за выход своих республик из состава СССР (это касалось и РСФСР, и ее лидера Б.Н. Ельцина, который стал главным оппонентом Горбачева). Советский Союз в 1991 г. был распущен лидерами России, Украины и Белоруссии. Турция в начале 1990-х тоже столкнулась с проблемой соперничества разных политиков, напоминающей соперничество Горбачева и Ельцина (имеется в виду «неустойчивая коалиция» Озала, Демиреля и Э. Иненю), но турецкая государственность выдержала это испытание.

В 1993 г. Озал умер, и президентом стал Сулейман Демирель (уже возглавлявший правительство в 1960-е). Он представлял правоцентристскую «Партию верного пути» и был умеренным проамериканским политиком, также сторонником либеральных экономических реформ. Как известно, российские неолибералы – Ельцин, Гайдар, Чубайс в это же время проводили приватизацию в РФ. Они провели ее крайне грубо и нанесли огромный ущерб экономике страны. Одной из причин было то, что Верховный Совет, который стоял на умеренно-левых позициях и желал более щадящей приватизации, был устранен Ельциным (он приказал его распустить, а затем и расстрелять из пушек). В Турции энтузиазм консерваторов-неолибералов ограничивали социал-демократы, которые выступали за социальное государство на базе кемализма. Но 1990-е в Турции, как и России, оказались тревожными: экономический кризис, усиление исламистов (их партия благоденствия – «Рефах» – победила на выборах 1995 г.). С 1995 по 2003 г. продолжался период нестабильных коалиционных кабинетов, в юго-восточной Анатолии у турков была «своя Чечня» – партизанская война курдов. Тем не менее Турции удалось избежать нового военного переворота (хотя в 1997 г. турецкий Генштаб,

обеспокоенный нападками исламистов на кемализм, вынес им предупреждение, а затем под давлением армии Конституционный суд запретил партию «Рефах» и запретил политическую деятельность лидеру исламистов Эрбакану) и сохранить гражданскую демократическую власть.

Как же складывались отношения между Турцией и СССР (потом – РФ) в период со второй половины 1980-х до начала 2000-х? Озал, а потом Демирель все больше склонялись в сторону пантюркистских проектов. В 1991 г., когда СССР распался, и на карте мира появились независимые Казахстан, Киргизия, Туркмения, Узбекистан и т.д., президент Озал с восторгом заявил, что наступило «столетие турок». В Турции стали с воодушевлением рассуждать о создании «Великого Турана». Президент Озал поощрял стремление тюркских государств к копированию турецкой модели. Он заявлял: «...мы можем оказать помощь и в налаживании системы государственного управления по турецкому образцу» [10]. В 1992 г. состоялась встреча глав шести тюркоязычных государств бывшего СССР (Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении) и Турции, на которой было принято решение о политическом и экономическом сотрудничестве. Турецкие вузы стали выделять стипендии для выходцев из бывшего СССР: «Уже к 2000 г. в Турции обучалось 18 600 тюркоязычных... слушателей». В тюркских республиках постсоветского пространства стали открываться совместные университеты (например, Киргизско-турецкий университет Манас), турецкие лицеи (в том числе и в тюркских республиках России). Под их крышей часто работала и турецкая разведка, и исламистские организации. Турция активно поддерживала протурецких политиков и общественных деятелей на территории бывшего СССР и в РФ, в Турецкой республике были организованы курсы для чиновников из стран «тюркского мира» [10].

Разумеется, подобная деятельность плохо вписывалась в парадигму дружбы и сотрудничества, налаженного в 60–70-е гг. Фактически речь шла о соперничестве между Россией и Турцией за влияние на постсоветском пространстве и даже о тихом, прикрытом словами о культурном взаимодействии тюркских народов, вмешательстве во внутренние дела Российской Федерации.

К этому необходимо добавить, что Турция и Россия занимали в 1990-е противоположные позиции по ситуации в Нагорном Карабахе и Абхазии. Не секрет, что во время первой и второй чеченских войн Турция, если не де юре (Турция так и не признала самопровозглашенную «Ичкерия»), то де факто поддерживала «ичкерийских» сепаратистов. На территории Турции располагались лагеря для подготовки сепаратистов, через которые прошли около 5 тысяч человек [2], в Турции лечились раненые сепаратисты, турецкая общественность собирала деньги для «независимой Ичкерии», в Грозном эпохи Дудаева и Масхадова работали турецкие военспецы и представители турецкой разведки. Осуществлялась и пропагандистская

поддержка, в основном – в «правых» СМИ, но иногда и на официальном уровне. В 1996 г. в Стамбуле был открыт парк имени Д. Дудаева, на церемонии выступил мэр города (которым тогда был Р.Т. Эрдоган). Это не могло не возмущать руководство России, каким бы проамериканским и пронаатовским оно тогда ни было. В 1996 г. на встрече министра иностранных дел Турции с премьер-министром России Виктором Черномырдиным и с министром иностранных дел Евгением Примаковым последовали взаимные обвинения (турки обвинял Россию в поставке оружия грекам-киприотам) [3, с. 169]. В 1999 г. на стамбульском саммите прозвучали резкие заявления со стороны президента РФ Ельцина и С. Шойгу – тогда главы МЧС.

Итак, в очередной раз эпоха либерализации стала эпохой расстройтва российско-турецких отношений.

Правда, нельзя не признать, что на 1990-е гг. пришелся пик торговли между Турцией и Россией, но торговля эта была очень специфической. Если в 1970–1980-е гг. Советский Союз поставлял Турции машины, технологии, предоставлял специалистов для строительства заводов и ГЭС, а взамен получал сельхозпродукцию, то теперь в Россию поехали турецкие строители, поставлялась продукция легкой промышленности, а Россия поставляла южной соседке... газ и уголь.

6. Эпоха Эрдогана и Путина: поворот к сотрудничеству

В 2002 г. на выборах в Турции победила Партия справедливости и развития, и ее основатель – Реджеп Тайип Эрдоган в 2003 г. стал премьер-министром. Партия повторила свой успех на выборах 2007 и 2011 гг., и Эрдоган сохранил свой пост, а в 2014 г. он стал президентом Турции и был переизбран на этот пост в 2018 и 2023 гг.

В России на это время пришлось правление В.В. Путина (президент с 2000 по 2008 г., премьер-министр с 2008 по 2012 г., президент с 2012 по сей день). Сходство в политических образах и даже судьбах этих двух политиков поражает [11]. Они – представители одного поколения (Эрдоган младше Путина на год с небольшим). Турецкий президент родился в старой имперской столице – Стамбуле, в не очень богатой семье (его отец был простым моряком, служившим в береговой охране). В детстве Эрдоган нуждался и был вынужден подрабатывать, продавая на улице лимонад и булочки. Подростком он увлекался спортом – футболом и даже мог похвастаться приглашением из клуба «Фенербахче». Позже Эрдоган получил экономическое образование в университете Мармара и, занявшись политикой, стал мэром Стамбула, каковой пост стал для него трамплином в высшие сферы власти.

Владимир Путин также родился в старой имперской столице России – Ленинграде (Петербурге). Он тоже выходец из простой семьи (его родители были рабочими), тоже в детстве знал бедность и тоже в подростковом возрасте увлекся спортом (только это было дзюдо). В советские времена он служил в КГБ СССР (где получил на всю жизнь «заряд» государственничества и патриотизма, и поэтому эту службу сравнивают с религиозным образованием Эрдогана), но затем, в годы перестройки, занялся политикой (и защитил диссертацию по экономике!) и тоже попал в мэрию «старой столицы» России, откуда потом перешел в Москву и стал преемником президента Ельцина. И турецкий, и российский политики – твердые приверженцы «традиционных ценностей» (соответственно – исламских и православных), схож и их электорат – патерналистское население деревень и малых городов, не очень-то любящее либерально настроенных жителей мегаполисов.

В политической биографии обоих политиков можно выделить два периода – либеральный и консервативный, и есть четкая черта, разделяющая их и связанная с определенным «роковым» событием. Премьер-министр Эрдоган, будучи умеренным исламистом, тем не менее до 2016 г. придерживался проевропейской ориентации, прилагал усилия для вступления Турции в ЕС, поддерживал Альянс цивилизаций – организацию, стремившуюся сблизить позиции Запада и исламского мира, участвовал в форумах в Давосе. Газета «European Voice» объявила его даже «лучшим европейцем 2004 г.».

Все изменилось в 2010-е. Сначала был «звоночек» – бунт западнической молодежи на площади Таксим, с которым Эрдогану удалось справиться при помощи «силовиков». В 2016 же году его предали представители близкого круга – «силовики» (по версии Эрдогана, за ними стоял живущий в США исламский проповедник Гюлен). Они попытались организовать переворот. Эрдогану удалось чудом спастись, погибли два его охранника. Эрдоган провел жесткую «чистку» в армии и госаппарате, в стране три года было чрезвычайное положение, объявлялся референдум о внесении изменений в Конституцию. Все это вызвало недовольство Запада, охлаждение отношений Турции с Евросоюзом, поиск Турцией нового пути развития и сближение ее с Россией.

Схожая политическая траектория была у В.В. Путина. Придя к власти, он продолжал курс своего предшественника, пытаясь при этом, правда, избавиться от зависимости от ельцинских олигархов и укрепляя «вертикаль власти». Россия закрыла станции слежения на Кубе и во Вьетнаме, поддержала США после теракта 11 сентября 2001 г., не возражала против присутствия военной базы США в бывшей советской Центральной Азии. Тем не менее расширение НАТО на Восток продолжалось и, кроме того, Запад откровенно поддержал смену режимов в Грузии и на Украине («революцию роз» и «оранжевую революцию»), которые привели к власти в этих странах

антироссийские силы. Обеспокоенность Москвы всем этим была ясно высказана в Мюнхенской (2007) и Валдайской (2014) речах Путина, однако Запад ее проигнорировал. Решающими аргументами для антизападного поворота стали два события: попытка «Болотной революции» в Москве и «Евромайдана» в Киеве. Кремль это расценил как однозначную попытку Запада свергнуть нынешнюю российскую власть и прибрать к рукам «буферную территорию» между Россией и Западом. Думается, «Болотная революция» для Путина была тем же, чем площадь Таксим в 2013 г. и попытка переворота 2016 г. для Эрдогана⁴.

Отношения России и Турции в либеральный период правления Эрдогана складывались не то чтобы плохо, но и временами конфликтно. В 2000-е гг. Турция продолжала наращивать «мягкую силу» на территории Центральной Азии и тюркских республик РФ. В 2006 г. в Анталии состоялся Международный тюркский курултай. В 2009 г. возник Тюркский совет (позднее переименованный в Организацию тюркских государств). На территории России (прежде всего в Татарстане и Башкортостане) продолжали действовать турецкие лица. Причем занимались этим организации проповедника Гюлена, который потом станет врагом Эрдогана.

Пик конфронтации Турции с Россией пришелся на 2015 г. (хотя процесс был неоднозначным, и с 2009 г. наметилось и разновекторное партнерство [3, с. 165] – заметим, что это произошло после Мюнхенской речи Путина). Отношения обострились после «арабской весны» и особенно после того, как Россия приняла решение поддержать сирийского лидера Асада.

Уровень отношений приблизился к «точке заморозки» после того, как протурецкие формирования сбили российский военный самолет Су-24. Россия ответила санкциями – ограничениями на работу турецких компаний, на поездки туристов в Турцию и на экспорт товаров. Была прекращена работа турецких культурных организаций в регионах России, закрыты турецкие лица. Фактически вся работа в области «мягкой силы», проводимая турецкими пантюркстами начиная с 1990-х гг. была обнулена.

Через полгода почти замороженных отношений Эрдоган написал личное письмо Путину, после чего началась разморозка. Турция принесла извинения, протурецкий боевик Челик, который убил российского летчика, отправился в тюрьму. Однако окончательный поворот в российско-турецких отношениях произошел в 2016 г. По некоторым данным, именно Москва предупредила Эрдогана о готовящемся перевороте, и он успел вовремя покинуть резиденцию (хунта планировала его физически уничтожить). Не менее важной оказалась дипломатическая поддержка Москвы в условиях, когда Запад стал обвинять Эрдогана в попрании демократии и исключил перспективы

⁴ Разумеется, между двумя политиками есть не только сходства, но и различия, но мы сейчас занимаемся не анализом их политических типажей, а анализом отношений Турции и России.

вступления Турции в Евросоюз. Турция ответила в 2022 г. отказом от однозначного осуждения России за начало СВО и от санкций, весной 2022 г. Турция предоставляла площадку для мирных переговоров между Россией и Украиной, торговля с Турцией помогла России выдержать удар экономических санкций Запада.

Реализуется экономическое сотрудничество («Турецкий поток», строительство АЭС «Аккуй»). Не будет преувеличением сказать, что нынешнее сотрудничество России и Турции заставляет россиян вспомнить о лучших временах сотрудничества двух стран – 1930-е и 1970-е гг.

7. Заключение

Подведем итоги. Наша гипотеза о гармонизации отношений между Россией и Турцией в периоды авторитаризма в обеих странах и о росте конфликтности между странами в периоды либерализации в общих чертах подтвердилась (хотя, конечно, историческая реальность сложна и любая модель несколько ее упрощает). Выразим полученный результат в виде таблиц.

Таблица 3.

Периоды консервативной модернизации	Мирные инициативы
Эпоха позднего Сталина в СССР и президента М.И. Иненю в Турции	На фоне взаимного недоверия и территориальных претензий невступление Турции в Вторую мировую войну на стороне Германии
Эпоха Брежнева – Андропова – Черненко (1964–1984) в СССР и эпоха между военными переворотами 1960 и 1980 гг. в Турции	Снятие территориальных претензий, сближение, широкое экономическое сотрудничество
Эпоха Путина (особенно после 2012 г.) в России и Эрдогана (особенно после 2016 г.) в Турции	Всестороннее сотрудничество в политике и экономике

Таблица 4.

Периоды либеральной модернизации	Российско-турецкие отношения
Хрущевская «оттепель» в СССР (1954–1964) и правление «Демократической партии» в Турции (1950–1960)	Взаимное недоверие, кризис 1957 г. и угроза атомной войны
Горбачевская перестройка в СССР (1985–1991) и ельцинские либеральные реформы в России (1992–1999) и либеральные реформы Озала и Демиреля в Турции	Взаимное недоверие, пантюркистская «мягкая сила» Турции, различные позиции по чеченскому и кипрскому кризисам

О причинах гармонизации отношений между Россией и Турцией в периоды авторитаризма и о росте конфликтности в периоды либерализации было уже сказано в предыдущей статье Р.Р. Вахитова. Очевидно, что в периоды либерализации высока активность океанических сверхдержав (Великобритания и США), которые не заинтересованы в сотрудничестве Турции и России. Причину чередования периодов авторитаризма и либерализма в Турции и России и их относительной синхронности, думаем, следует искать в теориях мир-системного анализа (И. Валлерстайн, С. Амин, А. Фурсов и др).

Вахитов Рустем Ринатович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета.

450074, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32.

Rustem R. Vakhitov – Ph.D. in Philosophy, associate professor, Bashkir State University.

450074, 32 Zaki Validi str., Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Rust_R_Vahitov@mail.ru

Петров Вячеслав Константинович – кандидат философских наук, директор Школы молодого этнополитолога в Республике Башкортостан, главный редактор сайта «Политическое образование», член экспертного Совета Федерального агентства по делам национальностей.

Viacheslav K. Petrov – Ph.D. in Philosophy, Head of the School of the Young Ethnopolitologist in Republic of Bashkortostan, Chief Editor of “Political education” Website, Member of the Federal Agency For Nationalities Advisory Council.

vp230754@mail.ru

Список литературы

1. Андреев С. «Ядерный Никита»: Зачем Хрущев хотел уничтожить Турцию атомной бомбой. URL: <https://life.ru/p/1446137> (дата обращения: 19.03.2024).
2. Балмасов С. Все годы «дружбы» Турция вела подрывную деятельность внутри России. URL: <https://www.politrus.com/20151212/russia-turkey-8/> (дата обращения: 19.03.2024).
3. Бдоян Б.Д. Периоды трансформации в российско-турецких отношениях // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 4 (55). С. 165–182.
4. Вахитов Р.Р. Отношения России и Турции в XIX – первой половине XX в. Миролюбие консерватизма и конфликтность либерализма // Проблемы цивилизационного развития. 2023. Т. 5. № 1. С. 90–113.
5. Еремеев Д.Е. История Турецкой Республики с 1918 г. до наших дней. М.: Квадрига, 2017. 376 с.
6. Кадыров Р.Р. Турецкая республика в 50-е гг. XX в.: проблемы социальных и экономических реформ // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. 2009. С. 208–215.

7. Калугин П.Е. Историческая динамика российско-турецких взаимоотношений в экономике и энергетике // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2015. Т. 12. С. 40–54.
8. Кайгусуз Дж. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации (1920–1991 гг.). Дисс. ... канд. ист. н. Н. Новгород, 2017. 146 с.
9. Кайгусуз Дж. Особенности советско-турецких экономических отношений в 1960-е гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 3. С. 29–35.
10. Надеин-Раевский В. История пантюркизма и его современные сторонники. Ч. 2. Новый этап пантюркистских надежд // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 2. С. 94–108.
11. Осипов И. Долгое эхо друг друга: чем похожи Реджеп Эрдоган и Владимир Путин. URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/vlast/309529-dolgoe-ekho-drug-dруга-chem-pokhozhi-redzhep-erdogan-i-vladimir-p> (дата обращения: 19.03.2024).
12. Савин Д.А. Тургут Озал: человек и политик (по материалам англо-американской печати). Автореф. дисс. ... канд. ист. н. Ярославль, 2012. 24 с.
13. Сотниченко А. Советско-турецкие противоречия в 1945–1950 гг. в условиях формирования Ялтинской системы международных отношений. URL: <https://statehistory.ru/5550/Sovetsko-turetskie-protivorechiya-v-1945-1950-gg-v-usloviyakh-formirovaniya-Yaltinskoy-sistemy-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (дата обращения: 19.03.2024).
14. Тарасов С. Турция. Тайна одного письма Иненю. URL: <https://regnum.ru/article/2517081> (дата обращения: 19.03.2024).
15. Широкоград А.Б. Турция. Пять веков противостояния. URL: <https://history.wiki-reading.ru/135630> (дата обращения: 19.03.2024).

References

1. Andreev S. «Iadernyi Nikita»: Zachem Khrushchev khotel unichtozhit Turtsiiu atomnoi bomboi. URL: <https://life.ru/p/1446137> (access date: 19.03.2024).
2. Balmasov S. Vse gody «druzhyby» Turtsiia vela podryvnuui deiatelnost vnutri Rossii. URL: <https://www.politrus.com/20151212/russia-turkey-8/> (access date: 19.03.2024).
3. Bdoian B.D. Periody transformatsii v rossiisko-turetskikh otnosheniikh // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2017. № 4 (55). S. 165–182.
4. Vakhitov R.R. Otnosheniia Rossii i Turtsii v XIX – pervoi polovine XX v. Mirolubie konservatizma i konfliktogennost liberalizma // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia. 2023. Т. 5. № 1. S. 90–113.
5. Ereemeev D.E. Istoriia Turetskoi Respubliki s 1918 goda do nashikh dni. M.: Kvadriga, 2017. 376 s.
6. Kadyrov R.R. Turetskaia respublika v 50-e gg. XX veka: problemy sotsialnykh i ekonomicheskikh reform // Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Т. 151. Kn. 2. Ch. 1. 2009. S. 208–215.
7. Kalugin P.E. Istoricheskaia dinamika rossiisko-turetskikh vzaimootnoshenii v ekonomike i energetike // Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia «Istoriia». 2015. Т. 12. S. 40–54.
8. Kaigusuz Dzh. Turetsko-sovetskie otnosheniia v kontekste mezhdunarodnoi voenno-politicheskoi konfrontatsii (1920–1991 gg.). Diss. ... kand. ist. n. N. Novgorod, 2017. 146 s.
9. Kaigusuz Dzh. Osobennosti sovetsko-turetskikh ekonomicheskikh otnoshenii v 1960-e gg. // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016. № 3. S. 29–35.
10. Nadein-Raevskii V. Istoriia pantiurkizma i ego sovremennye storonniki. Ch. 2. Novyi etap pantiurkistskikh nadezhd // Perspektivy. Elektronnyi zhurnal. 2022. № 2. S. 94–108.

11. Osipov I. «Dolgoe ekho drug druga: chem pokhozhi Redzhep Erdogan i Vladimir Putin». URL: <https://www.forbes.ru/sobytiya-photogallery/vlast/309529-dolgoe-ekho-drug-druga-chem-pokhozhi-redzhep-erdogan-i-vladimir-p> (access date: 19.03.2024).
12. Savin D.A. Turgut Ozal: chelovek i politik (po materialam anglo-amerikanskoj pečati). Avtoref. diss. ... kand. ist. n. Iaroslavl, 2012. 24 s.
13. Sotnichenko A. Sovetsko-turetskie protivorechiia v 1945–1950 gg. v usloviiakh formirovaniia Ialtinskoj sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii. URL: <https://statehistory.ru/5550/Sovetsko-turetskie-protivorechiya-v-1945-1950-gg-v-usloviyakh-formirovaniya-YAltinskoy-sistemy-mezhdunarodnykh-otnosheniy/> (access date: 19.03.2024).
14. Tarasov S. Turtsiia. Taina odnogo pisma Ineniu. URL: <https://regnum.ru/article/2517081> (access date: 19.03.2024).
15. Shirokorad A.B. Turtsiia. Piat vekov protivostoianiiia. URL: <https://history.wikireading.ru/135630> (access date: 19.03.2024).

А.В. Никандров

**СССР как цивилизация: взгляд
со стороны западных интеллектуалов
(С. и Б. Вебб, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер)**

Aleksey V. Nikandrov

**USSR as a Civilization through the Eyes
of Western Intellectuals (Sidney & Beatrice Webb,
Romain Rolland, Lion Feuchtwanger)**

Статья посвящена историческому анализу развития дискурса цивилизации в применении к СССР («советской цивилизации»), который был развернут западными интеллектуалами, посещавшими СССР в 1930-е гг. Контекстом создания анализируемых произведений являются реалии «сталинского поворота», смысл и содержание которого кратко раскрываются автором. В «Московском дневнике» Р. Роллана образ И.В. Сталина сопоставляется с фигурой императора Августа. Л. Фейхтвангер в книге «Москва 1937» рассказывает о впечатлениях, которые произвела на него становящаяся советская цивилизация. С. и Б. Вебб в своем капитальном труде «Советский коммунизм – новая цивилизация?» дают развернутый анализ советского общества и государства 1930-х гг. и обосновывают вывод о том, что представление СССР как новой цивилизации по существу имеет основания.

Ключевые слова: СССР, цивилизация, социализм, коммунизм, И.В. Сталин, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер, С. и Б. Вебб.

The article is devoted to the problem of analyzing the development of the discourse of Soviet civilization. This discourse was carried out in various works of Western intellectuals who visited the USSR in the 1930s. The author presents his own vision of the context of creation of the analyzed works. It was formed by the events, which in their totality are usually called the “Stalin’s turn of the 1930s”, and reveals the meaning and content of this “turn”. In Romain Rolland’s “Moscow Diary” the image of Joseph Stalin is compared with the figure of Emperor of Rome Gaius Julius Caesar Augustus. Lion Feuchtwanger in his book “Moscow 1937” talks about the impressions that the young Soviet civilization he saw in the USSR made on him. Sidney and Beatrice Webb in their fundamental treatise “Soviet Communism: A New Civilization?” provide a panoramic analysis of Soviet society and state in the 1930s. Using a large material of facts, they substantiate the conclusion that the USSR really represents a new civilization.

Keywords: USSR, civilization, socialism, communism, Joseph Stalin, Romain Rolland, Lion Feuchtwanger, Sidney & Beatrice Webb.

Введение

«Цивилизационный дискурс» в советской политической риторике, – а он имел выраженное развитие во второй половине 1930-х и во второй половине 1940-х гг. (см.: [1; 18]), – изначально не был задан какой-либо советской инстанцией, даже высокой (т.е. И.В. Сталиным): его начало является исключительной заслугой ряда западных интеллектуалов, проявивших интерес к Советскому Союзу и посещавших нашу страну во времена своего «советского паломничества» в 1930-е гг. Открыли риторiku СССР как цивилизации Ромен Роллан и Лион Фейхтвангер, а концептуально-политическое оформление эта постановка получила в фундаментальном труде – научном трактате Сиднея и Беатрис Вебб «Советский коммунизм – новая цивилизация?», изданном в СССР в 1937 г. В этой монументальной работе получили развитие идеи социалистической демократии, единства народа и государства в СССР, всенародной политической организации и нового человека.

История интеллектуального паломничества в СССР и встреч западных людей культуры с вождем Советского государства – одна из интереснейших и волнующих страниц истории, давно уже приковывающая внимание исследователей и давшая вдохновение для написания немало количества научных трудов. Наибольшее количество значимых встреч совпало по времени с цепью событий и мероприятий в политике и культуре СССР, обычно называемой «сталинским поворотом», который начал проводиться под присмотром Сталина приблизительно с 1931–1932 гг. Поскольку вне этого контекста трудно понять не только смысл оценок СССР и Сталина со стороны западных интеллектуалов, но и цели сталинского содействия (если не организации) «интеллектуального паломничества» в СССР, то необходимо вкратце обрисовать, какие именно изменения происходили в Советской стране в это время.

Контекст эпохи: сталинский «консервативный поворот»

Сталинский «консервативный поворот», как его нередко именуют, – это поворот от интернационализма к советскому этатизму и связанному с ним патриотизму, к народоцентризму и государствоцентризму. Эту цепь событий, инспирированных лично Сталиным, часто называли «сталинской революцией сверху». Идеи мировой пролетарской революции и единства пролетариата всего мира отходили на задний план. Идеи же патриотизма, любви к Советскому Отечеству, наоборот, воспевались и превозносились. Принципы «революционной законности» отбрасывались, традиционное же понимание права

возвращалось (в юридическом плане ученые часто говорят о возвращении к традиционному правопорядку). Государство, его потребности и перспективы, его сила и стабильность, – вот что ставилось теперь в центр новой сталинской политики.

Научное освещение всей этой совокупности изменений впервые дано в большом панорамном труде известного отечественного ученого, классика социологии русского зарубежья Николая Тимашева «Великое отступление» (1946) [27], где он прослеживает в различных сферах жизни СССР конкретные проявления перехода «от дискурса интернационализма, мировой революции и классовой борьбы к трансляции национально-патриотических идей о единстве советского народа перед внутренними и внешними врагами и завершении “в целом” строительства социализма в СССР» [26, с. 179]. По словам М.Ю. Шматова, «особое внимание Н.С. Тимашев уделяет смене идеологических ориентиров: он пишет о переходе от интернационализма и от идеи принесения России в жертву “мировой революции” к национально-патриотическим установкам, о частичной реабилитации дореволюционных традиций и имен выдающихся исторических деятелей старой России» [26, с. 174]. Этот поворот Тимашев называет «отступлением» Сталина от коммунизма, и его началом полагает 1934 г.

Наиболее точное определение сути этих событий, как представляется, принадлежит автору воспоминаний И.Д. Шабалину. Этот простой советский человек, впитавший в себя эпоху социализма и свидетельствующий о своем времени в книге с простым названием «Свидетель социализма», описывая свое удивление различными нововведениями (или, лучше сказать, «возвращениями») в области общественных практик и культуры (новогодняя елка, воскресный день, новые-старые воинские звания и пр.), резюмирует: «Источником этих удивлений послужил поворот политики ожидания Мирового Октября и его подготовки к политике Абсолютного Государства и его укрепления (т.е. победы социализма в одной отдельно взятой стране). Этот период начался с тридцатых годов. Что дело обстояло именно так, я стал понимать гораздо позднее, а тогда мое сознание, впитав сначала “Октябрь” естественным диссонансом удивления, отметило признаки замены его “Государством”. Конечно, эта замена сначала никак не провозглашалась, ведь государство должно при коммунизме отмирать. Менялись акценты: все реже встречалось слово *свобода*, а вместе с ней и *равенство*. Празднование дня Парижской Коммуны становилось как-то все более тусклым. Слово *братство* куда-то исчезло и возвратилось уже во время войны как братство по оружию. Все реже упоминалось, что “Рабочие не имеют отечества”, потихоньку начали обретать гражданство слова *родина* и *патриот*» [25, с. 45].

Суммируем вместе с Н.В. Работяжевым: «Уже выдвинутая Сталиным в 1924 г. концепция “построения социализма в одной отдельно взятой стране”

означала очевидный шаг в этом направлении. В последующие годы Сталин, провозгласив исключительную, почти мессианскую роль Советского Союза в борьбе против всемирного капитализма (“СССР – отечество мирового пролетариата”), осуществил своеобразное слияние коммунизма с имперским национализмом. А после 1934 г. в советской идеологии произошли значительные сдвиги в сторону частичной реабилитации российского прошлого, признания патриотизма и других традиционных ценностей. Американский политолог Р. Даниелс охарактеризовал эти идеологические изменения как “сталинскую культурную контрреволюцию”, в ходе которой “под маской марксизма усиленно проводились традиционалистские идеи” [20, с. 119]. Итак, слияние имперского национализма с коммунизмом. Но эти установки, эти суммы идей – принципиально разные, и друг с другом они находятся в отношениях антагонизма, – как же тогда произвести «дружественное», «творческое» слияние этих принципов?

Пытаясь осуществить «слияние имперского национализма с коммунизмом», руководство страны и прежде всего Сталин прекрасно понимали, что «чрезмерный возврат» к «державности» и слишком сильное отступление от принципов интернационализма (т.е. космополитизма, пусть даже и пролетарского), чреват отходом от *универсализма*, потерей «мессианской энергии», историософского смысла нового государства: курс усиленной «державности» и поощрения национализма прямо вел к возрождению принципов и образа Российской империи, – а такая резтатизация («реимпериализация») едва ли была приемлема в сфере идеологии социалистического государства как государства нового типа.

Нужен был баланс советского этатизма и советского мессианизма без потери исторической преемственности. Универсалистские концепты и принципы поэтому были востребованы не в меньшей, а то и в большей степени, чем державно-традиционалистские. Советский град на холме сложно было рисовать в традиционном стиле *à la russe*. Отсюда – поиск новых концептов и идей; отсюда – и попытки ресинтеза «старых» идей в сфере универсального, метаисторического. Одним из таких концептов был концепт «цивилизация», который тянул за собой длинную вереницу смыслов и антиномий. Хоть и в «одной, отдельно взятой стране», но строился-то социализм, т.е. реализовывалась одна из важнейших историософских или метаисторических идей западной политической мысли. Отсюда ясно, что весь советский «державный патриотизм» и «новый традиционализм», исходя из сути марксизма и *генеральных* потребностей советской идеологии, должен был иметь *подчиненный* характер; смыслом же и целью нового государства являлся образ коммунистического общества, построенного на новых началах социальной справедливости и прогресса.

К этому стоит прибавить, что современники, вспоминая о тех годах, во все не теряли из вида этой идеи: тот же Шабалин по итогу своего ностальгического экскурса в сталинскую эпоху замечает, что, при всей скрупулезно подмеченной им стилизации единственно правильного учения «под русский ампир», тем не менее «марксизм и имперское мышление не противоречили друг другу» [25, с. 149].

Цель – коммунизм – не заслонялась «новой державностью»; а оптимизм, связанный с ее достижением (в чем у людей тридцатых сомнений не было), только возрастал: «Люди тридцатых годов строили будущее, имея перед собой надежные проекты и надежные решения» [15, с. 13], – вспоминает советский поэт и литературовед Д.М. Молдавский. Близость будущего вызывала мощнейший интеллектуальный подъем: «Утопия была за углом, за поворотом, в двух шагах! И мы знали, что уже живем в стране высокого разума, высокой духовности, стране открытий и великих произведений искусства» [15, с. 16]. Разум в основе проекта и строительство в согласии с философской системой – это ведь и есть цивилизация в ее идее: «Люди тридцатых годов подчинили себе философские категории...» [15, с. 15]. В контексте этих тенденций и настроений следует рассматривать визиты западных интеллектуалов в Советский Союз, ведь чувства оптимизма и радости, связанные с «ожиданием великого будущего», были свойственны людям культуры Запада не в меньшей степени, чем советскому народу.

К началу 1930-х гг. для большинства левых интеллектуалов Запада поддержка СССР стала принципиальной позицией. Их духовный мир в те годы, по словам Л.А. Закса, можно было уподобить «сознанию романтиков, важнейшей чертой которого было *двоемирие*. Для левых художников кроме “первой”, несовершенной и критикуемой ими реальности их собственного социального мира, существовала “вторая” реальность – реальность их социально-духовного идеала, их заветной мечты о справедливости, социальном равенстве и братстве... Этой воплощавшей их мечту реальностью и был СССР, тем более что на первых порах своего существования он действительно “источал” всемирно-историческое воодушевление и коллективный энтузиазм» [6, с. 25]. Вся негативная информация об СССР, если она и доходила до них, «отторгалась иллюзорно-утопическим художественно-романтическим сознанием *буквально верующих, т.е. уверовавших в коммунистическую идею и идеализированный образ СССР, людей*» [Там же]. Вполне логично и законно, что Советский Союз стал в глазах интеллектуалов Запада настоящей новой цивилизацией, флагманом мировой истории.

«Август нового мира»: Сталин глазами Ромена Роллана

Антонио Грамши около 1920 г. писал, что Ромен Роллан «развертывает ценную деятельность, потому что изменяет духовный облик, вызывает симпатии к революции у полупролетарских слоев и групп, которые лишь косвенно и в отраженной форме ощущают столкновения борьбы классов. В этом смысле Роллан работает на коммунизм... и мы ощущаем благодарность и восхищение перед ним: он – Максим Горький латинской Европы» [5, с. 282]. Встреча французского интеллектуала со Сталиным состоялась 28 июня 1935 г. в Кремле. Текст беседы опубликован не был, а записи Р. Роллана дневникового характера, где он излагает ход пребывания в СССР и свои впечатления о Сталине и о других советских деятелях, были опубликованы спустя лишь 50 лет.

Первое, что бросается в глаза при прочтении дневников Роллана, – весьма выраженные «римские ассоциации» французского писателя, конгениальные одной плохо замечаемой в наши дни интуиции сталинской и советской мысли в целом; или, скорее, чувству, может быть, не вполне осознанному, но отчетливо проявленному. Это чувство ощутимой мистической близости Советской страны к «республиканско-монархическому» Риму, наиболее развернутое выражение получившей в проекте и во всем дискурсе Дворца Советов, этого аналога Мавзолея Августа и символа Советской империи, так, увы, и не построенного. (Подробнее об этом: [18, с. 147–150]). Аналогия Сталина и Августа, может быть, и чувствовалась советскими идеологами и самим вождем, но впервые была выражена и раскрыта именно Роменом Ролланом. Правда, не забудем, что его дневники в сталинские годы света еще не видели, однако эта ассоциация или мистическая связь была практически официально провозглашена другим интеллектуалом – Лионом Фейхтвангером, о котором речь впереди. (Конечно, сложно было ожидать от советских идеологов сравнения Сталина с Августом, однако неявно и они склонялись к такой аналогии. Во всяком случае, явным намеком на одобрение подобной аналогии можно считать поддержку и высокую оценку книги Н.А. Машкина «Принципат Августа» (1949), удостоенной Сталинской премии. Г.В. Евчишин утверждает, что «генеральный социально-политический заказ в труде Н.А. Машкина виден невооруженным глазом» [8, с. 107], – и возможности возразить против этого утверждения нет. Из современных работ, в которых раскрываются сходства или проводятся аналогии Сталина и Августа, см.: [10; 19]).

Маркс писал о пролетариате как демиурге истории; Сталин говорил, что марксизм – это религия класса, символ веры для народа [22, с. 636]. Ромен Роллан подмечает роль веры, «марксистского евангелия» в мировоззрении большевиков во главе со Сталиным. Этот мотив веры, это «пламя веры», «пламя идеализма», – веры в свою миссию строителей нового общества, –

звучит у него довольно отчетливо: «Сталин и его великие друзья-большевики проникнуты оптимизмом – разумеется, без иллюзий, но и без страха: ведь они работают ради более прекрасного, лучшего, лучезарного будущего всего человечества, и их марксистское евангелие вселяет в них уверенность в неизбежность этого будущего, доказывая непреложность законов развития человечества, согласно которым они действуют и выражением которых являются сами. Редкостный парадокс – неумолимость материалистического динамизма, на котором зиждется – или, вернее, движется – их универсум, неотвратимо приводит к социальному идеалу справедливости и пангуманизму – самому идеалистическому из всех мечтаний человечества. Они называют себя реалистами, так как намереваются осуществить эту мечту. Причем любыми средствами. Но они не смогли бы сделать этого, если бы в них не горело спрятанное под доспехами пламя идеализма, иногда утопического и сентиментального в духе Жан-Жака Руссо, которое я с удивлением обнаружил у многих из них...» [17, с. 168].

Ромен Роллан прямо не говорит о советской или социалистической цивилизации, но ведь государство или иная полития (например, империя) с мессианской идеей (а без генеральной мессианской идеи империи нет); полития, пронизанная философией и мистическим профетизмом (в нашем случае это идея коммунизма), – по определению является цивилизацией. У Роллана такие мотивы выражены предельно четко, однако эту идейную наполненность, своеобразный большевистский идеализм подмечали очень многие из тех, кто не только исследовал, но и вообще рассуждал о Стране Советов 1930-х гг. Однако куда как более важны и интересны «римские аналогии» Романа Роллана, его сближение вождя Страны Советов с Цезарем и Августом. Совершенно ясно, что в этом контексте СССР предстает не просто цивилизацией, но цивилизацией в высшем и безусловном смысле, ибо Рим для Европы и, соответственно, для европейских интеллектуалов, является символом цивилизации в пафосном звучании, цивилизации в высшем смысле этого слова. Что и как говорит Роллан? Отчетливо выраженные римские ассоциации впервые появляются в тексте его дневника, когда он вспоминает о параде физкультурников, на котором присутствовал: несущие портреты Сталина люди внушили интеллектуалу «впечатление, что маршируют легионеры, несущие изображение Цезаря» [16, с. 228], а Сталин, как казалось ему, «подобно римскому императору, в течение шести часов наслаждался своим апофеозом» [16, с. 229]. – И далее: «Сталин как бы смущенный, стесняющийся, прячущийся, но в то же время демонстрирующий себя. Какое удовольствие получил бы Шекспир, изображая двух этих Цезарей, двух Сталиных, слитых в одном человеке! Я забыл о другом невидимом Цезаре – тени Ленина... Его тело покоилось под нашими ногами» [Там же].

В итоговых рассуждениях, после пассажей о пламени веры, горевшей в душе большевиков, Ромен Роллан, вспоминая парад на Красной площади, утверждает, что Сталин «открывает новую эру, в известном смысле классическую, в истории своего народа и всего мира, и несомненная плодотворность эпохи заслужит ему в будущем, вполне вероятно, славу Августа нового мира, человека, символизирующего победу нового порядка» [17, с. 179]. Слово «*порядок*» здесь принципиально важно, ведь результатом правления Августа как раз и стал порядок, спокойствие, мир – *Pax Romana*: «Все вместе: безопасность, порядок, процветание – означало *pax Romana*, или, по имени архитектора, строителя и хранителя порядка – *pax Augusta*, сам он рассматривался как *pacator orbis terrarum*» [14, с. 793]. В похожем смысле, что имя Августа в представлениях современников и потомков связывалось именно с утверждением нового римского имперского порядка, Ромен Роллан с уверенностью принимает вывод о том, что утверждение в СССР «*сталинского порядка*» знаменует тот факт, что «наступил “императорский” возраст советского коммунизма» [17, с. 179].

Интересно, но вполне логично для европейского интеллектуала, что когда Ромен Роллан как бы порицает «культ личности» Сталина, то почему-то не вспоминает о Риме вовсе, – тогда как очевидно, что если уж сравнивать Сталина с Августом, то прямо критиковать и тем более порицать *систему* «официального поклонения», т.е. культ личности, без учета его государственной значимости и смысла, было не совсем логично. Культ Сталина в СССР был культом личности в римском понимании, и в этом Сталин, осознанно или нет (скорее осознанно), следовал римской традиции. Заметим вскользь, что Сталин в беседах достаточно понятным образом объяснял как Роллану, так и Фейхтвангеру, определенную необходимость собственного «государственного культа». Также и Август, по словам Я.Ю. Межеричко, не был исполнен излишнего самолюбования и принимал собственный культ, в частности, поклонение «гению Августа» (*genius Augusti*, также *nomen Augusti*), как политическую необходимость: «...Август был весьма умерен в своих притязаниях на божественность, в вопросах культа его интересовала скорее политическая лояльность» [14, с. 414].

И Август, и Сталин не понимали каждый своего собственного культа в качестве поклонения им лично как частным лицам, но принимали соответствующие почести как представителям, символам своих народов и государств, – и в этом плане собственные имена, изображения и т.п. не принадлежали им, но были собственностью соответствующих народов и государств. А.Б. Егоров пишет о культе Августа: «Это был разветвленный, организованный и поддерживаемый сверху культ, в котором Август был не человеком и не богом. Он был символом созданной Римом сверхдержавы, культа Рима, римского государства, римской системы ценностей.

...культ становился обязательным, превращаясь в показатель лояльности римскому государству, римской идее и римским ценностям» [9, с. 282]. Всего этого не принял во внимание Ромен Роллан, зато отчасти понял, но не до конца, Фейхтвангер; однако оба они здесь никаких римских аллюзий не обнаружили, что все же, повторим, несколько странно.

Итак, сближение Иосифа Виссарионовича с великим историческим деятелем, «чьим именем вплоть до смерти было “Император Цезарь Август, сын божественного (Юлия), Отец отечества” (*Imperator Caesar Augustus divi filius pater patriae*)» [14, с. 508], стало итогом «римских размышлений и воспоминаний» и Роллана, и Фейхтвангера. Однако и самому Сталину, который, конечно, вряд ли мог быть знаком с текстом Роллана, зато книгу Фейхтвангера читал (а возможно, и правил), это сравнение, подобающее и по существу, и по статусу, было, надо полагать, достаточно близко и понятно, ведь и сам он однажды «в книге С.Г. Лозинского “История древнего мира” (Пг., 1923), обратившись к разделу “Империя”... подчеркнул фразу: “Август Октавиан – первый гражданин, принцепс, верховный правитель”» [7, с. 51]. Вспоминается также и его известный пассаж о «великом Риме» из выступления на XVII съезде ВКП(б). Особенно отчетливо римские истоки и аллюзии культа личности проявлялись в советской архитектуре («сталинский ампир», «сталианс»).

Ленин – Цезарь, Сталин – Август: «Москва 1937» Л. Фейхтвангера

Беседа Сталина с Лионом Фейхтвангером состоялась 8 января 1937 г. Ее текст был опубликован значительно позже (см.: [12, с. 250–271]), однако книга немецкого писателя «Москва 1937» вышла в том же году. В самом начале он как бы провозглашает: «Цивилизация Советского Союза совсем молодая» [24, с. 7]. Советский Союз описывается в книге Фейхтвангера именно как цивилизация в ее потенции и динамике; под цивилизацией немецкий интеллектуал понимает общественную организацию, которая, «если она хочет развиваться и процветать, должна строиться на основах разума и здравых суждений» [24, с. 5]. СССР такой политической организацией является в высшей степени: Фейхтвангер принимает принцип *бесклассового общества*, существом которого, по его мнению, является «то, что каждый с момента своего рождения имеет одинаковую возможность получить образование и выбрать профессию, и, следовательно, у каждого есть уверенность в том, что он найдет себе применение в соответствии со своими способностями» [24, с. 34], и делает вывод, что «этот основной принцип – чего не оспаривают даже самые ярые противники Советского Союза – проведен в СССР в жизнь» [Там же].

Исходя из констатированного уровня демократизма СССР, немецкий писатель в абзаце под заголовком «Государство – это мы» делает вывод о политической организации страны, утверждая, что оптимизм советского человека основан на его уверенности в том, что «государство действительно существует для него, а не только он существует для государства» [24, с. 17]. Пусть Фейхтвангер и далек от терминологической четкости постановки вопроса, как это характерно для Вебб, делающих важное концептуальное замечание о том, что государство в СССР есть политическая организация всего народа [3, с. 444], тем не менее его выводы ясны и обоснованы. Он принимает сталинский принцип социалистической демократии, сформулированный и логически защищенный вождем в январской беседе с ним, и сам в абзаце с названием «Демократический диктатор» художественно развивает его, рассказывая читателю о своей беседе с неким таинственным советским филологом (не Сталина ли он имеет в виду – если это так, то определение «филолог» звучит провиденциально): «Чего вы, собственно, хотите? – спросил меня шутливо один советский филолог, когда мы говорили с ним на эту же тему. – Демократия – это господство народа, диктатура – господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?» [24, с. 58]. Так художественными методами немецкий интеллигент ставит и решает беспокоившую западных интеллектуалов проблему диктатуры и Сталина как диктатора. Правление Августа некоторые исследователи называли абсолютизмом, основанным на демократической диктатуре (см.: [8, с. 87]).

Почти в конце своей книги Фейхтвангер говорит: «Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его “умножателем” во всех отношениях» [24, с. 84]. Сравнение с Августом выглядит в тексте как бы естественным, не нуждающимся в каком-то особом развитии, доказательствах. Вывод о том, что Сталин стал Августом для Советского Союза, интеллигент делает исходя из народности Сталина; к этому же он возводит и причины культа личности, обожествления Сталина, столь удивившего и взволновавшего его. Он пишет, что «хотя это обожествление Сталина может показаться прибывшему с Запада странным, а порой и отталкивающим, все же я нигде не находил признаков, указывающих на искусственность этого чувства. Оно выросло органически, вместе с успехами экономического строительства.

Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не какое-то отвлеченное понятие, не абстрактный “коммунизм”, а конкретного

человека – Сталина. ...к тому же Сталин действительно является плотью от плоти народа» [24, с. 59]. В этих пассажах культ личности уже трактуется более логично и обоснованно, чем у Ромена Роллана, – тем более что сам Сталин разъяснял немецкому интеллектуалу причины возникновения и развития «культа личности».

Государство-цивилизация: СССР в трактате С. и Б. Вебб

Если тексты Ромена Роллана и Лиона Фейхтвангера – художественные произведения по существу и стилю, т.е. тексты импрессионистские, не просто не лишены эмоций, но эмоциональные *par excellence*, то супруги Сидней и Беатрис Вебб, английские ученые-социологи и общественно-политические деятели, написали о советской цивилизации фундаментальную научную работу, имеющую вид трактата и по существу таковым являющуюся. В ней нет практически ничего художественного, нет исторических аналогий, – только сугубый социоисторический и социокультурный анализ советского общества и государства в том их виде, который они приобрели к началу – середине 1930-х гг. Когда Вебб будут представлять СССР как «управление, осуществляемое всем взрослым населением», они не станут приводить напрашивающиеся античные полисные аналогии (впрочем, не проводил таких аналогий и Фейхтвангер в пассаже «Государство – это мы»). Вебб интересуют анатомия советского общества, его динамика и перспективы; они последовательно и скрупулезно описывают все советские институты с точки зрения их эффективности. Супруги Вебб выступают в своем трактате о советской цивилизации как ученые, проводящие анализ с соблюдением ряда методологических правил, установок и приемов, зачастую прибегая к подробному и детальному описанию институтов (например, они дают описание не только системы наркоматов в целом, но уделяют внимание каждому наркомату в отдельности; не только Советской федерации в общем виде, но и каждому ее субъекту). Тем не менее при всей сухости работа отнюдь не лишена пафоса и даже толики профетизма. Если кратко суммировать, каким предстает СССР в трактате Вебб, то законно употребить понятие «государство-цивилизация». Свое исследование авторы строят на огромном материале и на личных впечатлениях: вместе они побывали в Советском Союзе в 1932 г.; Сидней Вебб отдельно приезжал в 1934 г. Влюбившись в Советскую страну, «они видели в ней новую цивилизацию, воплощение социалистической мечты» [23, с. 211].

Труд «Советский коммунизм – новая цивилизация?» (впервые опубликован в 1935 г.) в творчестве Вебб имеет своего рода «предисловие», написанное 10 лет назад, – это небольшая, но важная работа «Закат капитализма» [2], имеющая, даже если судить просто по названию, явную концептуальную

связь с «Советским коммунизмом». «Закат» не представляет собой чего-то неожиданного: работа следует в логике критики западной цивилизации капитализма, получившей большое развитие в те годы, когда издавались книги о закате, упадке и даже конце Запада. Критика Вебб, и тут следует согласиться с автором вступительной статьи к советскому изданию 1925 г., предстает несколько поверхностной; содержательно работа и в самом деле представляет собой «утомительное многословие, с которым они излагают учение о непреодолимых противоречиях и неизбежном крушении капиталистической цивилизации» [2, с. 3]. Но при всем этом, во-первых, «Закат капитализма» важен не сам по себе, а в связи с «Советским коммунизмом», а во-вторых, при отсутствии общей постановки об обреченности капитализма, в нем есть и интересное углубление этой темы: в главе 6 («Капиталистический строй как причина войны») авторы проводят довольно-таки серьезное разоблачение капитализма с этой стороны и связывают «бесстыдство империалистического капитализма» с проблемой классового размежевания западных обществ и возникающих по этой причине классовых войн.

Первый том «Советского коммунизма» назван «Конституция» и посвящен описанию и анализу советского общества и государства, второй называется «Социальные тенденции в советском коммунизме», и в нем авторы делают упор на динамику развития СССР прежде всего в аспекте приближения к провозглашенным идеалам. В этом же томе проводится анализ организации труда и вообще жизни в СССР, на этой основе вскрываются существенные черты противоположности социалистической и капиталистической систем, а уже на основании результатов исследования делается окончательный вывод всего трактата о превосходстве советской коммунистической цивилизации над западной капиталистической.

Как уже было сказано, Советский Союз предстает в трактате Вебб как государство-цивилизация. Что это значит? Советское государство и общество, руководимые коммунистической партией, представляют собой единство сложной организации при разветвленной и весьма подвижной системе представительных институтов управления и права, развивающейся в направлении создания справедливого общественного порядка, основанного на началах разума. Разум в рамках описываемой Вебб «строящейся утопии» – понятие ключевое отнюдь не в обобщенном или метафорическом смысле: авторы проводят мысль о том, что компартия в СССР осуществляет «сложную систему водительства», суть которой – «постоянное интеллектуальное руководство, относящееся не только к народу в целом, но и к каждому человеку в отдельности» [3, с. 412]. Заметим, что термин «водительство» (т.е. руководство, управление), относящийся к партии и государству во главе с вождем, предложен переводчиком трактата К.Б. Радеком явно не просто как литературное изящество: понятие «водительство», как можно судить

из пристального изучения текста, призванно отражать *интеллектуализм* советской системы. К тому же само слово «водительство» хорошо оттеняет систему широкого участия народных масс в управлении, т.е. широко развернутую демократию.

С. и Б. Вебб называют сложившийся политический порядок в СССР (именно в этом значении они используют термин «конституция», и переводчик сохраняет это слово) «многообразной демократией, организованной на базисе демократического централизма при всеобщем участии в управлении» [3, с. 418], реализующей свои потенции в атмосфере многочисленных «добровольных организаций, которые этой конституцией постоянно создаются и развиваются как части ее самой» [3, с. 420]. Поэтому СССР «не состоит из противостоящих друг другу правительства и народа, как это было до сих пор во всех больших обществах. Он является высокообъединенной общественной организацией» [3, с. 444] и по существу «есть управление, осуществляемое всем взрослым населением, организованным в различного порядка коллективы, имеющие свои различные функции, все вместе производящие... почти все ценности в стране» [Там же].

Эта высокообъединенная общественная организация, по мысли Вебб, основывается на фундаменте разума, т.е. вырабатывает управляющую «философскую систему и новый кодекс поведения, основанные на представлении об отношении человека ко вселенной и об обязанностях человека к человеку» [Там же] и руководствуется ею. Этот вывод позволяет авторам применить несколько, по их признанию, рискованный термин – ««кредократия» нового рода», которая является «источником воодушевления для многоформенной демократии» [Там же]. Собственно, исходя именно из этого в конце первого тома, Вебб ставят вопрос: «Не наблюдает ли мир в СССР возникновение новой цивилизации?» [Там же]. Ответ будет дан в конце второго тома.

Вебб, как и Фейхтвангера, волнуют вопросы диктатуры и автократии в Советском Союзе. Если Фейхтвангер «выходит из положения», используя в основном литературные приемы, то Вебб решают проблему концептуально: та подвижная, многообразная система демократии, элементы и структуру которой они наблюдают, зарисовывают и анализируют, по определению не может сводиться к какому-либо виду диктатуры или автократии. Равным образом на вопрос, является ли диктатором партия, – ведь она «стоит вне рамок конституции» [3, с. 425], – исходя из всеобщего народного участия в структурах партии, они отвечают отрицательно: роль партии сводится в основном к выявлению, формулированию и проведению общей воли советского народа [3, с. 426]. На этом же основании нет никакой возможности ответить положительно на вопрос, является ли Сталин диктатором?, ведь в столь сложной и динамичной интеллектуальной системе руководства, справедливо утверждают Вебб, «нет места индивидуальной диктатуре» [3, с. 428].

На основании анализа динамики советского общества, проведенного во втором томе, Вебб как бы подтверждают законность применения здесь термина из советской марксистской мысли – «бесклассовое общество». Бесклассовое общество в определении Вебб, – это общество, основанное «на социальном равенстве и всеобщей экономической обеспеченности среди изобилия, доступного всем людям, независимо от расы и цвета кожи» [4, с. 561]. Вебб уверены в том, что «по завершению в 1937 г. второй пятилетки, или во всяком случае в недалеком будущем, руководители Советского Союза смогут заявить, что фаза, называемаяся “диктатурой пролетариата”, прошла, так как государство охватывает все население и бесклассовое общество фактически уже установлено» [4, с. 470]. Собственно, термин «бесклассовое общество» вполне лаконично и по существу верно выражает суть новой цивилизации, которая строится в Советской стране (значение термина «бесклассовое общество» было удачно схвачено и Фейхтвангером).

Эпилог второго тома называется «Новая цивилизация?»: Вебб в последний раз ставят свой сакраментальный вопрос и окончательно доказательно дают на него положительный ответ. Ответ развернутый, теоретически насыщенный: одновременно он является и приговором для капиталистической цивилизации. Вебб как бы возвращаются мысленно к своей работе «Закат капитализма» и проводят «сверку», к каким достижениям в плане ликвидации противоречий и язв капитализма пришел СССР. Достаточно прочитать названия нескольких параграфов и сравнить их с названиями глав в «Закате капитализма».

Названия параграфов в «Советском коммунизме»: «Уничтожение наживы», «Планирование производства как общественного потребления» (т.е. уничтожение конфликта интересов производителей и потребителей, уничтожение безработицы), «Социальное равенство и универсализм», «Новая система представительства». Названия глав в «Закате капитализма»: «Обнищание», «Неравенство доходов», «Неравенство в области личной свободы», «Банкротство капитализма», «Капиталистический строй как причина войны». Итоговый вывод в «Советском коммунизме» в формулировке названия параграфа: «Распадающийся капитализм». Отсюда вывод: авторы констатируют резкий контраст советского коммунизма с западной цивилизацией распадающегося капитализма [4, с. 581] и «систематическое разочарование в современной западной цивилизации» [4, с. 582]. Из этого следует уверенность авторов в том, что советский коммунизм распространится на другие страны. Этим заверением кончается монументальный труд С. и Б. Вебб – и, как пишет Ю.А. Скальная, «переиздавая “Советский коммунизм” в 1940-х гг., когда народ СССР будет героически бороться против гитлеровской Германии, Уэббы уберут знак вопроса после “новой цивилизации” в названии своего двухтомного труда и напишут еще одну книгу – “Правда о Советской России” (*The Truth about Soviet Russia*, 1942)» [21, с. 113].

И.М. Майский, выдающийся советский дипломат и публицист, который дружил с Вебб и который, собственно, и предложил Сталину (опосредованно, через Радека) идею издать их труд в СССР, в начале 1970-х гг. будет писать: «Жизнь показала, что Вебб оказались большими прозорливцами будущего. Тогда, 35 лет назад, они уверенно предсказывали неизбежность расширения территории “советской цивилизации”, хотя принципиально отказывались точно указывать сроки, размеры и формы такого процесса. В наши дни мы можем констатировать, что это их пророчество осуществилось. Разве нынешнее социалистическое содружество ряда стран не является по существу тем расширением “советской цивилизации”, о котором 35 лет назад говорили Вебб? И разве возможность превращения некоторых стран “третьего мира” в социалистические государства в ближайшие годы и десятилетия не является мыслимой перспективой дальнейшего расширения “советской цивилизации”?» [11, с. 110–111]. Увы, в конце века Советская цивилизация в лице СССР ушла в историю – впрочем, есть все основания надеяться, что не навсегда.

У труда Вебб, изданного в СССР, сложилась довольно-таки странная судьба. Двухтомник усилиями Майского и Радека, поддержавшего дипломата и друга Вебб и включившегося сначала в «пробивание» издания, а затем в работу над переводом (который был сделан в рекордные сроки, к 1936 г.), был издан не по грифу, а по факту «для служебного пользования» странным тиражом 3000 экз. (см.: [13, с. 323–327]). До советского читателя трактат, по сути дела, не дошел: он не получил ни рецензий, ни какого-либо информационного сопровождения. Могли, наверное, быть реакции со стороны самого Радека или Н.И. Бухарина с продолжением в виде дискуссии, но по известным причинам этого не произошло. Трактат обнаруживается в библиотеке Сталина с автографом авторов. Надо полагать, широкого читателя могли смутить параграфы из 6-й главы первого тома с названиями вроде: «Является ли партия диктатором?», «Является ли Сталин диктатором?», «Является ли СССР автократией?»... Хотя, к слову сказать, и книга Фейхтвангера полна даже более «неудобных» вопросов и пассажей (о «культе личности» прежде всего), – в чем же тогда дело? Возможно, труд не выпустили в широкое интеллектуальное обращение по причинам его сложности, излишней для нужд пропаганды.

Неужели получается, что книга была издана зря? Нет, это не так, и дело в следующем. Как можно с определенной уверенностью предположить, курс цивилизации получил развитие в СССР во второй половине 1930-х гг. и особенно в послевоенное время именно благодаря работе С. и Б. Вебб. Однако по стечению обстоятельств труд Вебб не стал предметом пристального анализа, – и так важная цель представленной статьи состоит в том, чтобы это упущение исправить. Исходя из всего вышесказанного, можно

с определенностью сказать, что трактат С. и Б. Вебб является не просто неким артефактом своего времени, интересным только с этой точки зрения, но представляет собой развернутое фундированное исследование советского общества времен 1930-х гг., в высшей степени достойное серьезного внимания общественно-политической науки.

Никандров Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Aleksey V. Nikandrov – Ph.D. in Political Sciences, Senior Research Fellow, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

bobbio71@mail.ru

Список литературы

1. Асоян Ю.А. Исчезнувшая цивилизация? Цивилизационные категории в советском идеологическом дискурсе 1920–1930-х годов // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 112–119.
2. Вебб С. и Б. *Закат капитализма*. М.: ЦУ ВСНХ СССР, 1925. 154 с.
3. Вебб С. и Б. *Советский коммунизм – новая цивилизация?* Т. 1. Конституция. М.: Госсэцгиз, 1937. 448 с.
4. Вебб С. и Б. *Советский коммунизм – новая цивилизация?* Т. 2. Социальные тенденции в советском коммунизме. М.: Госсэцгиз, 1937. 591 с.
5. Грамши А. Из хроники «Ордине Нуово» // Грамши А. *Искусство и политика*. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 278–283.
6. Закс Л.А. Оппозиция «левое/правое», Советский Союз и искусство (зарубежное, советское, постсоветское) // *Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика* / Сост. и науч. ред. Т.А. Круглова. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2016. С. 23–44.
7. Зевелев А.Н. Истоки сталинизма. Лекция к курсу «Политическая история XX в.». М.: Высшая школа, 1990. 110 с.
8. Евчишин Г.В. Принципат Августа как политический режим в отечественной историографии. Влияние социально-политического заказа на результат исследования // *Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии*. 2019. № 11. С. 93–125.
9. Егоров А.Б. Культ личности и культ государства в религиозном почитании императоров I в. до н.э. // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2004. № 3. С. 277–284.
10. Лазарев С.А. Принципат Сталина // *Приоритетные направления устойчивого социально-экономического развития государств в условиях внешних рисков*. Международная научно-практическая конференция, г. Киров., 3 ноября 2022 г.: сборник материалов. Киров: Аверс, 2022. С. 118–126.
11. Майский И.М. *Люди. События. Факты*. М.: Наука, 1973. 216 с.
12. Максименков Л. *Очерки номенклатурной истории советской литературы*. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Ч. I // *Вопросы литературы*. 2004. № 2. С. 242–291.

13. Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Ч. II // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 274–342.
14. Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
15. Молдавский Д.М. В начале тридцатых. Л.: Советский писатель, 1984.
16. Московский дневник Ромена Роллана. Ч. 1 // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 190–246.
17. Московский дневник Ромена Роллана. Ч. 3 // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 151–192.
18. Никандров А.В. На пути к «биполярной системе цивилизаций»? // Философия политики и права. Ежегодник научных работ. Вып. 10. Мироустройство в XXI веке: порядок или хаос? / Под общ. ред. Е.Н. Моцелкова, науч. ред. А.В. Никандров. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2019. С. 87–120.
19. Никандров А.В. Несостоявшаяся *res publica restituta* 1948 г.: истоки изменения основного принципа государственного строя СССР в советском политическом дискурсе 30-х годов // Государство и право. 2019. № 2. С. 120–132.
20. Работяжев Н.В. Между традицией и утопией: левый консерватизм в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 114–130.
21. Скальная Ю.А. Конституция для «новой цивилизации»: проект советской Конституции 1936 г. в оценке Б. Шоу и супругов Уэбб // *Rossica*. Литературные связи и контакты. 2023. № 4. С. 99–114.
22. Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь: Северная корона, 2004. 678 с.
23. Туполева Л.Ф. Веббы и Россия // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 203–214.
24. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: ГИХЛ, 1937. 119 с.
25. Шабалин И.Д. Свидетель социализма. Раздумья о своей эпохе. М.: Фонд имени И.Д. Сытина, 1998. 400 с.
26. Шматов М.Ю. «Великое отступление» или «Великий маневр»: концепция Н.С. Тимашева и идеологические трансформации в СССР 1930-х гг. // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3. С. 169–184.
27. Timasheff N.S. *The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia*. N.Y., E.P. Dutton & Co, Inc., 1946. 486 p.

References

1. Asoian Iu.A. *Ischeznuvshaia tsivilizatsiia? Tsivilizatsionnye kategorii v sovetskom ideologicheskom diskurse 1920–1930-kh godov* // *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2012. № 4. S. 112–119.
2. Veбb S. i B. *Zakat kapitalizma*. M.: TsU VSNKh SSSR, 1925. 154 s.
3. Veбb S. i B. *Sovetskii kommunizm – novaia tsivilizatsiia? T. 1. Konstitutsiia*. M.: Gossotsekgiz, 1937. 448 s.
4. Veбb S. i B. *Sovetskii kommunizm – novaia tsivilizatsiia? T. 2. Sotsialnye tendentsii v sovetskom kommunizme*. M.: Gossotsekgiz, 1937. 591 s.
5. Gramshi A. *Iz khroniki «Ordine Nuovo»* // Gramshi A. *Iskusstvo i politika*. V 2 t. T. 2. M., 1991. S. 278–283.
6. Zaks L.A. *Oppozitsiia «levoe/pravoie», Sovetskii Soiuz i iskusstvo (zarubezhnoe, sovetskoe, postsovetskoe)* // *Politizatsiia polia iskusstva: istoricheskie versii, teoreticheskie podkhody, esteticheskaia spetsifika* / Sost. i nauch. red. T.A. Kruglova. Ekaterinburg: Gumanitarnyi un-t, 2016. S. 23–44.

7. Zevelev A.N. Istoki stalinizma. Lektsiia k kursu «Politicheskaiia istoriia XX veka». M.: Vysshaia shkola, 1990. 110 s.
8. Evchishin G.V. Printsipat Avgusta kak politicheskii rezhim v otechestvennoi istoriografii. Vliianie sotsialno-politicheskogo zakaza na rezultat issledovaniia // Novyi Germes. Vestnik antichnoi istorii, arkheologii i klassicheskoi filologii. 2019. № 11. S. 93–125.
9. Egorov A.B. Kult lichnosti i kult gosudarstva v religioznom pochitanii imperatorov I v. do n.e. // Mnemon. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira. 2004. № 3. S. 277–284.
10. Lazarev S.A. Printsipat Stalina // Prioritetnye napravleniia ustoichivogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia gosudarstv v usloviakh vneshnikh riskov. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia, g. Kirov. 3 noiabria 2022 g.: sbornik materialov. Kirov: Avers, 2022. S. 118–126.
11. Maiskii I.M. Liudi. Sobytiia. Fakty. M.: Nauka, 1973. 216 s.
12. Maksimenkov L. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoii literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Feikhtvanger i drugie). Ch. I // Voprosy literatury. 2004. № 2. S. 242–291.
13. Maksimenkov L. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoii literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Feikhtvanger i drugie). Ch. II // Voprosy literatury. 2004. № 3. S. 274–342.
14. Mezheritskii Ia.Iu. «Vosstanovlennaiia respublika» imperatora Avgusta. M.: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2016. 992 s.
15. Moldavskii D.M. V nachale tridtsatykh. L.: Sovetskii pisatel, 1984.
16. Moskovskii dnevnik Romena Rollana. Ch. 1 // Voprosy literatury. 1989. № 3. S. 190–246.
17. Moskovskii dnevnik Romena Rollana. Ch. 3 // Voprosy literatury. 1989. № 5. S. 151–192.
18. Nikandrov A.V. Na puti k «bipoliarnoi sisteme tsivilizatsii»? // Filosofiiia politiki i prava. Ezhegodnik nauchnykh rabot. Vyp. 10. Miroustroistvo v XXI veke: poriadok ili khaos? / Pod obshch. red. E.N. Moshchelkova, nauch. red. A.V. Nikandrov. M.: Izdatel A.V. Vorobev, 2019. S. 87–120.
19. Nikandrov A.V. Nesostoiavshaiasia res publica restituta 1948 g.: istoki izmeneniia osnovnogo printsipa gosudarstvennogo stroia SSSR v sovetskom politicheskom diskurse 30- kh godov // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 2. S. 120–132.
20. Rabotiazhev N.V. Mezhdru traditsiei i utopiei: levyi konservatizm v Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniia. 2014. № 4. S. 114–130.
21. Skalnaia Iu.A. Konstitutsiia dlia «novoii tsivilizatsii»: proekt sovetskoii Konstitutsii 1936 g. v otsenke B. Shou i suprugov Uebb // Rossica. Literaturnye sviazi i kontakty. 2023. № 4. S. 99–114.
22. Stalin I.V. Cochineniia. T. 17. Tver: Severnaia korona, 2004. 678 s.
23. Tupoleva L.F. Vebby i Rossiia // Rossiia i Evropa. Diplomatiia i kultura. M.: Nauka, 1995. S. 203–214.
24. Feikhtvanger L. Moskva 1937. Otchet o poezdke dlia moikh druzei. M.: GIKhL, 1937. 119 s.
25. Shabalin I.D. Svidetel sotsializma. Razdumia o svoei epokhe. M.: Fond imeni I.D. Sytina, 1998. 400 s.
26. Shmatov M.Iu. «Velikoe otstuplenie» ili «Velikii manevr»: kontseptsiiia N.S. Timasheva i ideologicheskie transformatsii v SSSR 1930- kh gg. // Idei i idealy. 2018. T. 2. № 3. S. 169–184.
27. Timasheff N.S. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. N.Y., E.P. Dutton & Co, Inc., 1946. 486 r.

Чэнь Чжиган, Чэнь Айжу

Современная цивилизация китайской нации в творческой трансформации традиционной культуры

Chen Zhigang, Chen Airu

Building a modern civilization of the Chinese nation in the creative transformation of traditional culture

Начиная с 18 съезда Коммунистической партии Китая (далее – КПК) генеральный секретарь Си Цзиньпин настаивает на соединении основных положений марксизма и китайской выдающейся традиционной культуры, продвигает творческую трансформацию и инновационное развитие выдающейся китайской традиционной культуры, определяя направление построения современной цивилизации китайской нации. Генеральный секретарь Си Цзиньпин глубоко понял выдающуюся преемственность китайской цивилизации и использует элементы традиционной культуры в развитии основных ценностей социализма. Он продвигает гуманистический дух, воплощенный в традиционной культуре, формируя духовное родословное древо китайских коммунистов, осознает единство китайской цивилизации, постоянно совершенствует систему социалистического государства с китайской спецификой, развивает потенциал партийных работников, продвигает миролюбивый и инклюзивный характер китайской цивилизации, проводит политику формирования Сообщества единой судьбы человечества, предлагает китайскую программу глобального управления.

Ключевые слова: выдающаяся китайская традиционная культура, культурное развитие, современная цивилизация китайской нации, китайский марксизм, Сообщество единой судьбы человечества.

Since the 18th National Congress of the CPC, General Secretary Xi Jinping has insisted on combining the basic tenets of Marxism and Chinese outstanding traditional culture, promoted the creative transformation and innovative development of outstanding Chinese traditional culture, and determined the direction of building the modern civilization of the Chinese nation. General Secretary Xi Jinping deeply understands the outstanding continuity of Chinese civilization, and uses elements of traditional culture to develop the core values of socialism. It promotes the humanistic spirit embodied in traditional cul-

ture, forming the spiritual family tree of Chinese communists, realizes the unity of Chinese civilization, constantly improves the socialist state system with Chinese characteristics, develops the potential of party workers, promotes the peaceful and inclusive character of Chinese civilization, and pursues the policy of building a Community of Shared Destiny humanity, proposes a Chinese global governance program.

Keywords: outstanding Chinese traditional culture, cultural development, modern civilization of the Chinese nation, Chinese Marxism, Community of the Shared Future of Mankind.

Начиная с 18 съезда КПК генеральный секретарь Си Цзиньпин продвигает новое направление построения современной цивилизации китайской нации, предполагающее творческую трансформацию и инновационное развитие выдающейся китайской традиционной культуры. В своих взглядах Си Цзиньпин, основываясь на глубоком понимании истории и высокой степени культурного самосознания народа, предложил соединить основные положения марксизма и выдающейся китайской традиционной культуры, в частности, касательно ценностей, гуманистического духа, государственного управления, концепции самосовершенствования и мировоззрения цивилизации. Генеральный секретарь КПК в полной мере усвоил суть идей китайской выдающейся традиционной культуры и выдвинул ряд новых идей, обозначив, что китайская культура должна играть важную роль в государственном управлении и выработке векторов будущего развития человеческой цивилизации в новой эпохе.

1. Глубоко понять непрерывность китайской цивилизации, осознать основные ценности китайской выдающейся традиционной культуры, включая человеколюбие, «народ как корень страны», искренность и доверие, защиту справедливости, создание гармоничного общества, создание Великого Единения, и постоянно подпитывать основные социалистические ценности.

Китайская цивилизация имеет преемственность на фундаментальном уровне и является единственной нацией-цивилизацией, которая исторически не прерывалась. Ценности, сформированные китайской нацией за долгую историю, по-прежнему имеют важное значение сегодня и являются «важным источником, питающим основные социалистические ценности» [3, с. 141]. Среди них стоит упомянуть следующие: гуманность, человеколюбие, признание народа как основы источника страны и государства, искренность и доверие, защита справедливости, создание гармоничного общества, создание Великого Единения.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил, что «основные ценности являются важным стабилизатором страны, представляя собой притягательную силу, определяющую социальную гармонию и стабильность, что в долгосрочной перспективе обусловит политическую стабильность» [3, с. 106]. Мы отстаиваем моральные нормы, основанные на великой практике социа-

лизма с китайской спецификой. Они не только полностью воплощают в себе наследие и квинтэссенцию выдающейся китайской традиционной культуры, но и идеалы революционных мучеников, возлагавших большие надежды на лучшую жизнь всех этнических групп. Это обеспечивает постоянный приток духовной мотивации и поддержание чувства морального долга.

С одной стороны, традиционные моральные нормы и ценности китайской нации имеют высокую степень соответствия основным социалистическим ценностям, являются их предпосылкой, плодотворной почвой для их развития. С другой стороны, традиционные моральные нормы и ценности не являются непосредственно ценностями социалистическими, между ними существуют значительные различия, и даже в некоторых отношениях они сильно отличаются друг от друга, поэтому простое перенесение традиционных моральных норм в современное общество невозможно.

Марксизм является ценностным эталоном, ориентируясь на который необходимо давать ответ на вызовы времени, творчески трансформируя и инновационно развивая традиционные моральные нормы и ценности, придавая им новый смысл. Например, в традиционной культуре большое внимание уделено обогащению людей, Гуань-цзы предложил формулировку: «Воплощая Путь-Дао управления государством, прежде всего надлежит обогатить людей», Мо-цзы выступил за «экономии на благо людей». В целом это относилось к развитию сельского хозяйства, но ограничивало торговлю, справедливость ставилась выше выгод, проявлялось стремление к уравнительности. Совместное богатство, за которое мы выступаем сейчас, это совместное богатство всего населения на основе высококачественного развития, которое поощряется на каждом его этапе.

В традиционной культуре идея о том, что основу общества составляет народ («народ – основа государства» и «народ значительнее правителя»), по сути, направлена на то, чтобы лучше реализовать господство имперской власти. Широкие массы людей оставались в положении эксплуатируемых и угнетаемых. Социалистическая демократия с китайской спецификой подразумевает народную власть во всем процессе, подчеркивает верховенство народа, народ является подлинным хозяином страны.

Хотя основные идеи управления в традиционной культуре также выступают за сочетание добродетели и верховенства закона, в целом можно говорить о примате морали перед наказанием. Построение социалистического правопорядка с китайской спецификой поддерживает руководство партии, органическое единство управления страной в соответствии с законом и управления народом как хозяином страны. Гармоничное мышление традиционной культуры подразумевает, что благородные люди, несмотря на противоречия во взглядах, находятся в согласии с другими. Гармоничное сосуществование фактически поддерживает гармонию иерархического порядка,

основанного на принципе «Три устоя и пять постоянств». Гармония социализма с китайской спецификой – это социальная гармония, основанная на равноправном сосуществовании народов всех национальностей.

На протяжении более чем ста лет основные принципы марксизма подняли простые идеи китайской традиционной культуры на высоту материалистической диалектики и предоставили китайскому народу мощное идеологическое оружие для понимания и преобразования мира. Сложилась гуманистическая традиция китайской цивилизации, выразившаяся в концепции «народ – основа государства», подчеркивающая роль народных масс в историческом развитии. Выросло значение мыслей «учение должно приносить пользу государству» и «учитывать как справедливости, так и выгоду», обеспечивая скоординированное развитие материальной и духовной культуры. Все это позволило китайской цивилизации стать промышленной цивилизацией и пойти по пути ускоренного развития.

2. Глубоко понять инновационный характер китайской цивилизации, продвигать гуманистический дух, воплощенный в выдающейся китайской традиционной культуре, формировать духовную родословную китайских коммунистов и повышать духовное состояние китайской нации

Дух является фундаментом культуры, ее самой устойчивой силой. За долгую историю китайская нация сформировала уникальный гуманистический дух. Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил: «Почему китайская нация может упорно выживать и непрерывно развиваться в течение тысячелетней истории? Одна из важных причин заключается в том, что у нашей нации есть неразрывно связанное духовное стремление, духовные качества и духовное мышление» [3, с. 119]. «Великий национальный дух, воспитанный, унаследованный и развитый китайским народом в длительной борьбе, включая великий творческий дух, дух великой борьбы, дух великой солидарности, дух великой мечты, «дал мощный духовный импульс развитию Китая и прогрессу человеческой цивилизации» [16, с. 2].

Среди перечисленного генеральным секретарем Си Цзиньпином на первом месте стоит великий творческий дух, что свидетельствует о выдающемся инновационном характере китайской цивилизации. «Инновационный дух является самым ярким даром китайской нации. За более чем 5 тысяч лет развития китайская нация создала высокоразвитую цивилизацию, наши предшественники изобрели бумагу, технику печати, порох, компас, достигли выдающихся результатов в различных областях, таких как астрономия, арифметика, медицина и агрономия, внесли бесчисленные научно-технические инновации в мир, оказали глубокое влияние на прогресс мировой цивилизации, что позволяло нашей стране быть одной из мировых держав на протяжении многих веков» [14, с. 3–4].

Однако в Новое время, под влиянием западной индустриальной цивилизации, «Китайская нация, создавшая блестящую цивилизацию, столкнулась с глубоким кризисом, поставившим ее под угрозу» [10, с. 62]. Лян Шумин отметил: «Китайская культура в династии Цин была окостеневшей и гнилой, содержание было очень неуместным, полностью была утрачена основная вера – дух человечества. Этикет стал жесткой оболочкой, твердой ложностью, неуверенностью в своем истинном духе» [7, с. 96]. Господин Сунь Ятсен также считал, что причина, по которой Китай из «мировой единой державы» превратился в «субколонию», заключалась в том, что мы потеряли национальный дух. Он писал: «У китайцев есть только семейные и клановые группы; нет национального духа. Следовательно, несмотря на то, что в одном Китае собрались четыреста миллионов человек, мы по сути являемся лишь слоем рыхлого песка». Поэтому господин Сунь Ятсен подчеркнул, «чтобы предотвратить эту опасность, мы должны продвигать национализм и использовать национальный дух для спасения страны» [27, с. 188–189].

Вопросом о том, как восстановить дух, как найти путь к возрождению китайской нации, задавались многие достойные люди, в период после Опиумной войны исследовавшие возможность использования зарубежного опыта в интересах отечества. Были предприняты несколько попыток: Реформа 1898 г., Движение за реформу 1898 г., Ихэтуаньское восстание до революции 1911 г., возглавляемой Сунь Ятсеном, но все они закончились неудачей и не смогли изменить трагическую судьбу китайского народа.

Залпы Октябрьской революции донесли до Китая идеи марксизма-ленинизма, передовые элементы Китая увидели луч надежды во мраке. Материальный дух, дух борьбы и революционный дух марксизма-ленинизма компенсируют недостатки традиционной китайской, которой не хватает жесткости, придает большое значение индивидуальному умственному развитию [28, с. 119], так что «...китайцы духовно переходят от пассивности к активности» [8, с. 15–16], от неполноценности к уверенности в себе. Сила истины марксизма активировала великий дух китайской нации, повернула вспять упадочную тенденцию новой истории и осуществила скачок духа китайской нации.

В великой практике и упорной борьбе за революцию, строительство и реформы китайские коммунисты, будучи опорой китайской нации, «придерживаются предназначения, придерживаются идеалов и убеждений, придерживаются своей первоначальной миссии, смело проводят самореволюцию в борьбе не на жизнь, а на смерть, подвергаются различным испытаниям. Даже если это требует больших усилий, они закаляют крепкий политический характер и формируют духовную родословную, основанную на принципах великого строительства партии» [10, с. 15].

Придерживаясь истины, придерживаясь идеала, осуществляя свое желание, взяв на себя миссию, не боясь жертв, придерживаясь ценностей героической борьбы, верности партии и непоколебимости перед народом в качестве основного содержания великого духа строительства партии, активисты не только реализовали в себе свойство и предназначение марксистской политической партии, ее идеалы и убеждения, но и глубоко прочувствовали выдающуюся традиционную культуру, значительно обогатив великий творческий дух китайской нации, великий дух борьбы, великий дух солидарности, дух великой мечты.

На протяжении более ста лет, питаясь духом великого партийного строительства, Коммунистическая партия Китая один за другим сформировала духовные памятники: в революции, строительстве и реформах, объединила и привела народ к созданию ряда чудес, совершила великий скачок, чтобы китайская нация отказалась от «шляпы больного человека Восточной Азии» и вновь заняла подобающее место в мире. В частности, великая практика реформ и открытости энергично продвигала дух перемен и открытости, который пронизывал китайскую цивилизацию в течение 5000 лет: «Тянь Синцзянь – благородный муж самосовершенствования, и Кун – благородный муж добродетели», сформировали «великий дух реформы и открытости, значительно обогативший содержание национального духа» [13, с. 14].

Великое дело требует великого духа, который ведет великое дело. Энгельс писал: «Партия непобедима, если она знает, куда вести дело, и не боится трудностей, и знает, как достичь цели, партия, которая действительно хочет этого и обладает необходимой для этого стойкостью» [9, с. 139]. На протяжении более чем ста лет Коммунистическая партия Китая энергично продвигала национальный патриотический, революционный дух и дух строительства партии в качестве источника, дух реформ и инноваций, подарив новое духовное лицо китайской нации, подняла духовное состояние китайской цивилизации и позволила китайской нации творить чудеса одно за другим. Это дало нам неисчерпаемый импульс для всестороннего продвижения великого возрождения китайской нации в новом путешествии и создало уверенность в победе над всеми рисками и вызовами.

3. Глубоко понять выдающееся единство китайской цивилизации, продвигать идеи и институциональную преемственность выдающейся китайской традиционной культуры, государственного управления, постоянно совершенствовать систему социалистического государства с китайской спецификой и систему государственного управления

Система есть сплоченность культуры. Китайская цивилизация имеет выдающуюся целостность. В долгосрочной практике не только доминирует идея единства, но и исследуется ряд институциональных механизмов для защиты централизованного единства. Выдающаяся китайская традици-

онная культура содержит богатую идеологию и мудрость государственного управления. «С древних времен постепенно сформировался целый ряд государственных систем и систем государственного управления, включая систему императорского дворца, систему графств и уездов, земельную систему, систему налогообложения, систему государственных экзаменов, систему ревизии, военную систему и другие системы, которые изучаются и имитируются соседними странами и народами» [21, с. 120]. Практика доказала, что выдающаяся целостность, которой обладает китайская цивилизация, содержит мудрость управления страной, играет важную роль в сохранении преемственности китайской цивилизации, а также дает нам ключ к пониманию механизмов управления страной сегодня.

Традиционный Китай, основанный на аграрной цивилизации, создал мощную централизованную систему, чтобы сконцентрировать людские, материальные и финансовые ресурсы на строительстве объектов водного хозяйства, на противостояние стихийным бедствиям и иностранному вторжению, а также сделал идею великого объединения магистральной. Концепция «великого единства» имеет долгую историю в китайской культурной традиции.

В течение тысячелетий в ходе долгосрочного развития китайской нации обмена и интеграция между различными культурами и этническими группами не только сформировали целостную плюралистическую структуру идентичности с конфуцианской культурой в качестве связующей, но и сделали ханьцев опорой китайского национального сообщества, сохранив при этом этническое многообразие при компактном проживании различных этнических групп. В частности, была проведена унификация письменности, построена система кантонов и уездов, а затем и система государственных экзаменов, что сыграло важную роль в создании культурной и национальной идентичности. «История Китая – это история китайской нации, объединенной в плюралистическое и единое сообщество, это история великой Родины, совместно созданной, развитой и консолидированной всеми нациями. В истории Китая все нации объединяются и сливаются, разнообразие переходит в единство. Все нации, вне зависимости от культуры, стремились к объединению из-за экономической взаимозависимости и внутренней движущей силы стремления китайской нации к сплочению и объединению» [19, с. 7].

«Исходя из этого понимания, народы всех национальностей рассматривают сохранение национального единства как священную миссию и обязанность, которые являются естественными и непреложными. Несмотря на то, что были расколы в некоторых исторических периодах, все равно объединение всегда было основным направлением, и независимо от продолжительности раскола и серьезности ситуации, общество в конечном итоге возвращалось к единству» [25]. Со времени новой истории, в великой борьбе за спасение нации от опасности, люди всех национальностей слились вме-

сте, их сердца собрались вместе, сознание сообщества беспрецедентно возросло, китайская нация осуществила великий переход от пассивности к сознательности. В испытании кровью и огнем люди всех национальностей глубоко осознали, что китайская нация – это сообщество судьбы. Только под руководством Коммунистической партии Китая все этнические группы будут иметь будущее и надежду на то, что их судьбы будут тесно связаны с судьбой китайской нации. История доказала, что идея великого объединения имеет большое значение для национального сплочения, политической стабильности и продолжения цивилизации.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил, что «национальные особенности каждого государства разнятся, существуют различия в истории и культуре, общественном строе, уровне социально-экономического развития» [21, с. 119]. «Уникальные культурные традиции, уникальная историческая судьба, уникальные национальные условия обрекают нас на то, что мы должны идти по пути развития, соответствующему нашим собственным особенностям» [22, с. 17].

После основания Нового Китая несколько поколений китайских коммунистов, руководствуясь идеями марксизма, опираясь на китайскую действительность, усвоили глубокие корни китайской культуры и, в частности, унаследовали давнюю традицию великого единства, непрерывно совершенствовали систему развития социалистического государства с китайской спецификой и систему государственного управления и реализовали управленческое китайское чудо.

Во-первых, партия продвигает мудрость управления страной по принципу: «шесть контрактных ветров и девять состояний могут быть выполнены», «ключ решения всех дел лежит в основном факторе» – постоянно совершенствовать систему всестороннего руководства партии, решительно защищать авторитет ЦК КПК, централизованное и единое руководство. Без коммунистической партии не было бы нового Китая, не было бы социализма с китайской спецификой, не было бы великого возрождения китайской нации.

Руководство КПК является самой важной особенностью социализма с китайской спецификой и самым большим преимуществом ее социалистической системы. С 18 съезда КПК на вопрос об ослаблении, виртуализации, размывании и маргинализации партийного руководства дан ответ об укреплении централизованного и единого руководства партии, что составляет общую политическую ответственность всей партии.

Мы постоянно совершенствуем систему всестороннего руководства, решительно защищаем Си Цзиньпина как центр руководства ЦК, авторитет ЦК партии, чтобы партия была единой в идеологии, политически сплоченной и более последовательной в своих действиях [21, с. 59]. Соблюдение «двух защит» – это не только отказ от идеи великого единства и традиционной

централизованной системы, но и реализация марксистского принципа строительства партии – демократического централизма – и обобщение успешного опыта столетней борьбы партии.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин четко артикулировал, что «история неоднократно доказывала, что единство партии – это жизнь партии, а сильное руководство ЦК партии – это фундаментальная гарантия того, что мы преодолеем все трудности и риски» [24]. Это также ключ к тому, чтобы наша партия смогла стать партией со столетней историей и создать великое дело века. Только настаивая на централизованном и едином руководстве партии, мы можем сосредоточить все наши силы на том, чтобы делать великие дела, делать трудные дела, а когда силы слабы в революционный период, мы можем даже слабыми силами победить сильных врагов.

В период социалистического строительства мы смогли создать независимую, относительно полную промышленную систему и систему народного хозяйства на основе бедности. В период реформ и открытости мы смогли творить чудеса быстрого экономического развития и долгосрочной социальной стабильности. В новой эпохе мы можем продвинуть дело партии и государства, чтобы добиться исторических успехов, осуществить исторические изменения и создать новые чудеса. Столетняя история партии дает нам важный урок в том, что решительная защита ЦК партии, основы всей партии, является ключом достижения консенсуса и решительного выбора в важный момент, а также важной гарантией единства и триумфа.

В настоящее время перед нами стоят важная задача реформирования, развития и стабильности, множество противоречий, вызовов и рисков, беспрецедентные испытания в управлении страной, мир переживает беспрецедентные за последние сто лет изменения. Чтобы правильно управлять нашей крупнейшей политической партией и страной с наибольшим населением в мире, осуществляя народную демократию во всем процессе, мы должны всегда обеспечивать сплочение и единство партии и глубоко понимать решающее значение «двух установлений», решительно использовать «две защиты».

Во-вторых, мы будем продвигать идеи традиционной культуры, такие как «мир принадлежит народу», «общая почва при сохранении различий» и так далее, постоянно совершенствовать систему многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством Коммунистической партии Китая. Когда-то мы копировали западную многопартийную систему, более 300 политических партий были созданы, но подавляющее большинство из них были недолговечными. «Различные политические силы соперничали друг с другом, и Китай, по-прежнему разделенный горами и реками, страдал от бедности населения и слабости, в то время как великие державы бесчинствовали на территории страны, и народ все еще жил

в страданиях и унижениях» [12]. Практика показала, что западная многопартийная или двухпартийная система не соответствует национальным особенностям Китая.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин четко указал, что система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК является великим творением КПК и китайского народа, представляет собой новый тип партийной системы, выросший на китайской почве. Эта система является широко представительной и всегда отражает коренные интересы подавляющего большинства населения, эффективно избегая недостатков старой партийной системы, представлявшей интересы меньшинства. Обладая научным механизмом демократического контроля, надзора и сотрудничества, способным сплотить политические партии и беспартийных деятелей для достижения общих целей, эффективно избегая недостатков отсутствия контроля со стороны одной партии или правления нескольких партий по принципу ротации и порочной конкуренции, демонстрируя значительные практические результаты, КПК может аккумулировать различные мнения и предложения посредством институциональных, процедурных и нормативных механизмов и содействовать научной демократизации процесса принятия решений, эффективно избегая недостатков старой партийной системы, которая ограничивается партийными, классовыми, региональными или другими групповыми интересами, которые приводят к социальному разрыву [23, с. 242].

В-третьих, мы должны придерживаться плюрализма, сплочения и взаимопомощи, формировать сознание сообщества китайской нации и постоянно совершенствовать систему национальной региональной автономии. С момента основания Нового Китая Коммунистическая партия Китая учитывает этническую неоднородность страны. Меньшинства, компактно проживая на определенной территории, тем не менее, руководствуясь марксистской национальной теорией, глубоко усвоили фундаментальные ценности сообщества китайской нации, которые в новой истории укрепились за счет совместного противостояния врагам. Была создана и усовершенствована система национальной региональной автономии в форме единой государственной структуры. В частности, со времени 18 съезда КПК ЦК партии во главе с товарищем Си Цзиньпином выдвинул важную концепцию формирования сознания сообщества китайской нации и «пяти идентичностей», сформировал важную идею укрепления и совершенствования национальной работы.

Генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивал, что необходимо постоянно углублять идентификацию населения всех национальностей с великой Родиной, китайской нацией, китайской культурой, Коммунистической партией Китая и социализмом с китайской спецификой, твердо утвердить концепцию сообщества судьбы, готовность делить радость и горе, славу и позор,

жизнь и смерть, стремление к общей судьбе. В этом реализуется не только общая идея великого единства традиционной культуры, но и обогащается и развивается национальная теория и национальная политика партии, обеспечивается фундаментальный принцип национальной работы в новой эпохе.

В то же время мы также опираемся на традиционную инспекционную систему, систему контроля, надзора и т.д., постоянно совершенствуем систему единого руководства партии и систему внутрипартийного контроля, постоянно совершенствуем механизм распределения и ограничения власти, решаем проблемы самоконтроля. В настоящее время социалистическая государственная система с китайской спецификой продемонстрировала значительные преимущества и внесла огромный вклад в политическую копилку человечества. Она жизнеспособна и эффективно работает именно потому, что выросла на общественной почве Китая и марксизма, не является «летающим песком», перенесенным волной вестернизации.

4. Глубоко разрабатывать концепцию самосовершенствования выдающейся китайской традиционной культуры, предоставлять членам партии и кадрам ресурсы для самосовершенствования в политике, постоянно продвигать самореволюцию и развивать «моральное учение» коммунистов.

Без добродетели государство не станет державой, человек не получит уважения в обществе. Китайская традиционная культура придает большое значение идеологическому и моральному строительству, содержит богатую концепцию самосовершенствования, ставит ценность «прославиться своими моральными качествами» выше, чем «иметь заслуги» и «основывать учение», подчеркивает «путь политика как благородного мужа, основанный на самосовершенствовании», на совершенствовании своих нравственных качеств. Политик должен прежде «привести в порядок собственный дом», а затем управлять государством, обеспечивать мир и покой на земле. Цянь Му обобщил суть китайской традиционной культуры следующим образом: «Научить людей быть хорошими людьми, т.е. быть высоконравственным человеком на Земле есть основной духовный смысл нашей культуры» [29, с. 40].

В одном из традиционных текстов «Лунь Юй» говорится о том, что достойно «прославиться своими моральными качествами, чтобы успокоить других, народ». В другом тексте, «Да-сюэ», в качестве жизненного руководства и высшего идеала речь идет о «совершенствовании своих нравственных качеств. Ван Ян-мин из династии Мин описал менталитет как «способ самопознания» и «совпадающее единство знания и действия». За тысячи лет выдающаяся китайская традиционная культура накопила глубокие мысли, произвела большой пласт духовной пищи для самосовершенствования и духовного роста.

Марксизм подчеркивает диалектику материи и духа, теории и практики, выступает за понимание согласованности изменений окружающей среды и человека, придает большое значение роли идеалов и убеждений, идеологического воспитания. Коммунистическая партия Китая придает большое значение укреплению партийности. В книге «О совершенствовании коммунистов» Лю Шаоци ясно подчеркнул, что в революционной борьбе коммунисты должны не только преобразовать мир и общество, но и постоянно преобразовывать себя. «Коммунисты должны взять на себя беспрецедентно большую ответственность по преобразованию мира, поэтому они должны уделять больше времени на закалку и подготовленность к революционной борьбе», «...добиваться в этой борьбе личностного роста, развития умений, навыков и способности к революции» [6, с. 4, 8].

На протяжении 40 лет реформ периода открытости, глубоких изменений в экономической системе, социальной структуре, происходила коррекция в структуре интересов, идеологии и концепциях социального порядка. Как установить социальный и моральный порядок, как найти свое место в бурно меняющемся обществе, как сохранить свою совесть в потоке материальных желаний? В поиске ответа на эти вопросы многие люди обратили свое внимание на традиционную культуру. Сокровищница китайской традиционной культуры стала основным источником для современных людей, давшим необходимое для коррекции своих отношений с другими, с миром. По сравнению с иностранными культурами нормы жизни, моральные ценности и культурная принадлежность традиционной культуры незаменимы в деле внутренней гармонии людей [30, с. 114–115].

На 18 съезде КПК генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил, что великие люди прошлого предпочитали «совершенствование своих нравственных качеств, приводить в порядок собственный дом, а затем управлять государством», причем «совершенствование своих нравственных качеств» стоит на первом месте. Мы, коммунисты, должны усилить самосовершенствование, самоограничение, самоформирование и стать примерами честности и бескорыстности [5, с. 145].

Предложенное Си Цзиньпином стратегическое мышление о всестороннем и строгом управлении партией и самореволюции является богатой духовной пищей китайской традиционной культуры. Например, он подчеркивал, что при выполнении любой работы или при возникновении трудностей необходимо прежде всего обеспечить высокий уровень дееспособности и качества членов партии, придерживаться того, чтобы руководители стали примерами для других. В этих словах воплощаются следующие мысли: «мудрые люди сами себе запрещают зло, а потом указывают на тех, кто себе этого не запретил», «за тем, кто справедлив, последуют и без приказа, а за тем, кто несправедлив, и по приказу не пойдут». Руководящие кадры

должны соблюдать мораль в политике – подчеркивал генеральный секретарь Си Цзиньпин. В этом мышлении воплощаются такие идеи, как «управлять страной на основе нравственных норм», «великодушно и терпимо относиться ко всему сущему, позволять каждому существу расти и развиваться», «трижды проверить (себя), внимательно анализировать свои действия», «с благодарностью принимать критику».

Тот переосмысливает свои поступки, кто трезво мыслит. Тот может победить, кто силен. Предлагая самореволюцию, постоянно усиливая способность партии к самоочищению, самосовершенствованию и самообновлению, ее лидеры продвигают ценности развития и материализации таких мыслей, как «человек должен ежедневно стремиться к прогрессу, чтобы ощущать законы природы и синхронизироваться с природой неба и земли», «единожды добившись обновления, делай это ежедневно, и так изо дня в день».

Кроме того, по вопросу о совершенствовании членов партии генеральный секретарь Си Цзиньпин также опирался на «учение о духовной эволюции Янмина» и выдвинул новую концепцию – «учение о духовной эволюции» коммунистов. Он ясно объяснил, что «воспитание совершенствования членов партии является обязательным курсом для коммунистов», «учением о духовной эволюции» [17, с. 17].

Однако, в отличие от идеалистического понимания истории Ван Янмина, учение о духовной эволюции коммунистов обогатено марксизмом. Если в основе первого заложены правила природы и совесть на уровне личности, то в основе последнего лежит великая истина неизбежной победы коммунизма, основанная на объективных законах исторического развития. Это идеологическая основа для обеспечения того, чтобы партия никогда не деградировала. «Твердые идеалы и убеждения, приверженность духовному стремлению коммунистов всегда были основой жизни коммунистов. Вера в марксизм, вера в социализм и коммунизм – это политическая душа коммунистов, их духовная опора, позволяющая выдержать любые испытания» [5, с. 137].

Что касается практических требований, то единство знаний и практики, пропагандируемое учением о духовной эволюции Янмина – это в основном практика на моральном уровне, а единство знаний и практики, пропагандируемое учением о духовной эволюции коммунистов, требует не только понимания силы добродетели, соблюдения общественной и личной морали, но и того, чтобы члены партии и кадры действительно превратили идеалы и убеждения в практические действия по всестороннему продвижению китайской модернизации. В целом генеральный секретарь Си Цзиньпин подчеркивал, что члены партии и кадры сегодня не забывают о своем источнике, помнят о своей миссии, настаивают на лояльности, ответственности и миссии, воплощении фундаментальных требований учения о духовной эволюции коммунистов.

Что касается методов самосовершенствования, то генеральный секретарь Си Цзиньпин неоднократно приводил классические цитаты из выдающейся китайской традиционной культуры, такие как: «Единожды добившись обновления, делай это ежедневно, изо дня в день», «Я возьму от мудреца все доброе и буду следовать ему, а все недоброе я исправлю!», «Люди должны стремиться к добрым поступкам и быть против плохих» и т.д., подчеркивал, что члены партии и кадры «должны помнить древнюю присказку о муравьиной норе, которая хоть и мала, но может разрушить тысячелетнюю дамбу. Необходимо самосовершенствоваться в мелочах, понемногу, но постоянно, быть честными, постараться изо дня в день, постоянно сохранять истинный характер слуг народа» [5, с. 173].

5. Продвигать и обогащать инклюзивность и мирный характер китайской цивилизации, активно продвигать формирование Сообщества единой судьбы человечества, привносить китайскую мудрость, китайский вариант и китайскую силу для решения стоящих перед человечеством общих проблем

Китайская цивилизация обладает подчеркнуто миролюбивым характером, содержит уникальное мировоззрение, поддерживает лозунг «Все люди – братья!» и стремится к установлению дружественных добрососедских отношений, гармоничному управлению страной, сохранению различий по принципу «Поднебесная принадлежит всем. Китайская цивилизация придерживается принципа дружить с добродетельными людьми, любезно относиться к соседям, гармонизировать десять тысяч соседних стран» [26, с. 9]. На протяжении тысячелетий концепция мира была глубоко интегрирована в кровь китайской нации и выгравирована в генах китайского народа. Несмотря на то, что Китай долгое время был мировым лидером, он никогда не нарушал границ и не начинал войну, даже когда страна была сильной настолько, что доля ее ВВП составляла до 30 процентов от мирового.

Китайская цивилизация обладает подчеркнутой инклюзивностью. Китайская цивилизация – это цивилизация, возникшая не только в результате культурных обменов и взаимного обучения между различными этническими группами Китая, но и в результате постоянного обмена и взаимного обучения с другими цивилизациями. С тех пор как Чжан Цянь из династии Западных Хань совершил путешествие на Запад, в истории Китая всегда доминировала точка зрения на развитие цивилизованных обменов и взаимное обучение на основе принципа верности традициям и открытости инновациям. Генеральный секретарь Си Цзиньпин подтвердил преемственность этого принципа для китайской нации.

Развитие китайской цивилизации до сих пор никогда не прерывалось, никогда не было эксклюзивным, но непрерывно развивалось в инклюзивности. Благодаря обменов на древнем Шелковом пути, древнегреческая

цивилизация, древнеримская цивилизация, средиземноморская цивилизация, а также буддизм, ислам и христианство вошли в Китай, объединились с китайской цивилизацией, чтобы жить в симбиозе и адаптироваться без столкновения цивилизаций и религиозных войн [1].

В новой истории в Китае различные западные идеи начали непрерывно пропагандироваться, особенно марксизм, который «вызвал глубокие изменения в китайской цивилизации» [18, с. 9], осуществил реконструкцию и возрождение китайской цивилизации. Политика всестороннего открытия для внешнего мира после реформы дает китайской цивилизации больше возможностей для широкого поглощения выдающихся достижений человеческой цивилизации и ее омоложения, новой жизненной силы в изучении и адаптации опыта других стран.

Со времени 18 съезда КПК ЦК партии под руководством товарища Си Цзиньпина была осознана глобальная проблема дефицита в мире: дефицита развития, дефицита безопасности и дефицита управления. В результате была выдвинута концепция Сообщества единой судьбы человечества, предложено направление для мира, стоящего на историческом перекрестке. В эпоху многополярности мира, экономической глобализации, социальной информатизации и культурного многообразия у человечества есть только одна планета, и все страны сосуществуют в одном мире. Международное сообщество все чаще становится тесно связанным «сообществом судеб». Перед лицом глобальных проблем ни одна страна не может развиваться автономно, и судьбы всех стран мира все более становятся связанными и в радости, и в печали.

Коммунистическая партия Китая активно содействует формированию Сообщества единой судьбы человечества, «придерживаясь концепции цивилизации равенства, взаимного обучения, диалога и инклюзивности, с широким кругозором понимает ценности содержания различных цивилизаций, с уважением относится к поиску народами разных стран собственного пути развития, с помощью обменов преодолевает барьеры между цивилизациями, взаимодействием преодолевает столкновение цивилизаций, сосуществованием преодолевает превосходство цивилизаций, продвигая общие ценности всего человечества, воплощенные в китайской цивилизации» [20]. Для этого КПК привносит китайскую мудрость, китайский вариант и китайскую силу для решения общих проблем человечества.

История показывает, что «процветание цивилизации и прогресс человечества не могли бы произойти без «общей почвы при сохранении различий», без духа открытости и инклюзивности, не было бы цивилизованного обмена и взаимного обучения. История призывает к тому, чтобы человеческая цивилизация была единой, и различные цивилизации должны жить в гармонии и симбиозе, дополнять друг друга и совместно обеспечивать духовную силу для развития человечества» [11, с. 6]. Концепция Сообщества

единой судьбы человечества, стоящая на высоте исторического развития человечества, имея ценностной ориентацией благосостояние человечества, выходит за рамки национально-государственного централизма и западного центризма. Она является творческим развитием марксистской теории мировой истории и идеи сообщества, а также идеи формирования мира Датун, принципа «страна всеобщей гармонии», достижений выдающейся китайской традиционной культуры.

Все это является китайской мудростью и китайским вариантом для решения стоящих перед человечеством общих проблем. «Строительство Сообщества единой судьбы человечества – это не замена одной системы другой или замена одной цивилизации другой, скорее, это симбиоз интересов, разделение прав и обязанностей, поиск наибольшего общего знаменателя для взаимовыгодного сосуществования и совместного процветания в международных делах для стран с разными социальными системами, разными идеологиями, разными историями и культурами, а также разными уровнями развития» [15, с. 6]. Содействие формированию Сообщества единой судьбы человечества – это обобщение законов развития человеческой цивилизации, новый вклад китайской цивилизации в развитие человеческой цивилизации.

Выдающаяся китайская традиционная культура обширна и глубока, она является кристаллом мудрости и сущностью китайской цивилизации, корнем и душой китайской нации, на которых мы закрепились в волнениях мировой культуры, она есть наше уникальное преимущество. Подчеркивая сочетание основных принципов марксизма с выдающейся китайской традиционной культурой, можно сказать, что «это глубокое обобщение нашей партией исторического опыта локализации, глубокое понимание законов развития китайской цивилизации, демонстрация того, что наша партия достигла новой высоты в понимании китайского пути, теории и системы, демонстрация того, что наша партия достигла новой высоты в своей исторической уверенности и культурной уверенности в себе, а также осознанность нашей партии в продвижении культурных инноваций в наследовании выдающейся китайской традиционной культуры» [2].

Однако акцент на «втором сочетании» не означает склонности к ретроградству. Новая история доказывает, что без марксистского руководства заниматься так называемым «культурным ретро» ошибочно. Традиционная китайская имеет особенности, которые могут быть научно идентифицированы только с помощью марксистских позиций и методов. Только путем содействия творческой трансформации и инновационному развитию традиционной культуры, адаптации самых основных культурных генов китайской нации к современной культуре, координации с современным обществом, продвижения культурного духа, который пересекает время и пространство, выходит за рамки национальных границ, обладает вечным очарованием

и имеет современные ценности, и усилий по созданию современной цивилизации китайской нации, мы сможем прийти к новому развитию человеческой цивилизации. Иными словами, процесс объединения основных принципов марксизма с выдающейся китайской традиционной культурой – это, по сути, процесс раскопок, продвижения и сублимации выдающихся частей китайской культуры и китайского духа, процесс строительства культурной субъектности. Именно в этом смысле идея социализма с китайской спецификой в новую эпоху Си Цзиньпина является самым ценным в современной китайской культуре, новой высотой развития китайской мысли.

Чэнь Чжиган – заместитель директора, главный научный сотрудник Академии марксизма Китайской академии общественных наук.

Chen Zhigang – Deputy Chief, Chief research fellow, Academy of Marxism, Chinese Academy of Social Sciences.

Чэнь Айжу – главный научный сотрудник Академии марксизма Китайской академии общественных наук.

Chen Airu – Chief research fellow, Academy of Marxism, Chinese Academy of Social Sciences.

chenar@cass.org.cn

Список литературы

1. Беседа Си Цзиньпина с президентом Греции Павлопулосом // Жэньминь жибао от 15.05.2019. (На кит. яз.).
2. Возьмите на себя новую культурную миссию и постарайтесь построить современную цивилизацию китайской нации // Жэньминь жибао от 03.06.2023. (На кит. яз.).
3. Выдержки из дискурса о строительстве социалистической культуры Си Цзиньпина. Пекин: Центральное литературное изд-во, 2017. (На кит. яз.).
4. Избранные статьи из выступлений Си Цзиньпина о стиле партийной работы и борьбе с коррупцией. Пекин: Пекинское изд-во Фанцизн, Центральное литературное изд-во, 2015. (На кит. яз.).
5. Избранные статьи из выступлений Си Цзиньпина «Не забывайте о своем источнике, помните миссию». Пекин: Изд-во партийного строительства, Центральное литературное изд-во, 2019. (На кит. яз.).
6. Лю Шаоци. О совершенствовании коммунистов. Пекин: Народное изд-во, 2018. (На кит. яз.).
7. Лян Шумин. Полное собрание сочинений. Т. 2. Цзинань: Народное изд-во Шаньдун, 2005. (На кит. яз.).
8. Мао Цзедун. Избранные произведения. Пекин: Народное изд-во, 1991. (На кит. яз.).
9. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 39. Пекин: Народное изд-во, 1974. (На кит. яз.).
10. Резолюция ЦК КПК о значительных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии. Пекин: Народное изд-во, 2021. (На кит. яз.).
11. Си Цзиньпин. Вместе строить лучший мир – основная речь на диалоге высокого уровня между Коммунистической партией Китая и мировыми политическими партиями. Пекин: Народное изд-во, 2017. (На кит. яз.).

12. Си Цзиньпин. Возьмите историю как урок, создайте будущее, упорно трудитесь, смело продвигайтесь вперед // Поиск истины. 2022. № 1. (На кит. яз.).
13. Си Цзиньпин. Выступление в честь 40-летия политики реформ и открытости в Китае. Пекин: Народное изд-во, 2018. (На кит. яз.).
14. Си Цзиньпин. Выступление на 17-м съезде академиков Китайской академии наук, 12-м конгрессе академиков Китайской инженерной академии. Пекин: Народное изд-во, 2014. (На кит. яз.).
15. Си Цзиньпин. Выступление на конференции, посвященной 50-летию восстановления законного места Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. Пекин: Народное изд-во, 2021. (На кит. яз.).
16. Си Цзиньпин. Выступление на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва. Пекин: Народное изд-во, 2018. (На кит. яз.).
17. Си Цзиньпин. Выступление на рабочей конференции Всекитайской партийной школы. Пекин: Народное изд-во, 2016. (На кит. яз.).
18. Си Цзиньпин. Выступление на симпозиуме по философии и общественным наукам. Пекин: Народное изд-во, 2016. (На кит. яз.).
19. Си Цзиньпин. Выступление слета передовиков по национальному сплочению и прогрессу. Пекин: Народное изд-во, 2019. (На кит. яз.).
20. Си Цзиньпин. Направить изучение истории китайской цивилизации на дальнейшее укрепление исторического сознания и твердой культурной уверенности в себе // Поиск истины. 2022. № 14. (На кит. яз.).
21. Си Цзиньпин. О государственном управлении. Т. 4. Пекин: Изд-во во иностранных языков, 2022. (На кит. яз.).
22. Си Цзиньпин. О пропагандистской и идеологической работе партии. Пекин: Центральное литературное изд-во, 2020. (На кит. яз.).
23. Си Цзиньпин. Об отстаивании руководства партии во всей работе. Пекин: Центральное литературное изд-во, 2019. (На кит. яз.).
24. Си Цзиньпин. Самореволюция партии как способ выхода из исторического цикла // Поиск истины. 2023. № 3. (На кит. яз.).
25. Си Цзиньпин. Руководители-кадры должны знать историю – речь на церемонии открытия осеннего семестра 2011 г. в Центральной партийной школе // Исследование партийного строительства. 2011. № 10. (На кит. яз.).
26. Си Цзиньпин. Углубление обменов и взаимного обучения между различными цивилизациями и совместное создание азиатского Сообщества единой судьбы. Выступление на церемонии открытия в Пекине Конференции по диалогу между цивилизациями Азии. Пекин: Народное изд-во, 2019. (На кит. яз.).
27. Сунь Ятсен. Полное собрание сочинений. Т. 9. Пекин: Китайское книжное бюро, 1986. (На кит. яз.).
28. У Синвэй. Реконструкция цивилизации: марксизм и Китай, Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 2017. (На кит. яз.).
29. Цянь Му. Десять теорий человеческой жизни. Гуйлинь: Изд-во Гуансиского педагогического университета, 2004. (На кит. яз.).
30. Чэньлай. Основные ценности китайской цивилизации: динамика национальной культуры и традиционные ценности. Пекин: Книжный магазин Sanlian, 2015. (На кит. яз.).

Чжан Сяопин, Чэнь Айжу

Реализация инициативы «Один пояс – один путь» как способ взаимного мирного познания цивилизаций

Zhang Xiaoping, Chen Airu

“One Belt, one Road” initiative as a way to the mutual peaceful civilization perception

Инициатива «Один пояс – Один путь» в новой эпохе – это не только взаимовыгодный способ содействия мировому экономическому сотрудничеству, но и мирный путь к взаимопониманию и обмену между цивилизациями. Участие в строительстве проекта помогает участникам международного процесса осознать цивилизационные различия между ними и выстраивать свое поведение с пониманием глобальной точки зрения. Таким образом, этот вопрос представляет не только теоретическую значимость для развития человеческой цивилизации, но важен и с практической точки зрения. Новая концепция цивилизации, предложенная Китаем, с ее огромной энергией активно способствует новому направлению развития человеческой цивилизации.

Ключевые слова: Один пояс – один путь, цивилизация, культурное взаимодействие, человечество, глобальное развитие, альтернативный проект глобализации.

The Belt and Road Initiative in the new era is not only a mutually beneficial way to promote global economic cooperation, but also a peaceful path to mutual understanding and exchange among civilizations. Participation in the construction of the project helps participants in the international process to understand the civilizational differences between them and build their behavior with an understanding of the global point of view. Thus, this issue is not only of theoretical significance for the development of human civilization, but also from a practical point of view. The new concept of civilization proposed by China, with its enormous energy, is actively promoting a new direction for the development of human civilization.

Keywords: One Belt – One Road, Civilization, Cultural interaction, Humanity, Global development, Alternative globalization project.

Инициатива КНР «Один пояс – один путь» (далее – ОПОП) направлена на позитивные изменения во всем мире. Посредством этой инициативы Китай не только заявляет на международной арене о своей всеобъемлющей стратегии открытости в новую эпоху, но и претендует на то, чтобы стать влиятельной силой в формировании и управлении тенденциями мирового развития. Кроме того, строительство ОПОП неизбежно ведет к интенсификации диалога культур и, таким образом, служит великому делу практической реализации идеи Сообщества единой судьбы человечества.

Новая концепция цивилизации и новое направление развития человеческой цивилизации

Инициатива ОПОП, наследуя традиции Великого шелкового пути, развивает международную коммуникацию на принципах мирного сотрудничества, открытости и инклюзивности, взаимного обучения, взаимной выгоды и выигрыша, что находит отражение в новой концепции цивилизованного обмена и взаимного обучения.

В ходе исторического процесса формирования различных цивилизаций, таких как китайская, египетская, вавилонская, индийская, персидская, арабская, еврейская, греко-римская, неизбежно связано с функционированием крупных торговых потоков. В ходе долгой исторической эволюции в этих цивилизациях развивались различные религии, такие как буддизм, индуизм, ислам, православие, католицизм, иудаизм, а также уникальные культуры различных национальностей, в результате чего человечество пришло к современному весьма разнообразному и многоуровневому облику человеческих сообществ. В связи с этим в рамках инициативы ОПОП вопрос преодоления культурных различий и эффективности взаимодействия локальных цивилизаций в глобальном масштабе, их общечеловеческого со-развития, оказывается одним из центральных как в теоретической, так и в практической плоскостях.

В начале 1990-х гг. американский ученый С. Хантингтон выдвинул концепцию столкновения цивилизаций, отражающую общее видение мира сторонниками западоцентризма. Согласно этой точке зрения, после окончания холодной войны основные конфликты в глобальной политике будут происходить между государствами и группами, представляющими различные цивилизации, и что такое противостояние станет доминирующим трендом глобальной политики. Столкновение семи существующих на сегодняшний день цивилизаций является самой большой угрозой будущему миру, причем исламские и конфуцианские цивилизации могут совместно угрожать или бросать вызов западной цивилизации [6]. Концепция столкновения цивилизаций получила широкое распространение, является хорошо известной,

но вместе с тем она подверглась жесткой критике во всем мире, особенно в незападных странах и регионах, и потому не является основным направлением развития мировой культуры.

В начале XXI в. концепция диалога цивилизаций постепенно приобретает характер глобального консенсуса, принимаются значимые международные документы. Таковым, например, явилась резолюция Генеральной ассамблеи ООН о провозглашении 2001 г. годом диалога между цивилизациями. Также была принята соответствующая Декларация, в которой подчеркивается необходимость того, чтобы все цивилизации прославляли единство и многообразие человечества, обогащали и развивали себя посредством межкультурного диалога. В документах было обозначено, что, несмотря на препятствия, такие как нетерпимость и агрессия, между цивилизациями всегда происходили конструктивные обмены, и что достижения цивилизаций составляют коллективное наследие человечества. Диалог между цивилизациями вносит ценный вклад в углубление понимания и формирование общих ценностей для всего человечества [1].

В 2013 г. Китай выдвинул инициативу ОПОП, развивая тем самым концепцию диалога цивилизаций и поддерживая дух «мирного сотрудничества, открытости и инклюзивности, взаимного обучения, взаимной выгоды и обоюдного выигрыша». В рамках инициативы была предложена новая концепция «цивилизованного обмена и взаимного обучения». В марте 2014 г. в штабе-квартире ЮНЕСКО Си Цзинпин выступил с докладом, в котором отметил необходимость междивизиационных обменов и взаимного обучения с учетом многообразия цивилизаций и с соблюдением принципа равенства участников диалога. Обмен и взаимное обучение обогащают цивилизации и делают их более красочными, являются движущей силой общественно-исторического развития, способствуя прогрессу человеческой цивилизации, а также миру и развитию во всем мире [4]. Эта новая концепция цивилизации получила широкое признание в большинстве стран мира.

Инициатива ОПОП предполагает участие различных регионов и культур. В своей основе она несет не столкновение цивилизаций, а обмен и взаимное обучение. На глобальном уровне 193 государства – члена ООН единогласно согласились включить инициативу ОПОП в резолюцию, принятую на 71 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 2016 г. [5]. Это отражает всеобщую поддержку международным сообществом концепции новой цивилизации, заложенной в идее ОПОП. Многообразие является основной характеристикой мира, без него не существовала бы человеческая цивилизация.

Китай выступает за цивилизационное многообразие, а также за взаимное уважение, расширение международных контактов, взаимное обучение и гармоничное сосуществование различных цивилизаций. Китай выступает против любых форм «схватки цивилизаций», «столкновения цивилизаций»,

или «цивилизационной холодной войны», считает недопустимым «цивилизационные предубеждения», стремится к тому, чтобы все страны преодолели восприятие международных отношений как игры с нулевой суммой, отвергли идеологические предрассудки и приняли концепцию формирования Сообщества единой судьбы человечества и взаимовыгодного сотрудничества, предполагающую уважение суверенных моделей развития и путей их реализации. Многообразие цивилизаций мира является неисчерпаемой движущей силой прогресса человеческого общества, образно выражаясь, наполняет новыми цветами сад человеческой цивилизации. Практическое использование платформы ОПОП, этой новой концепции цивилизации, предложенной Китаем, с ее огромной энергией открывает новое направление развития человеческой цивилизации.

Распространение китайской культуры за рубежом и расширение ее международного влияния

Инициатива ОПОП выражает уникальный дух китайской культуры, эффективно содействует международным обменам и распространению китайской культуры. Строительство ОПОП несет важную миссию культурного обмена, демонстрирует уникальное очарование китайской культуры, расширяет международное влияние китайской культуры, способствуя ее распространению за рубежом. В качестве основного содержания строительства ОПОП выступает политическая коммуникация, связь объектов, бесперебойная торговля, инвестиции, взаимопонимание народов, совместное строительство «пяти опор», взаимно связанных друг с другом и подчеркивающих дух китайской культуры. К таким опорам, прежде всего, относится принцип свободы самореализации человека, подразумевающий, что «каждый станет тем, кем хотел, добьется того, к чему стремился». Кроме того, китайская культура рассматривает человека и социум как единство взаимности и общности. Включение принципов «повысить моральный уровень других» и «воспитать других, чтобы они стали выдающимися людьми» начинается с того, что сначала необходимо «повысить свой моральный уровень» и «воспитать себя, чтобы стать выдающимся человеком».

Этот пример показывает, что для китайской культуры свойственна такая априорная характеристика, как стремление к обоюдному выигрышу, совместному использованию и совместному строительству. ОПОП позволяет воплотить этот культурный дух на государственном уровне. Основываясь на этом культурном духе, при строительстве ОПОП разные страны могут углубить связи друг с другом, координируя свои действия, не только защищать свои национальные интересы, но и стремиться к достижению «гармонизации особенностей каждой из сторон во имя великой гармонии всего мира».

Третьей опорой следует определить принцип «гармонии со средой без отождествления с ней». Китайская культура выступает за гармоничное единство, взаимное уважение и терпимость к различиям и независимости. Китайская культура признает разнообразие цивилизаций, сама содержит в себе цивилизационную неоднородность и способствует взаимному восхищению и гармоничному сосуществованию различных цивилизаций, что имеет большое значение в современном мире. Этот принцип учит искать точки соприкосновения между стратегиями развития всех стран и реализовывать их при строительстве ОПОП, обеспечивая необходимое для эффективного сотрудничества взаимопроникновение культур и совместную реализацию поставленных целей.

Четвертую опору следует выразить следующим образом: «постигший истину, способен делать добро и для людей». Китайская культура рассматривает благо для всего мира и мир во всем мире как высшую цель, как стремление к добродетели. Это стремление, несомненно, выходит за рамки национальных ограничений и региональных барьеров и в определенной степени отражает ценностную ориентацию концепции Сообщества единой судьбы человечества, целью которого в конечном итоге является забота о благополучии человечества. Строительство ОПОП – это позитивная практика, в рамках которой китайская нация берет на себя ответственность. Китай органично сочетает свои собственные интересы с общими интересами всех стран, совместно формируя Сообщество единой судьбы человечества.

Пятая опора определяет, что дух морали и справедливости важнее пользы. В строительстве ОПОП Китай именно придерживается этого принципа, действуя исходя не только из сиюминутной выгоды, но и уделяя значительное внимание справедливости, соблюдению договоренностей. Для политики Китая приоритетной является дружба и следование этическим законам, отступление от которых во имя выгоды неприемлемо. При рассмотрении своих национальных интересов и национальных интересов других стран, включенных в реализацию инициативы ОПОП, Китай не только должен придерживаться четких критериев определения правды и неправды, но и находить общие точки соприкосновения интересов, практиковать ценности, основанные на том, что справедливость является приоритетной. Необходимо уделять больше внимания интересам партнеров, никогда нельзя вредить другим, заниматься подрывной деятельностью в отношении соседей или каким-либо еще образом наносить ущерб интересам других ради собственной выгоды. Председатель Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал, что в международных отношениях необходимо придерживаться правильного подхода к выгоде и справедливости. «Интерес государства заключается не в получении выгоды, а в выполнении долга», поэтому КНР преследует гармоничное единство морали и справедливости мира и великое благо мира.

Для проекта ОПОП характерна практическая ориентированность. Должны быть созданы различные платформы для культурных обменов и распространения культуры за рубежом, необходимо формировать благоприятную атмосферу культурных обменов и сотрудничества и эффективно содействовать международным обменам и распространению китайской культуры. В настоящее время эти платформы начинают приносить свои плоды.

Китайское правительство подписало межправительственные соглашения о сотрудничестве в области культурных обменов с более чем 60 странами, расположенными вдоль ОПОП, и реализовало полный охват в рамках программного документа для культурных обменов со странами, расположенными вдоль ОПОП. К 2017 г. в этих странах были созданы 11 китайских культурных центров, а в 2020 г. еще 13. Эти центры работают в качестве своеобразных «окон», через которые можно познакомиться с реальным положением дел в Китае, изучить китайскую культуру через которые ведется постоянный обмен идеями и концепциями. Работа проходит в формате «Международного театрального союза Шелкового пути», «Международного библиотечного союза Шелкового пути», «Международного союза музеев Шелкового пути», «Международного союза художественных галерей Шелкового пути» и «Союза международных фестивалей Шелкового пути» [3].

В целях улучшения понимания китайского языка и культуры во всех странах мира, к концу 2017 г. в 146 странах было создано 525 институтов Конфуция и 1113 классов Конфуция, что в основном обеспечило полный охват стран – участниц инициативы ОПОП. Ежегодно Китай предоставляет 10 тысяч правительственных стипендий странам, включенным в ОПОП. В 2017 г. число иностранных студентов из стран-участниц инициативы ОПОП в Китае достигло 317,2 тыс. [7]. Для эффективного продвижения академических обменов научно-исследовательские учреждения и вузы Китая уже создали более 300 научных кафедр. Более 50 известных зарубежных аналитических центров приняли участие в исследованиях ОПОП, а аналитические центры стран Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, Европы и США организовали исследовательские группы и провели специальные исследования ОПОП [3]. Строительство этих платформ сыграло огромную роль в обмене и распространении китайской культуры за рубежом и привело к положительным практическим результатам, тем самым расширив глобальное влияние китайской культуры.

За более чем 10 лет совместного строительства ОПОП сеть сотрудничества ОПОП расширилась от азиатско-европейского континента до Африки и Латинской Америки. Более 150 стран, более 30 международных организаций подписали с Китаем соглашения о сотрудничестве в рамках ОПОП, открыв для Китая и всего мира возможности взаимовыгодного развития, что является важной вехой в истории человечества.

18 октября 2023 г. в Пекине состоялся третий саммит международного сотрудничества ОПОП. На открытии саммита председатель КНР Си Цзиньпин рассказал о восьми направлениях деятельности Китая по поддержке высококачественного совместного строительства ОПОП. Он подчеркнул важность углубления взаимосвязей, расширения и углубления внешней открытости, проведения практического сотрудничества, продвижения экологического и научно-технического инновационного развития, поддержки обменов между людьми, создания антикоррупционных механизмов, усовершенствования международных механизмов сотрудничества с тем, чтобы инициатива ОПОП приносила пользу большему числу стран и народов.

Китайское правительство будет и далее стремиться к поиску компромиссов и к достижению консенсуса, продвигая совместное строительство ОПОП, выводя проект на новый этап развития. Тем самым оно вносит большой вклад в содействие международному сотрудничеству, глобальному экономическому росту, ускорению реализации Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 г. Китай стремится совместно со всеми странами показывать светлое будущее мира, развития, сотрудничества и взаимовыгодных отношений.

Построение нового международного культурного порядка, эффективное противодействие западной культурной гегемонии

Строительство ОПОП отражает принципы совместного обсуждения, совместного строительства, совместного использования и совместного развития с целью взаимовыгодного сотрудничества, нарушает старый международный культурный порядок западной гегемонии и способствует достижению нового международного культурного порядка.

Международный культурный порядок – это международные культурные отношения, сформированные международными культурными субъектами на основе реального распределения культурных интересов и стремления к идеальным культурным интересам в соответствии с установленными системами, нормами, правилами и механизмами. Мировая культурная архитектура показывает соотношение основных культурных сил международного сообщества. Строительство ОПОП подчеркивает принцип совместного обсуждения, совместного строительства и использования, суть концепции – совместное развитие, а ее цель – сотрудничество и беспроблемная ситуация. Это привело к значительным изменениям в международной культурной архитектуре и способствовало изменению культурного порядка со старого на новый.

Старый международный культурный порядок формировался с начала XX в., с первой волной экономической глобализации, направленной с Запада на Восток, когда развитые западные страны, в особенности Соединенные

Штаты, использовали свое экономическое и информационное превосходство, чтобы «экспортировать» культурные ценности в незападные развивающиеся страны, формируя тем самым международный культурный порядок, основанный на западных культурных ценностях. Главной особенностью системы международных отношений в рамках этого порядка является односторонняя культурная экспансия развитых западных стран в развивающиеся страны и, таким образом, сохранение их культурной гегемонии на международном уровне.

Это привело к значительным изменениям в национальной культуре развивающихся стран, ослаблению их национальной самобытности, отчуждению политической мысли и идеологической вестернизации, к серьезным угрозам культурной безопасности. Данные показывают, что в настоящее время американские и европейские культурные продукты составляют 76,5% от общего объема мирового культурного рынка. Более 90% новостей, распространяемых в различных странах и регионах, монополизированы западными странами. Цель, которую преследуют западные страны во главе с США в международном культурном порядке, заключается в том, чтобы продвигать идеологии, политические системы и религиозные идеи, которые соответствуют их культурным особенностям, по всему миру, и в конечном итоге построить мир, состоящий из стран «либеральных демократий» с аналогичными системами культурных ценностей. Эта цель и связанные с ней действия наполнены культурным гегемонизмом.

Новый международный культурный порядок начиная с XXI в., по мере экономического усиления группы развивающихся стран, начал смещаться. ОПОП предполагает отказ от глобализации западного типа и продвигает открытую, инклюзивную, всеохватывающую, сбалансированную и бесприоритетную структуру сотрудничества, фактически создавая новый восточный тип глобализации, что означает изменение модели глобализации. Как отмечают зарубежные ученые, строительство ОПОП – это «революционное преобразование существующей структуры глобализации», «радикальное изменение облика глобализации, выдвижение новых решений и новых руководящих принципов, которые, как мы надеемся, будут отвечать интересам всех сторон» [2]. На этом фоне международные культурные отношения претерпели огромные изменения, главная особенность которых заключается в том, что развивающиеся страны и, в частности, Китай выступают за гармоничное сосуществование культур всех стран, уделяя особое внимание партнерским отношениям «взаимосвязанности», содействуют контактам, обменам и взаимодействию между народами всех стран в духе равенства, дружбы, взаимной помощи и сотрудничества, реализуют гармоничное сосуществование различных культур и взаимное обучение цивилизаций. Культура – это уже не «односторонняя» экспансия, а «двустороннее» взаимодействие.

Цель этого нового международного культурного порядка заключается в том, чтобы уважать идеологию, политическую систему и религии, которые соответствуют независимым культурным спецификам; посвящать себя взаимному обучению через знакомство с культурами всех стран; осуществить переход от «индивидуальных ценностей» к «общественным ценностям»; в конечном итоге сформировать сообщество интересов, сообщество судьбы и сообщество ответственности политического взаимного доверия, экономической интеграции и культурной инклюзивности; содействовать установлению прочного мира, всеобщей безопасности, гармоничному миру общего процветания. Строительство ОПОП, несомненно, откроет новую эру в международной культурной структуре, на объективном уровне концепция эффективно противостоит западной культурной гегемонии.

Председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что древний Шелковый путь – это путь торговли и дружбы. Строительство ОПОП в новую эпоху – это не только беспроигрышный путь для содействия мировому экономическому сотрудничеству, но и мирный путь для углубления взаимопонимания и обменов между цивилизациями. ОПОП стимулирует глобальное развитие и поддерживает мир во всем мире. Несмотря на то, что экономическая глобализация столкнулась с обратным течением, мы видим растущую позитивную силу, которая является мощной силой для совместного строительства стран ОПОП, чтобы совместно продвигать развитие глобализации. Все стороны рассчитывают на дальнейшее укрепление сотрудничества, углубление взаимосвязанности и построение открытой мировой экономики, а также совместное строительство «зеленого» Шелкового пути для содействия гармоничному сосуществованию человека и природы, развития цифровой экономики, освоения новых движущих сил экономического роста. За более чем десять лет строительства ОПОП богатые культурные смыслы и глубокое культурное значение, воплощенное в ней, привлекают внимание всего мира.

Чжан Сяопин – главный научный сотрудник Академии марксизма Китайской академии общественных наук.

Zhang Xiaoping – Chief research fellow, Academy of Marxism, Chinese Academy of Social Sciences.

Чэнь Айжу – главный научный сотрудник Академии марксизма Китайской академии общественных наук.

Chen Airu – Chief research fellow, Academy of Marxism, Chinese Academy of Social Sciences.

chenar@cass.org.cn

Список литературы

1. Глобальная повестка дня для диалога между цивилизациями ООН 2001 г. Портал данных конвенций и деклараций Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/zh/documents> (дата обращения: 03.02.2024).
2. Несбит Д. и др. Новые тенденции в мире. Пекин: Китайское промышленно-торговое совместное издательство, 2017. (На кит. яз.).
3. Пресс-конференция Пресс-канцелярии Госсовета КНР, посвященная публикации Белой книги // сайт Пресс-канцелярии Госсовета КНР, 11.05.2017. (На кит. яз.).
4. Си Цзиньпин. Выступление в штаб-квартире ЮНЕСКО // Синьхуа от 28.03.2014. (На кит. яз.).
5. Члены ООН единогласно согласились включить инициативу «Пояс и путь» в резолюцию ООН // Постоянное представительство Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.fmprc.gov.cn>. (На кит. яз.).
6. Хантингтон С., перевод Чжоу Ци и др. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. Пекин: Синьхуа, 1999. (На кит. яз.).
7. Цай Фэн, Питер Нолан. Справочник «Пояс и путь». Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 2018. (На кит. яз.).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

*К.Ю. Аласания, Е.Н. Мощелков,
А.В. Никандров, Т.Н. Седых*

«Столкновение цивилизаций» – миф или реальность: аналитический обзор XXI Международных Панаринских чтений, 15 февраля 2024 г.¹

*Kira Yu. Alasania, Evgeniy N. Moschelkov,
Aleksey V. Nikandrov, Tatiana N. Sedykh*

“Clash of Civilizations” – myth or reality: analytical review of the 21st International Panarin’s readings, February 15, 2024

Статья представляет собой аналитический обзор XXI Международных Панаринских чтений, состоявшихся 15 февраля 2024 г. Тема чтений: «Столкновение цивилизаций»: миф или реальность? В данной статье описывается ход конференции: приветствия к участникам, Пленарное заседание, резюме докладов участников, подведение итогов.

Ключевые слова: А.С. Панарин, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Международные Панаринские чтения, Россия, Запад, цивилизация, столкновение цивилизаций.

The article presents an analytical review of the 21st International Panarin’s Readings held on February 15, 2024. The topic of the conference: “Clash of Civilizations”: Myth or Reality? The article describes the contents of the conference: greetings to the participants, the Plenary with a brief summary of the reports, and the reports’ summaries.

Keywords: Alexander Panarin, Samuel Huntington, Francis Fukuyama, International Panarin’s Readings, Russia, West, Civilization, Clash of Civilizations.

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

XXI Международные Панаринские чтения, которые прошли на философском факультете МГУ имени М.В. Ломоносова 15 февраля 2024 г., были посвящены проблеме «столкновения цивилизаций». Тема их звучала так: «“Столкновение цивилизаций”: миф или реальность?». Эта формулировка является наиболее точным выражением целого комплекса проблем и столкновений мнений вокруг реальности и релевантности противоборства цивилизаций. Логичным образом эта постановка связана с темой диалога цивилизаций: в последнее время накал мирового противостояния – и цивилизаций, и государств, и блоков, и культур – настолько усилился, что многие сомневаются, можно ли вообще говорить о диалоге хоть в каком-то смысле.

Организатором настоящих чтений выступил философский факультет МГУ (кафедра философии политики и права) совместно с факультетом политологии МГУ и Российским научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.

Открыл Пленарное заседание доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Е.Н. Моцелков**. Во вступительном слове он подчеркнул актуальность идей А.С. Панарина, а также роль в их развитии и в организации Панаринских чтений профессора В.Н. Расторгуева (1949–2021), памяти которого были посвящены XIX Панаринские чтения 2021 г. [1]. В 2022 г. был издан сборник трудов В.Н. Расторгуева «Цивилизационный путь России» [2]. В сентябре текущего года, рассказал Е.Н. Моцелков, в Твери состоится Всероссийская научная конференция «Цивилизационный путь России», посвященная 75-летию со дня рождения профессора В.Н. Расторгуева. Е.Н. Моцелков заметил, что если просмотреть все темы всех Панаринских чтений, то в формулировках свыше половины их тем фигурирует слово «цивилизация», а практически все чтения так или иначе касаются цивилизационной проблематики. Работы А.С. Панарина и В.Н. Расторгуева по этим проблемам, подчеркнул Е.Н. Моцелков, не только не утрачивают своей актуальности, но и продолжают служить для ученого сообщества России своего рода учебниками, фундаментальными пособиями, которые изучают и к которым постоянно возвращаются отечественные исследователи, политики и даже государственные деятели. Закономерно впечатление, – заключил Е.Н. Моцелков, – что их работы написаны как будто в наши дни и посвящены самым последним и злободневным делам и работам. Отсюда и постоянное обращение к их трудам, отсюда и возрастающий интерес научного сообщества к Панаринским чтениям.

Приветственное слово и.о. декана философского факультета МГУ **А.П. Козырева** зачитал зам. декана по научной работе, доктор философских наук, профессор кафедры логики философского факультета **Д.В. Зайцев**. А.П. Козырев отметил несомненную важность поднимаемой на Чтениях

проблематики, актуальность самой темы столкновения цивилизаций, равно как и ее полемическую насыщенность. Он пожелал участникам чтений плодотворного научного поиска, сил и упорства в работе. От себя Д.В. Зайцев сказал несколько теплых слов в адрес участников нынешних, 21-х уже по счету чтений. Он с радостью отметил, что конференция собирает не только ученых, но и молодежь. Также Д.В. Зайцев рассказал о своих впечатлениях от лекций А.С. Панарина, на которых ему в свое время довелось присутствовать, и о той атмосфере, которая устанавливалась на этих лекциях, о том впечатляющем и удивительном сочетании высокого профессионализма, глубоких знаний – и личной скромности, душевной открытости, которая была свойственна Александру Сергеевичу.

Далее с приветствием к участникам чтений и пожеланием плодотворной работы обратился директор Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева **В.В. Аристархов**. Он заострил внимание на том, что та самая глобальная стратегическая нестабильность, о которой писал А.С. Панарин, в наши дни, буквально сейчас, в эти минуты, часы, дни, – обострилась до невероятной степени. Коллективный Запад по сути дела объявил войну не только России, но и остальному миру, не принимающему западных ценностей, не желающему подчиняться западной «гегемонии» и следовать в русле специфически понимаемого «прогресса», под которым западные стратеги разумеют попросту подчинение их командам и указаниям. Россия находится в авангарде этой глобальной цивилизационной войны.

В.В. Аристархов напомнил, что и А.С. Панарин, и В.Н. Расторгуев предвидели такое фронтальное противостояние культур, идеологий, идей. В частности, А.С. Панарин много писал о прогрессе в западном понимании. Мыслитель отстаивал уникальность российской цивилизации, скрепленной русским языком и русской культурой. А.С. Панарину и В.Н. Расторгуеву принадлежит особое место в разработке концепции России как государства-цивилизации, а этот принцип является главным, основополагающим ориентиром для современной российской стратегии как в области внутренней политики, так и в сфере международных отношений.

В завершение своего приветственного слова В.В. Аристархов пригласил всех участников на VI Российский культурологический конгресс «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации», который пройдет с 30 октября по 2 ноября 2024 г. под эгидой Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева.

С первым докладом выступил главный редактор журнала «Проблемы цивилизационного развития», доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН **В.Н. Шевченко**. Его доклад назывался «**О цивилизационном развитии российского общества. Проблема конфликта и преемственности**». Докладчик, со скепти-

цизмом принимая скептическую же позицию ряда отечественных ученых, заметил, что существование российской цивилизации – это отправной и несомненный факт, как бы ни хотелось некоторым идеологам, не только российским, но в основном западным, не замечать его и с упорством, достойным другого применения, подвергать этот факт «сомнениям» и «критике». Российская цивилизация – это общее название всего того цивилизационного пути, который прошла, проходит и будет проходить наша страна, наше государство – Россия, российское общество в течение некоторого обозримого будущего. Цивилизационный путь, по мнению докладчика, можно представить как последовательную смену конкретно-исторических цивилизационных проектов, моделей, образов, которые с той или иной степенью полноты реализуются на практике в жизни российского общества.

В литературе с некоторыми вариациями хорошо представлена историческая линейка этих российских проектов: православная цивилизация – русское государство, имперский цивилизационный проект, советский цивилизационный проект, либерально-западнический проект; наконец, идущий в последние десятилетия процесс формирования нового современного проекта. Актуальный вопрос сегодня, подчеркнул В.Н. Шевченко, состоит в том, чтобы *выяснить отношения этих цивилизационных проектов*, т.е. как складываются конфликт и преемственность при смене одного проекта другим. В докладе был назван целый ряд возникающих при этом отношений, ведущих к разным последствиям.

Другой вопрос, на котором подробно остановился докладчик и который крайне редко поднимается в науке, заключался в том, что представляло собой Русское государство – православная цивилизация – в тот момент, когда заканчивается ее независимое развитие и начинается зависимое в ходе растущего воздействия внешних сил, навязывающих ей иные, чуждые ценности, смыслы, цели. Ее основные черты и можно считать базовыми константами российского цивилизационного пути развития.

В.Н. Шевченко затронул еще один важный дискуссионный вопрос о том, может ли быть что-то *выше* цивилизации с точки зрения общепринятого стадийного развития, исходящего из принципа последовательной градации «дикость – варварство – цивилизация». Другими словами, цивилизация – это навсегда? Ответ, предложенный докладчиком, состоит в том, что капиталистическая цивилизация в ходе развития доводит до крайних форм конфликта все свои внутренние противоречия. Это ведет в конечном итоге к растущей ее самокритике и самоотрицанию, к закономерной смене цивилизованного общества обществом, живущим по законам культуры. (Из работ В.Н. Шевченко см.: [3]).

О.Ф. Шабров, доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова,

выступил с докладом на тему **«Фактор глобальной власти и перспективы общечеловеческой цивилизации»**, который был посвящен раскрытию противоречия между формированием глобальной власти и перспективами цивилизаций. Сегодня становится все более очевидным набирающий обороты процесс формирования глобальной власти, о котором писал А.С. Панарин более четверти века назад как об одной из основных современных тенденций, которая ставит под вопрос и национальный суверенитет, и демократический контроль народов над государственной властью. О.Ф. Шабров обратил особое внимание на то, что реализация глобальной власти вступает в противоречие с одним из фундаментальных принципов кибернетики – с принципом необходимого разнообразия (чтобы управление было возможным, управляющая подсистема по степени разнообразия должна превосходить управляемую). Отсюда – *потребность глобальной власти в снижении степени социального разнообразия, разрушении культурного многообразия, упрощении человека и общества, что равносильно их деградации.*

Вторая проблема, на которую указывал А.С. Панарин, – это «экологическая перегрузка планеты». Проблема эта имеет два решения: сокращение сверхпотребления наиболее богатой части человечества либо масштабное сокращение числа массовых потребителей. Первый вариант в информационном пространстве даже не обсуждается, зато о втором говорят давно и откровенно (А.Б. Чубайс и др.). При этом снижение численности населения Земли не только радикально решает проблему антропогенной нагрузки на природу, но и способствовало бы необходимому глобальной власти снижению степени разнообразия человечества.

Глобальная власть и общество потребления вступили в противоречие с выживанием человека. Для решения проблемы антропогенной нагрузки при сохранении разнообразия, необходимого для развития человечества, подчеркнул в заключение О.Ф. Шабров, необходимо выполнение двух условий. С одной стороны, это культурное многообразие как «жизненно необходимый резерв человечества» (А.С. Панарин); с другой – «формирование общепланетарного Коллективного интеллекта» (Н.Н. Моисеев), общечеловеческой цивилизации, способной жить в гармонии с природой. (См. по этой проблематике: [4]).

Доклад автора многочисленных книг о России как цивилизации, доктора философских наук, академика РАО **Сухейля Фараха «Возможен ли диалог цивилизаций в современном мире?»** был посвящен классическим панаринским темам – России, цивилизационной проблематике, диалогу цивилизаций. Сухейля Фараха часто называют «пионером диалога цивилизаций»: он известен такими книгами, как «Российская цивилизация: энергии пространства и человека» (2022) [5], учебник «Диалог и партнерство цивилизаций: межконфессиональное и кросскультурное измерения» (2010, в соавт.) [6].

Книгу 2022 г. и некоторые другие свои работы С. Фарах представил участникам чтений. Он был хорошо знаком с А.С. Панариным: вместе ученые планировали написать книгу о России. С. Фарах часто спорил с Панариным о смысле термина «православная цивилизация», много писал и вел полемику с другими учеными о самостоятельности российской цивилизации.

В докладе С. Фараха были подняты следующие вопросы: какие динамичные принципы будут основой диалога и партнерства цивилизаций? какие препятствия ждут человечество на пути к взаимному доверию и партнерству? и, наконец, какие первоначальные выводы можно сделать по процессу этого диалога и партнерства? Докладчик, несмотря на мрачную картину современного состояния мировой глобальной политики, представил некоторые *оптимистические сценарии* выхода из этого планетарного кризиса.

С. Фарахом был затронут целый комплекс идей и планов, которые смогли бы сблизить и приблизить людей разных культур и религий к оптимистическому сценарию. Одним из фундаментальных оснований для него в условиях глобального цивилизационного кризиса является закон поляризации и социально-экономического и культурного партнерства цивилизаций и государств, социальных слоев и поколений. На первом этапе кризиса усиливаются процессы поляризации в противостоянии и борьбе; на втором этапе формируется партнерство на противоположных полюсах нисходящих и восходящих цивилизаций и великих держав; на третьем этапе обеспечивается объединение прогрессивных сил перед новыми смертельными вызовами и угрозами и достигается победа над реакционными силами. Этот закон, точнее, программа, основанная на его знании, соблюдении и использовании, создаст условия для реализации в XXI в. идеи перехода к новой исторической эпохе.

С докладом на тему **«Критический анализ взглядов С. Хантингтона о столкновении цивилизаций»** выступил доктор химических наук, профессор химического факультета, профессор факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова **Л.А. Асланов**. В массовом сознании концепт «столкновения цивилизаций» связывается с именем С. Хантингтона, однако Хантингтон даже не определил понятие «цивилизация»: для него цивилизация есть нечто само собой разумеющееся – то, что возникло под влиянием религии. Эта точка зрения имеет давнюю историю, однако она уже устарела, т.к. не соответствует определению локальных цивилизаций, которое оперирует с понятием опыта народов и делает упор на цивилизацию как опыт самосохранения народа, накопленный за века. Далее, Хантингтон представляет картину столкновения цивилизаций как некую новацию, если не открытие. Однако столкновение цивилизаций – явление древнее. Докладчик привел такой пример: освобождение нидерландцами своей североморской цивилизации от господства феодальной испанской цивилизации, истолкованное формационной теорией как революция, приведшая в Нидерландах к смене

феодалного строя на капиталистический, было столкновением двух цивилизаций, а вовсе не сменой формаций. Примерно то же самое можно сказать об Английской буржуазной революции середины XVII в. или о Великой французской революции. Столкновения цивилизаций существовали издавна. С этой точки зрения применение цивилизационного анализа может изменить определенные концепции и сложившиеся точки зрения.

Далее Л.А. Асланов остановился на некоторых интересных результатах цивилизационного анализа, примененного к некоторым событиям из истории США. В частности, такая точка зрения, давно принимаемая совершенно некритически, как тезис о том, что протестантизм сформировал особую американскую общность людей, при более внимательном анализе теряет свою аксиоматичность и превращается в проблему, которая имеет отнюдь не predetermined и известное «авторитетное» решение. Выходит, говорить об общеамериканской цивилизации в бесспорном ключе не получается. Чем же, – поставил вопрос докладчик, – сильна Америка как государство, на чем держится ее стабильность? Все это, ответил он, существует благодаря убеждению всех слоев общества в том, что США обеспечивают наивысший уровень жизни, а, следовательно, страну надо беречь. Если же материальное благополучие в США пошатнется, перенасыщенная огнестрельным оружием страна может взорваться. Шаткая основа, надо сказать.

Продолжая доклад, Л.А. Асланов сосредоточился на *основе и условиях формирования русской цивилизации*, которая развивалась как могучий союз народов для совместной защиты от общих врагов, и эта традиция не прерывалась в СССР и РФ. Не захват земель ради их экономической эксплуатации с одновременным подавлением местных элит и уничтожением местных народов, как это было в колониях Северной Америки или Австралии, а совместная защита от врагов объединенными усилиями народов-соседей – так она, подытожил докладчик, цивилизационная традиция нашего государства. Российская держава во все времена – это прежде всего диалог и сотрудничество, а не столкновение цивилизаций, – таков был вывод Л.А. Асланова. (См. по этой проблематике: [7]).

Л.А. Булавка-Бузгалина, доктор философских наук, профессор, директор научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, представила доклад **«Проблема культурного кризиса современной России в работах А.С. Панарина»**, начав с констатации того факта, что вопрос современного культурного кризиса рассматривается в целом ряде работ А.С. Панарина, причем рассматривается он в парадигме русской православной цивилизации. Такой подход вызвал широкий исследовательский интерес у специалистов разных областей философии культуры и культурологии. Однако толкование сущности цивилизационного подхода невозможно без понимания его

методологической основы. Раскрытие же этого вопроса представляется продуктивным в том числе через его сравнительный анализ с марксистским подходом. С одной стороны, это позволяет выявить противоречия, пределы и методологический потенциал каждого из этих подходов. С другой – компаративистский анализ методологии цивилизационного и марксистского подходов позволяет наиболее полно раскрыть природу и противоречия культуры эпохи глобальной гегемонии капитала.

Л.А. Булавка-Бузгалина заострила внимание на одном из противоречий цивилизационного подхода, которое имело место в том числе в исследованиях А.С. Панарина. Оно состоит в том, что, раскрывая родовые черты русской культуры (терпимость, сострадание, жертвенность и др.), выражающие этическую сущность традиционных ценностей и в тоже время показывая сущностные стороны уже современной культуры, А.С. Панарин в своих работах тем не менее не поставил во всей полноте самый больной вопрос: что и как определило тот тип трансформации отечественной культуры, которая, утвердив, казалось бы, на века неизменность традиционных ценностей, сегодня являет собой распад векового наследия ее же гуманистических тенденций?

Ответ на этот вопрос можно найти, но лишь на пути конкретно-исторического анализа отечественной культуры и понимания всей диалектики развития ее внутренних противоречий, обусловленных прежде всего законами глобальной гегемонии капитала и рыночного тоталитаризма. А за таким подходом стоит уже не столько парадигма русской цивилизации, сколько методология марксистского анализа. Но как справляются с этой теоретической задачей исследователи марксистского направления – это предмет отдельного рассмотрения.

Доклад ректора Российского православного университета св. Иоанна Богослова, доктора политических наук, профессора кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **А.В. Щипкова «Воспитание нравственных ценностей и суверенитет государства»** был посвящен теме связи нравственности и государственности, которую докладчик рассмотрел на пересечении политологии и религиозной философии. С этой перспективы открывается взгляд на основную проблему современного Российского государства и общества – проблему ценностного суверенитета, ибо защита нравственных основ общества есть необходимое, хотя и не единственное условие для обеспечения целостного суверенитета государства. Разрешение этой проблемы, т.е. защита ценностного суверенитета России, необходимым образом связана с процессом воспитания и образования, которые должны быть нацелены на то, чтобы нашей молодежи был понятен аксиологический вектор развития государства, для чего тем, кто руководит системой образования и тем, кто задействован в этой системе, необходимо показать, как это развитие вписано в систему нравственных координат русской культуры.

А.В. Щипков подчеркнул, что для предотвращения стирания национальной идентичности нам нужен консенсус в отношении национальной истории, ее единства и непрерывности. Достижение такого консенсуса – непростая задача: для этого необходим соответствующий язык, который позволил бы осуществить *взаимный перевод культурно-исторических кодов русской традиции*. Русская традиция состоит из ряда культурных кодов: православного, советского, русского дореволюционного, старовеерческого, народно-общинного, нескольких этнических и конфессиональных кодов. Взаимный перевод этих кодов в рамках единой культурной парадигмы поможет обществу успешно развиваться.

Завершил доклад А.В. Щипков выводом о том, что ценностный вектор образования предполагает именно нравственное восприятие общественного планирования и строительства. Этот вектор должен поддерживаться в стенах учебных заведений, на медийных площадках, посредством культурной политики. Ценности не могут быть абстракцией, они должны наполнять жизненный мир русского человека, – и тогда люди предпочтут оставаться на Родине, несмотря на любые обстоятельства материального и утилитарного свойства.

В докладе доктора философских наук, профессора факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова **А.Н. Чумакова «Культурно-цивилизационные разломы современного мира»** основное внимание было уделено анализу состояния современного мира, который характеризуется многоаспектной глобализацией и всеобщей взаимозависимостью, когда многочисленные субъекты международных отношений при отсутствии внешней силы, способной регулировать их взаимоотношения, объективно оказываются в ситуации войны всех против всех. При этом все попытки теоретически осмыслить современную ситуацию и найти пути и способы практического решения актуальных проблем мирового сообщества сводятся, как правило, к проведению саммитов, форумов, переговоров и т.п. Найти на этом пути методы серьезного анализа и осмысления глобальной ситуации крайне сложно, ибо, образно говоря, ищут не там, где потеряли, а там, где светло. Истинные же и далеко не всегда очевидные причины кроются в культурных и цивилизационных различиях отдельных стран и народов.

Суть дела, подчеркнул докладчик, состоит в том, что когда мы говорим о путях развития той или иной цивилизации, или, например, о «столкновении цивилизаций», «цивилизационных войнах» и т.д., то из поля зрения обычно выпадает (даже если и подразумевается) то, что именуется культурой. А.Н. Чумаков обосновал необходимость введения в качестве релевантного аналитического инструмента нового *понятия «культурно-цивилизационной системы»*, смысл которого состоит в том, что любая общественная система рассматривается в этом случае как единое целое одновременно

с двух сторон, т.е. со стороны ее культурной принадлежности и в то же время вовлеченности этой системы в цивилизационные процессы.

Каждая конкретная культура имеет особые черты, своеобразие и неповторимость, что делает ее обособленной, – и так культуры служат основой для разделения как отдельных людей, так и их всевозможных сообществ. Здесь-то и кроются корни множества конфликтов и столкновений интересов людей. Однако в реальности, продолжил А.Н. Чумаков, мы видим не только обособление и противоборство, но и кооперацию, продуктивное взаимодействие людей. Происходит же это на несколько иной – цивилизационной – основе, начало формирования которой относится к появлению государства, и которая к настоящему времени имеет различную степень развитости у разных народов.

Культура, продолжил докладчик, – это внутренняя характеристика отдельных людей и общественных систем, тогда как цивилизация – скорее форма, внешнее обрамление культуры, характеризующее людей и общество с точки зрения их функциональных связей и отношений. В итоге мы имеем не культурное или цивилизационное измерение, а целостное – культурно-цивилизационное. Но тогда, говоря о всевозможных социальных структурах, отдельных государствах, а теперь, в условиях глобализации, уже и обо всем мировом сообществе, мы имеем дело не с различными цивилизациями или культурами как таковыми, а с разными культурно-цивилизационными системами. Именно они, заключил докладчик, сталкиваются и противоборствуют, и именно из данной аналитической схемы следует исходить при анализе мировой динамики. (См. по этой проблематике: [8]).

Основное внимание в докладе доктора исторических наук, профессора кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова **В.Э. Багдасаряна «Антицивилизация vs цивилизационные традиции: столкновение ценностных парадигм»** было уделено зарисовке историософской панорамы противостояния цивилизации и антицивилизации. Ключевая идея современного глобального конфликта состоит в том, что сталкиваются не цивилизации, но разворачивается противоборство всех цивилизаций с антицивилизацией, синонимами которой являются концепты «цивилизация Каина», «цифровая цивилизация», «цивилизация постмодерна» и т.п. Антицивилизация – это система, которая противостоит каждой из существующих цивилизаций и им вместе. Если осмыслить концептуально природу современного конфликта, то нетрудно увидеть, что он не сводится ни к противостоянию России и США с их сателлитами, ни к противостоянию с коллективным Западом (или западной цивилизацией), – вообще ни к чему иному, кроме как к противостоянию с *глобальной антицивилизацией*. Суть конфликта, суть ключевого противостояния XXI в. – в этом и только в этом.

Откуда взялась эта антицивилизация, – заданся вопросом докладчик, – в определенный момент на почве западной цивилизации зародилось нечто иное, потом это *иное* стало подменять цивилизацию Запада, и наконец превратилось в антицивилизацию, которая оказалась направленной против каждой из цивилизаций, включая и саму цивилизацию Запада. Антицивилизация уничтожает религию, государство, культурные различия, семью, – и в конечном счете человека и всю мировую цивилизацию.

В своем противостоянии антицивилизации Россия ведет борьбу в том числе и за ценности западной цивилизации, как это ни парадоксально. Логика же политического действия, подытожил В.Э. Багдасарян, такова: чтобы победить Россию, Запад использовал силы антицивилизации; эти силы подчинили Запад, и он сам стал превращаться в антицивилизацию; Россия ведет против антицивилизации цивилизационную войну и так спасет в числе прочих и саму западную цивилизацию, которая исторически была врагом России. Здоровые силы Запада должны встать на сторону России – и так с общей победой цивилизации над антицивилизацией исторически разрешится и будет исчерпан вековой конфликт России и Запада.

Доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Е.Н. Моцелков** в докладе «**Тезисы о цивилизационных войнах**» основной упор сделал на сущности и уникальных характеристиках нынешнего геополитического противостояния России и Запада. Он показал, что в основе этих процессов лежит стремление США сохранить свое мировое господство в новом мировом порядке, переход к которому происходит в последние десятилетия. По мнению докладчика, содержание современных глобальных процессов, взятых в целом, в плане своей уникальности характеризуется следующими важнейшими чертами.

Во-первых, старый мировой порядок демонтируется без открытой мировой войны и без какой-либо явной перспективы генерального соглашения между ведущими мировыми державами. Во-вторых, этот переходный процесс происходит как без глобального военного столкновения, так и без глобальных международных соглашений. В-третьих, Россия не в первый раз находится в противостоянии с объединенными силами Запада. Аналогичная ситуация просматривается и сейчас. В-четвертых, в отличие от предыдущих исторических эпох, нынешняя ситуация чревата угрозой применения ядерного оружия, что может привести к глобальной катастрофе. В-пятых, если прежде переход от одного миропорядка к другому происходил с сохранением базовых принципов международных отношений, то нынешний переходный процесс отличается тем, что деформируется не только «конструкция 1945 г.» (предыдущий миропорядок), но и демонтируются гораздо более старые базовые основания и ценности международной жизни. По сути,

происходит *переход на новую ступень мировой истории*, – и это не просто отрицание предыдущего мирового порядка, а отрицание всех предшествующих мировых порядков и складывавшихся веками принципов международных отношений и международного права. (См. специальную работу Е.Н. Мошелкова по этой проблематике: [8]).

Оуан Кан, директор института философии, профессор философии и социальной эпистемологии Хуачжунского университета науки и технологий выступил с докладом на тему **«Глобализационные трансформации и цивилизационные взаимосвязи в перспективе комплексных взаимодействий»**. В центре внимания профессора Оуана Кана был вопрос о том, каким трансформациям подвергаются глобализационные процессы в современном геополитическом контексте. Выводы доклада были построены вокруг идеи о том, что современная глобализация не может больше сводиться к попыткам американизации, тогда как миру необходим новый тип глобализации, которая включала бы в себя принципы сотрудничества, взаимодействия, обмена, добровольности и обоюдности, взаимного сотрудничества и взаимных выгод, учитывала бы ценности различных групп и предполагала бы взаимоуважение цивилизаций.

Основное внимание в докладе **«Конфликтогенность цивилизационной поступи человечества в аксиологическом измерении»** доктора философских наук, профессора, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Донецкого государственного университета **Д.Е. Музы** было сосредоточено на *анализе позиций в отношении цивилизационной конфликтности*: 1) априорной (С. Хантингтон), 2) апостериорной (Н. Фергюсон) и 3) смешанной (П.А. Сорокин). В докладе было показано, что нынешние конфликты, в том числе и прокси-война Запада с Россией, являются следствием кризиса основ «чувственной культуры». Особое внимание докладчик обратил на то, что ценности западной цивилизации последовательно девальвированы, в то время как ценности русской культуры по-прежнему вальентны из-за их духовного содержания, которое следует определить как христианско-гуманистическое.

С.Г. Киселев, доктор философских наук, профессор кафедры политологии МГЛУ, профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России РАНХиГС, начал свой доклад на тему **«Столкновение цивилизаций: был ли С. Хантингтон первым в постановке проблемы?»** с проблемы определения научного первенства в постановке вопроса о столкновении цивилизаций, поскольку неверным, по мнению докладчика, является широко распространенное мнение о том, что С. Хантингтон считается основоположником рассмотрения данной проблематики.

На основе проведенного контент-анализа работ отечественных и зарубежных мыслителей С.Г. Киселев сделал вывод, что пионером в данном вопросе является родоначальник цивилизационной теории Н.Я. Данилевский,

который в конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. в труде «Россия и Европа» не только поставил вопрос о столкновении цивилизаций (культурно-исторических типов), но и начал изучение механизма данного явления, разработал основные методологические положения и сформулировал прогноз грядущего междивизиационного столкновения с участием России.

В докладе было обращено внимание на то, что исследования проблемы столкновения культур-цивилизаций были продолжены в творчестве отечественных мыслителей начала XX в. – Н.А. Бердяева, Е.Н. и С.Н. Трубецких, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрна, С.Л. Франка, а затем зарубежными учеными – О. Шпенглером, А. Тойнби и, наконец, С. Хантингтоном. В качестве вывода С.Г. Киселев выразил уверенность, что гео-цивилизационный подход, разработанный учеными, изучающими проблемы цивилизации, весьма полезен и необходим при анализе современной конкурентной глобальной реальности, позволяет определить состояние гео-цивилизационной среды, уровень взаимодействия, соперничества и столкновения гео-цивилизаций, их влияния на геополитические процессы. (Подробнее см.: [10]).

Профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД РФ, доктор юридических наук **Н.И. Грачев** выступил с докладом «Идеологема “государство-цивилизация” как концептуальное основание содержания и смысла конституции России XXI в.». Докладчик исходил из принципа, суть которого он выразил следующим образом: с позиций цивилизационного подхода сущность конституции в XXI в. заключается в ее способности быть юридической формулой национально-государственной идеологии, символом общего сознания государствообразующего народа и выражения его цивилизационной идентичности. С этой точки зрения Н.И. Грачев проанализировал содержание и сущность принятой в 1993 г. Конституции РФ, которая основывалась на либеральной идеологии и заключалась в отказе от осмысления и поиска самостоятельного пути развития страны, попытке изменить геополитическую и цивилизационную природу Российского государства. В условиях разрастающейся гибридной войны Запада против России и все нарастающей там русофобии, продолжил докладчик, стало ясно, что дальнейшее укрепление позиций страны в мире невозможно без существенного пересмотра концептуальной основы Конституции РФ. С этой точки зрения докладчик проанализировал содержание и сущность существенных дополнений, внесенных в нашу Конституцию в 2020 г.

Сопоставляя получившийся в итоге конституционных изменений результат с основными константами цивилизационной природы России, Н.И. Грачев подчеркнул, что действующая Конституция РФ в свете этого предстает весьма противоречивым документом, в тексте которого произошло столкновение цивилизационных альтернатив и сосуществуют две различные системы во многом отрицающих друг друга ценностей и принципов.

Существенным шагом в направлении разрешения этого «конфликта ценностей», заострил свою постановку Н.И. Грачев, стало официальное признание России государством-цивилизацией в утвержденной Указом Президента РФ 3 марта 2023 г. Концепции внешней политики Российской Федерации. По сути, тезис «Россия – государство-цивилизация» является доктринальным базисом этой Концепции.

В связи с этим, суммировал докладчик, особую остроту приобретает вопрос о *переводе идеологемы государства-цивилизации на язык правоведения*, ее включения в юридический лексикон, определении ее политико-правового содержания применительно к современным условиям, и ее адекватном отражении в конституционном законодательстве, что будет способствовать подготовке проекта новой Конституции России, отвечающей ее цивилизационным особенностям и перспективам развития. В качестве вывода Н.И. Грачев выдвинул положение о том, что поскольку нормативное признание России государством-цивилизацией в Концепции ее внешней политики уже во многом способствует процессам политической и правовой ретрадиционализации страны, постольку закрепление этой идеологемы в тексте Конституции России, несомненно, придаст новый импульс восстановлению исторической преемственности в развитии российской государственности, окончательно направляя давно существующую интенцию постепенного формирования российской версии конституционализма в русло собственной цивилизационной традиции.

Доклад «**Смысловая эволюция цивилизационной теории: от нормативности к политизации**» М.М. Мчедловой, доктора политических наук, профессора, зав. кафедрой сравнительной политологии РУДН имени Патриса Лумумбы был посвящен проблемам сущности трансформации и истоков новой актуальности цивилизационной теории и цивилизационного подхода. Докладчик обратила внимание на удивительную переключку тематики: буквально на днях, 9–10 февраля, прошел V съезд политологов на тему «Цивилизационное развитие России: стратегический курс и политические практики». Основной причиной возвращения цивилизационного подхода стал факт появления выраженного сомнения в том, что монопольное объяснение всех происходящих событий мирового политического процесса линейной нормативной моделью перестало удовлетворять и служить точкой отсчета и тем более считаться некоей истиной.

Поиски будущей конфигурации политического мира и мира человеческого, продолжила докладчик, становятся любимым занятием философов, политологов и политиков, однако они видят и конструируют лишь части будущего, единый же каркас создать, даже интуитивно, не получается. Отсюда – потребность в новой теоретической и идеологической панораме будущего мира. Что касается нормативных картин неолиберального и постлиберального

порядков, то они утрачивают четкость и ясность контуров, а глобалистский неолиберальный дискурс начинает подвергаться все более успешной деконструкции. Основанием новой картины мира станут уже не миражи постмодернистского плюрализма, но скорее признание принципа рядоположенности путей цивилизационного развития стран и континентов.

Завершая доклад, М.М. Мchedлова подчеркнула, что структурообразующими паттернами нового мира и мировидения становятся цивилизация, традиция, идентичность, суверенитет и т.д., – именно этим объясняется настойчивость обращения к цивилизационному дискурсу не только в идеологической риторике и политических заявлениях, но и в научных исследованиях. Эти принципы и смыслы становятся основанием для проектирования и позиционирования России в современном мире. (Подробнее см.: [11]).

М.В. Яковлев, доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, свой доклад «**Столкновение цивилизаций в призме нейронауки**» фундаментализировал материалами проведенного исследования по проблемам нейронауки, которая предоставляет все больше эмпирических данных, с помощью которых мы можем проверить многие концептуальные положения социально-гуманитарных наук. Вот какие выводы из проведенного исследования представил докладчик.

Нейронные корреляты сознания социальных видов руководствуются принципом биологической ценности, который состоит в сохранении и управлении жизненными процессами представителей социального вида в условиях ограниченности ресурсов и высокой конкуренции с другими социальными видами. Это может означать существование на нейронном уровне закономерности постоянного соперничества между социальными видами. Работа психофизиологических механизмов и соотнесенные с ними нейронные паттерны зависят от исторического и социокультурного контекста и тесно связаны с актуальными властными отношениями. Отсюда следует вывод о том, что на нейронные паттерны и психофизиологические механизмы изменяющим образом воздействует специфика истории и культуры конкретного общества, что обуславливает различия между типичными нейронными механизмами у разных социальных видов. Соответственно, такое различие порождает разные типичные психические процессы (восприятия, мышления и т.д.) и разное поведение. Такое разнообразие может быть одной из причин столкновения цивилизаций.

Таким образом, подытожил М.В. Яковлев, на нейронном уровне заложены предпосылки для столкновения цивилизаций. Вместе с тем на нейронном уровне есть и механизмы, которые могут способствовать сближению социальных видов. (См. по этой проблематике: [12]).

Доклад **В.К. Белозерова**, доктора политических наук, профессора, зав. кафедрой политологии Московского государственного лингвистического университета «**Столкновение глобальных проектов мироустройства как**

отражение столкновения цивилизаций» был посвящен анализу динамики глобальных и региональных процессов и проблеме возможности прогнозирования, постановки «диагноза» современному состоянию международных отношений. Исходя из того факта, что полноценная научная политическая картина мира как его объяснительная модель еще не выработана, докладчик сформулировал задачу позитивно оценить выработку соответствующего познавательного инструментария, позволяющего диагностировать содержание и направленность происходящего, осмыслить мотивы глобальных игроков. Этим обстоятельством и объясняется внимание к понятию «стратегия» в политическом и научном дискурсе.

Далее В.К. Белозеров сосредоточился на некоторых аспектах анализа состояния современных международных отношений. В частности, он подчеркнул, что субъекты, противостоящие незападным государствам, народам и цивилизациям, *имеют собственные проекты глобального устройства мира* и активно прибегают к геополитическим операциям с целью укрепления своего могущества и установления пресловутого «нового мирового порядка». Его утверждение и есть проект коллективного Запада, а если быть точнее – англосаксонский проект мироустройства. Этот факт отражен и в политической мысли Запада: так, не кто иной, как С. Хантингтон совершенно открыто провозгласил априорную конфликтогенность Запада по отношению ко всем «остальным» (участникам мирового сообщества), выражающуюся в «принципе» «Запад против остальных» (“the West against the Rest”), ставшем в его мысли базовой концепцией.

С учетом этой фундаментальной черты Запада, подытожил докладчик, России необходимо вырабатывать свою долгосрочную государственную стратегию и оригинальный проект мироустройства. При этом надо учитывать, что даже во фрагментарном виде, сложившемся на сегодняшний день, российский проект сталкивается с ожесточенным сопротивлением.

Размышлениями о современных проблемах противостояния Запада и мира поделилась с участниками чтений доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН **В.И. Спиридонова**, доклад которой назывался «**“Восстание против Запада” и новая реальность**». Она начала с констатации того факта, что если еще несколько десятилетий назад глобальный мир прочно ассоциировался с доминированием «Запада» во всех областях жизни, и в этом смысле можно было говорить о нарастающем тождестве понятий «Мир» и «Запад», то в наши дни зона влияния «Запада» быстро сужается: появился термин «незападные страны», а большинство человечества, которое составляет «Мир», объявляет себя «не-Западом». В политико-философской аналитике это явление получило название «*восстание против Запада 2.0*».

Первое антиколониальное «восстание» середины XX в. имело две особенности. Оно происходило в рамках «западных идеалов» свободы и равноправия и с его согласия. «Восстание 2.0» полностью отвергает новые западные ценности, противопоставляя им «азиатские ценности». Но радикальную его новизну составил аргумент численности населения, который опрокидывает гегемонию США как единственного субъекта «эффективного» управления миром.

О возможности современного поворота событий, подчеркнула В.И. Спиридонова, предупреждал А. Тойнби в середине прошлого века, указывая на необходимость осознания Западом качественного изменения мира, в котором *западная цивилизация стала локальной*. Он опасался, что в результате самодискредитации западных либеральных ценностей духовный объединительный «центр мира» переместится в глубину Евразии, «между Китаем и Россией». Тойнби считал, что мир стоит перед исторической развилкой, которая определяет два образа будущего. Первый – признание Западом множественности равноценных цивилизаций, второй – стремление вернуть себе господствующее положение «в будущей русско-американской войне», что приведет к «надлому» и самоуничтожению европейской цивилизации.

Доклад «**Политические ценности, или эпицентр столкновения цивилизаций**» (“**Les valeurs politiques ou l'épicentre du choc des civilisations**”) постоянный участник Панаринских чтений, доктор исторических наук, преподаватель-исследователь Политического института Леона Армеля (Париж) **Тома Сире** (переводчик – доцент **А.В. Соловьев**) посвятил проблеме источников столкновения цивилизаций, одним из главнейших среди которых, по его мнению, является существование политических ценностей. Отправной точкой своих размышлений он выбрал историко-философский трактат «Столкновение цивилизаций» Хантингтона, на основании впечатлений от которого, при учете сложности различия в трактовках современных событий, получается, что в западных странах XXI в. все чаще представляется не веком, перефразируя Фрэнсиса Фукуяму, конца истории, а *веком конца размышлений*.

Т. Сире подчеркнул, что западные демократии не смогли полностью преодолеть призрака тоталитаризма, поскольку он присутствует в каждой голове. Об этом свидетельствует интеллектуальный терроризм, который, по его словам, в настоящее время действует в демократических некогда странах. Он указал, что страх взял верх над действием, а самоцензура – над свободой слова. Это стало настолько сильно выражено, что западные демократии кажутся больными, беспомощными, склерозированными и неспособными реагировать на кризисы – как внутренние, так и внешние.

Итогом выступления и методом выхода из сложившейся ситуации стал призыв докладчика принимать адекватные решения, направленные на возвращение к размышлениям и обсуждению идей.

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ **В.И. Шамшурин** начал доклад **«Либеральная демократия как цивилизационный кризис»** с того, что предложил типологию из двух видов справедливости – «эквиваленции» и «квалификации». Первая, к сожалению, наиболее распространенная в политике, является одной из существеннейших причин кризисов и войн. Именно она (эквиваленция), по сути, является синонимичной кровной мести (талион), когда воздаяние равноценно преступлению. В этом случае каждая из конфликтующих сторон выступает в качестве субъекта права и считает себя пострадавшей стороной, а при этом – еще и источником нормотворчества в договорной системе координат.

Такое положение, заострил внимание В.И. Шамшурин, ведет к умножению конфликтов и отказу от мирных переговоров в принципе, о чем свидетельствует история политического и цивилизационного развития человечества. Квалификация исходит из того, что норма не релятивна и не конвенциональна, а имеет аподиктические характеристики и предполагает долгий процесс согласования репрезентативных баз данных в виде тех или иных социально-политических отношений (в том числе и конфликтных) в их соотношении с интересами конфликтующих субъектов и нормами, признание всеобщности и необходимости которых со стороны договаривающихся сторон является неременным условием выхода из любого кризиса. Как подытожил докладчик, философия политического солипсизма ведет в тупик, затягивает конфликты и приводит к их эскалации, тогда как *философия диалога* ведет вперед.

Кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **В.С. Кржевов** выступил с докладом **«Категория “цивилизация” в свете проблем типологии истории»**. Доклад был посвящен выяснению пригодности категории «цивилизация» для решения одной из наиболее трудных проблем социально-исторического знания – разработки типологии истории. Особое внимание докладчик уделил проблеме точного определения содержания понятия. Обращение к литературе показывает, подчеркнул докладчик, что названному критерию категория «цивилизация» не соответствует, ибо используется в нескольких несходных, порой *взаимно исключающих друг друга значениях*. Основные версии: 1) «цивилизация» обозначает историческую эпоху, идущую на смену предшествующим, характеризуя общую последовательность движения истории человечества (схема Г.-Л. Моргана – Ф. Энгельса «дикость – варварство – цивилизация»). 2) «цивилизация» *характеризует особый тип социальной организации и его ценностно-нормативные приоритеты – в отличие от других типов, «цивилизацией» не являющихся*.

В этом случае смысл терминов «варварство» и «цивилизация» радикально меняется, поскольку они служат для обозначения и различения «нас», «своих» – тех, кто «цивилизованны», и «других», которые «не мы», и тем самым «варвары». *Вывод доклада В.С. Кржевова состоял в том, что термин «цивилизация» в одном из своих основных значений сочетается с понятием «человечество» – человеческая цивилизация. Отсюда следует, что эта категория может быть корректно использована только в целях научного исследования, т.е. должна служить для решения проблем типологии истории. В этом случае «варварство» и «цивилизация» – это типологические модели, которые не совпадают буквально с пространственно-временными границами тех или иных реальных сообществ или групп сообществ, в чем-то схожих между собой.*

Доклад доктора философских наук, профессора кафедры философии Московского государственного областного университета (МГОУ) **В.Л. Курабцева «Большая страна в конфликте цивилизаций»** был посвящен анализу статуса и потенциальной динамики «Большой страны», или русской цивилизации, которая в его докладе определялась апологией традиционных ценностей, духом и патриотической мотивацией российского народа, историческими и культурными достижениями России. Докладчик выявил причины неприятия России со стороны Запада, страха и многовековой расистской установки, раскрыл причины неизбежности и долговременности столкновения русской и западной цивилизаций, а также причины и недостатки западной аксиологической и философско-идеологической позиций.

В.Л. Курабцев показал, что именно Россия – как, по выражению А.С. Панарина, «одна из наиболее амбициозных в духовном отношении держав, несущая неистощимый мессианский и пророческий импульс», – в наибольшей степени способна реализовать «полноту Логоса», и дал общую зарисовку конкретных аспектов этой современной полноты. Русская цивилизация, подчеркнул он, страшит «цивилизованный мир» своей устойчивой традицией, некоей не-буржуазностью ценностей, «варварством» (с точки зрения Запада), недисциплинированностью, нежеланием переделать себя под западные стандарты и недостаточной рациональностью. Поэтому противостояние СССР, а теперь России, коллективному Западу, всегда было *не столько идеологическим, сколько цивилизационным*. Россия слишком большая, слишком «имперская» и геополитически максималистская. И эта «имперскость» исключает ее «приручение» и возможное вхождение в Евро-союз, в НАТО, в стратегический союз с США – ради нового «империалистического» передела мира. Россия – это не остров и не размытая Евразия, а цивилизация-материк на основе религии.

В заключение доклада В.Л. Курабцев выразил уверенность в том, что сталкивающиеся Россия и Запад с неизбежностью призваны мирно

сосуществовать, дополняя друг друга. Необходимо бороться за продолжение культурного и экономико-политического консенсуса этих цивилизаций. (См. статью В.Л. Курабцева по тематике доклада: [13]).

Доктор философии, доктор истории религии и теологии католической академии Парижа (Франция), профессор **Бернар Бурден**, постоянный участник Панаринских чтений, выступил с докладом **«Две стороны разочарования в мире: глобализованное или универсализируемое явление»** (**“Les deux faces du désenchantement du monde: un phénomène mondialisé ou universalisable”**) (Переводчик – доцент **А.В. Соловьев**). Он посвятил свое выступление проблеме всеобщего разочарования в возможности установления мира. Французский ученый и интеллектуал, сосредоточившись на роли религии в этом процессе, выделил два способа интерпретации разочарования в мире: 1) утверждение политико-религиозной идентичности, сопровождающееся усилением антизападничества, либо 2) способность религий в силу их исторической легитимности занимать высокое положение по отношению к конфликтам, которые проходят через этот разочарованный мир. Говоря о христианстве, докладчик подчеркнул *роль взаимодействия между различными религиями для установления мира между народами*. По твердому убеждению докладчика, поскольку все религии имеют долгую историю, именно благодаря их ресурсам народы, населяющие пространства глобализованного мира, смогут вновь обрести чувство собственной исторической темпоральности, что является единственным возможным путем предотвращения слияния глобализации и гегемонистской западной концепции универсальности, которая приводит к пагубным последствиям. Свое выступление французский ученый завершил выводом о том, что создавшееся положение подталкивает мировое сообщество к принятию на себя ответственности за судьбу международного мира.

Интересный исторический материал послужил основанием для доклада **«Эсхатологический радикализм и церковно-демократическое прогрессорство в России XVIII–XX вв.: борьба противоположностей, или два феномена Модерна?»**, который сделал секретарь Архиерейского совета Ивановской митрополии, старший преподаватель Иваново-Вознесенской духовной семинарии **игумен Виталий (И.Н. Уткин)**. В докладе было рассмотрено два, казалось бы, совершенно противоположных комплекса религиозно-политических идей, которые вступали в столкновения в XVIII – начале XX столетия в Российской империи. Если первый идейный комплекс – эсхатологический радикализм – видел в окружающей действительности коллективного Антихриста, то второй был связан с движением белого духовенства господствующей Церкви к демократической модели церковного устройства и прогрессорству по отношению к остальному обществу.

Хотя первый комплекс по виду содержал строго традиционалистские идеи, на деле же эти идеи были тараном против существующей традиции. Эсхатологические радикалы, отвергая существующую государственность и социальность, создавали новые, чрезвычайно мобильные социальные структуры, имевшие лишь видимость традиционности, но бывшие, по сути, составной частью процесса модернизации. Казалось бы, противоположностью радикалам являлось миссионерское сообщество господствующей Греко-российской Церкви, боровшееся с «расколом и сектантством», а также белое духовенство в целом, основа русского духовного сословия. Однако духовенство являлось не меньшей, если не большей силой модерна, нежели радикалы из числа старообрядцев и внутрицерковных мистических движений. В чем здесь дело? Игумен Виталий обратил пристальное внимание на природу духовенства в постпетровском государстве: став одним из его сословий, духовенство оказалось в крепостной зависимости от власти.

Власть рассматривала священника в качестве мелкого государственного чиновника, тогда как само духовенство в целом рассматривало себя *в качестве прогрессора*, т.е. не просто стояло на прогрессистских позициях, выступало за *модернизацию общества*, но и само рассматривало себя в качестве такой силы модернизации. На этой основе в XIX столетии продолжился отход духовного сословия от собственно-церковной традиции, непосредственно связанной с храмовым пространством и богослужением. Суммируя, докладчик подытожил, что хотя эсхатологический радикализм и церковно-демократическое прогрессорство в России XVIII–XX вв. различались между собой, они оказались не противоположностями, а двумя силами модерна.

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии политики и права МГУ А.Г. **Сыгин** выступил с докладом **«Не упрощает ли реальность XXI в. универсализация концепта “столкновения цивилизаций”»**, в котором сосредоточил внимание на проблематике столкновения цивилизаций как специфическом дискурсе, имеющем собственную логику возникновения и развития. Докладчик обратил внимание собравшихся на то, что хотя сам вопрос о возможном столкновении цивилизаций, а также соответствующий термин встречались и раньше (в частности, еще в 1940-е гг.), однако как широко распространяемый и пропагандируемый дискурс возникает лишь на рубеже 1980–1990-х гг. Этот дискурс имеет четкую историческую привязку к окончанию «холодной войны», распаду СССР и европейского социалистического содружества, а также прекращению жесткого противоборства идеологий. Одновременно он был связан с представлением Запада, что Россия как значимая сила на международной арене не поднимется уже никогда. Отсюда – поиск иных основных линий противоборства на мировой арене и внимание к проблеме конфликта или столкновения локальных цивилизаций, основанных на несовпадающих культурных идентичностях.

Именно эти соображения составили основания концепции С. Хантингтона и его представлений о столкновении между западной и исламской цивилизациями (где последняя может быть поддержана китайской цивилизацией) как основном конфликте современности. Едва ли нужно, по мнению А.Г. Сытина, специально пояснять, что сегодняшняя мировая ситуация – в значительной мере иная. Поэтому, считает докладчик, она актуализирует такие, например, аспекты критики концепции С. Хантингтона, что столкновение цивилизаций является лишь одной из (и явно не преобладающей) тенденций современной мировой политики; что возможны и иные формы междоцивилизационного взаимодействия, а также что цивилизации не являются прямыми консолидированными акторами мировой политики и что возможна основная борьба не столько между цивилизациями, сколько вокруг вопроса о мировых центрах силы (иначе говоря, вокруг вопроса об однополюсном или многополюсном мире на ближайшие десятилетия).

Доклад **«XXI в. в прогнозах мыслителей – кто оказался прав: А.С. Панарин против С. Хантингтона»** А.В. Никандрова, кандидата политических наук, старшего научного сотрудника кафедры философии политики и права философского факультета МГУ, был посвящен проблеме научности и преданности идеалам науки А.С. Панарина в противопоставление заведомой ангажированности С. Хантингтона и Ф. Фукуямы. Докладчик показал, что если выводы из анализа динамики мирового развития, произведенного Панариным, были фундированы и произведены с помощью строго научных методов, то «выводы» как Хантингтона, так и в особенности Фукуямы не были собственно выводами, но скорее специальными установками западных, прежде всего американских геополитических стратегов, которые эти два идеолога *par excellence*, а вовсе не ученых, облекли в форму неких собраний пророчеств, а сами облачились в мантии ученых, тогда как более им подходили тоги авгугов.

Нет ничего удивительного поэтому в том, что «ауспиции» Хантингтона, и уж тем более Фукуямы в современной политической науке никем не принимаются как *научные* произведения, но подвергаются критике как произведения сугубо идеологические, а то и пропагандистские, причем имеющие достаточно узкие цели. Об этом свидетельствует давно уже констатированный упадок интереса к псевдотрактату Фукуямы о конце истории, упоминание которого редко обходится без улыбки (сам Фукуяма позже вспоминал о своем же произведении с иронией). Та же судьба ждет и произведение такого же статуса Хантингтона. Если ценность этих «опусов» определяется исключительно их идеологическим и пропагандистским статусом и направленностью, то капитальная работа А.С. Панарина «Стратегическая нестабильность в XXI в.», будучи подлинным образцом научно-политического творчества и результатом применения строго научного

подхода и методов анализа, служит и будет служить настольной книгой для любого серьезного ученого, занимающегося проблемами геополитики, мировой динамики и т.д.

Для более детального установления и взвешенного анализа идеологической направленности работы Хантингтона, которая все еще сохраняет свое влияние, А.В. Никандров сравнил егоopus о столкновении цивилизаций с небезызвестной ранее, но ныне, увы, забытой статьей об американской демократии в сборнике «Кризис демократии» 1975 г., написанной, в числе иных, по специальному заказу Трехсторонней комиссии и имеющей целью концептуально обосновать демонтаж западной демократии и наметить методы по осуществлению этой цели, заданной мировыми стратегами. Если провести сравнительный анализ произведений 1975 и 1996 гг., можно прийти к интересным и важным выводам относительно того, как на Западе проводятся идеологические наступления, как заказы стоящих в тени стратегов выдаются за результаты анализа реальных процессов, как создается и как работает на Западе идеология, если ее, конечно, можно так назвать. (См. по этой проблематике: [14, с. 397–400]).

В докладе **«Ценность концепта “цивилизация” для анализа современной конфликтогенной реальности»** кандидата философских наук, доцента кафедры философии политики и права МГУ **А.В. Соловьева** были затронуты этимологические и семантические особенности понятия «цивилизация». Докладчик заакцентировал мысль о том, что время появления данного понятия в политическом дискурсе во Франции относится к первой трети – середине XVIII в. Он подчеркнул, что релевантность понятия цивилизации остается высокой и в XXI в. Вместе с тем докладчик указал на тенденцию *девальвации концепта* и необходимость его реконцептуализации.

Были перечислены критерии цивилизации и вытекающие из этого возможные типологии. Особое внимание было уделено цивилизационным идеям Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера и их влиянию на развитие современных цивилизационных концепций. В качестве иллюстрации приводились примеры осмысления французскими авторами проблемы «заката» европейской цивилизации в XXI в.

В выступлении поднималась проблема неизбежности конфликтов между цивилизациями, возможность их устранения. А.В. Соловьев отметил диалектический характер процесса взаимодействия цивилизаций и возможность развития как негативных, так и позитивных сценариев развития ситуаций и, исходя из этого, сформулировал гипотезу, согласно которой столкновение цивилизаций имеет объективную основу, на которую накладываются факторы надстроечного характера. В конце доклада автор высказал уверенность в том, что, несмотря на некоторые дискуссионные моменты методологического

и теоретического характера, понятие «цивилизация» вполне удовлетворительно справляется с возложенными на него функциями.

К.Ю. Аласания, доктор политических наук, доцент кафедры философии политики и права МГУ, выступила с докладом «**Методологический потенциал концепта “Диалог цивилизаций” в современном политико-философском дискурсе**». В фокусе ее внимания находился вопрос о том, почему концепт диалога цивилизаций не теряет актуальности в период, когда, казалось бы, диалог невозможен. Особое внимание было уделено понятию «диалога» в интерпретации П. Сорокина, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, идее о том, что диалог необходим не только для того, чтобы «услышать Другого», но для того, чтобы «лучше понять самого себя». Ключевой вывод был связан с тем, что идея диалогичности по-прежнему продуктивна и дает возможности для развития цивилизационной проблематики.

Кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права МГУ **Т.Н. Седых** выступила с докладом на тему «**Теории Великого Лимитрофа (интерпретации В.Л. Цымбурского и С.В. Хатунцева)**». В выступлении Седых Т.Н. рассказала о концепции Великого Лимитрофа, которую в 90-х гг. прошлого столетия независимо друг от друга стали разрабатывать два российских специалиста: филолог-античник, культуролог, которого называли «русским Хантингтоном», В.Л. Цымбурский и историк и публицист С.В. Хатунцев. Докладчик обратила внимание на определение цивилизации Цымбурского: «Цивилизация – это такое геокультурное сообщество, которое в силу своего исторического, в том числе религиозно-идеологического, опыта обнаруживает готовность видеть в себе Основное Человечество и пытается поддерживать это видение адекватным ему геополитическим строительством» и подчеркнула, что исследователь считал, что каждая цивилизация обладает твердым ядром, которое можно обозначить как «платформу», и периферией.

Периферии соседних цивилизаций образуют лимитроф, борьба за который и есть основное содержание межцивилизационных конфликтов С.В. Хатунцев, по мнению Т.Н. Седых, во многом дополнил концепцию Цымбурского, предложив рассматривать более крупные, нежели цивилизации, образования – *метацивилизации*, каждая из которых является системой двух связанных цивилизаций: Индии – Китая, Европы – России, арабо-персидского мира – Черной Африки. Пространства этих трех метацивилизаций разделяют «территории-проливы», которые ученый называет Великим Лимитрофом. В тех местах Великого Лимитрофа, где сталкиваются три и более цивилизации, образуются так называемые «узлы скучивания», в которых мы можем наблюдать регулярные военные конфликты и столкновения (к территориям таких «узлов» Хатунцев относит, например, Балканы, Палестину, Афганистан). Проанализировав обе концепции, докладчик пришла

к выводу, что оба подхода к осмыслению цивилизационных процессов, предложенные российскими исследователями, имеют различия, но обладают общей теоретической базой, и, в силу своего большого эвристического потенциала, могут быть полезны как политологам, исследователям геополитических процессов, так и всем, кто интересуется проблематикой.

Доклад **Т.В. Вакуловой**, кандидата политических наук, доцента кафедры «История России» Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета **«Культурно-историческое наследие Н.Я. Данилевского как ключ к пониманию современного мира»** был посвящен проблемам сохранения исторической памяти и культурно-исторического наследия выдающегося русского мыслителя и ученого Н.Я. Данилевского.

Докладчик провела ретроспективный анализ событий и процессов, связанных с возрождением имени Данилевского в Крыму в период 1990–2000 гг., восстановлением могилы Данилевского и установкой памятника родственниками ученого. Т.В. Вакулова выразила надежду на то, что уникальным фрагментам культурно-исторических типов (цивилизаций), которые символизируют православно-славянский культурно-исторический тип или русскую цивилизацию, будет присвоен статус объекта федерального значения и выступила с предложением к участниками чтений посетить уникальное место в Крыму, где находится могила Н.Я. Данилевского, а также другие места, связанные с его жизнью и деятельностью.

Доклад кандидата философских наук, и.о. зав. кафедрой философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова доцента **Т.А. Вархотова «Ценностные основания столкновения цивилизаций»** был посвящен роли ценностных оснований регуляции общественной жизни в глобальной политической динамике. В то время как в медийном дискурсе доминируют дихотомии «наши» и «чужие», а также «традиционные» и «нетрадиционные» ценности, докладчик защищал тезис, согласно которому обе дихотомии являются, по существу, ложными, поскольку ценности являются нелокальными ориентирами, имеющими универсальное значение, а то, что сейчас называют «чужими» или «ложными» ценностями, просто не является ценностями, а представляет собой результат подмены ценности потребностью.

Т.А. Вархотов далее отметил, что конкуренция цивилизаций за приоритет в способе исторического осуществления ценностей – мотор социокультурной динамики на протяжении всей истории человечества. Однако основу современного столкновения цивилизаций составляет не конфликт ценностей – ведь принесенные глобальным Западом ценностные содержания, такие как наука, право и личность, высоко ценятся всеми участниками современной мир-системы, – а *конфликт по поводу потребностей*, в котором потребности ставятся выше ценностей, а защита достижений одной цивилизации в области

удовлетворения потребностей членов собственного сообщества рассматривается как безусловный приоритет общественной жизни в целом. Для цивилизации, развернувшейся в сторону потребностей, сказал в заключение Т.А. Вархотов, это тупик с перспективой постепенной деградации.

С докладом на тему **«Наследование традиционных ценностей в условиях цивилизационных конфликтов»** выступил **Ю.А. Закунов**, кандидат философских наук, доцент, руководитель отдела Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. Он подчеркнул, что современное обострение цивилизационных конфликтов в условиях роста информационной свободы, идеологического плюрализма, культурного многообразия и манипулятивных технологий представляет вызов, требующий противодействия разрушению национально-культурной идентичности и преемственности поколений, проявляющейся встихийности наследования духовно-нравственно-эстетических традиций, разнородности их интерпретаций, несовместимых с ценностями российской цивилизации, нормальной психикой.

Резкое обострение цивилизационного противостояния с Западом и отстаиваемые Россией высокие патриотические идеалы, – сделал акцент докладчик, – требуют эффективного их осуществления с учетом обоснованного мировоззренческого выбора, специфики творческих сфер, уважения прав личности, что предполагает наличие синтетических инновационных решений, органических моделей и механизмов, исключающих деструктивное «совмещение несовместимостей». Ключевым здесь является *«пробуждение встречного течения»* против пошлости и масскульта, ориентация на наследование культуры как главного содержания культурного процесса вообще в его конечной ценностно-смысловой заданности с опорой на объективные исторические возможности и национально-самобытные развивающиеся формы осуществления.

Д.А. Якуничев, аспирант кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в докладе **«Особенности цивилизационного взаимодействия в концепции А.С. Панарина»** сосредоточился на освещении ряда ключевых идей А.С. Панарина, касающихся проблем взаимодействия и конфликтов между цивилизациями в современном мире. Анализируя динамику межцивилизационных отношений, А.С. Панарин акцентировал внимание на культурно-исторических аспектах, подчеркивая значимость культурного самосознания и идентичности в процессе глобализации. Он выделял особенности взаимодействия западной цивилизации с остальным миром, которое основывалось на принципах диалога и конфликта ценностей. Панарин считал, что современный мир находится на пороге перехода от доминирования западоцентричной модели к многополярному миру, где каждая цивилизация вносит свой вклад в общемировой процесс.

Докладчик раскрыл роль А.С. Панарина как теоретика цивилизационного подхода, обратив внимание на то, как философ проводил анализ глобальных вызовов и угроз, таких как культурная гомогенизация, экологические кризисы и технологическое доминирование ряда стран, которые требуют совместных усилий всех цивилизаций для их преодоления. В контексте концепции цивилизационного взаимодействия Панарина, по мнению докладчика, особое значение приобретает поиск путей сотрудничества и взаимопонимания между различными культурами и цивилизациями, что предполагает не только критику существующего мирового порядка, но и разработку новых моделей межцивилизационного диалога, способных обеспечить устойчивое развитие человечества в условиях глобализации.

В.В. Блинов, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, в докладе «**Россия в восприятии западных сторонников цивилизационного подхода (Шпенглер, Тойнби, Хантингтон)**» остановился на одной интересной закономерности: при рассмотрении этих работ обращает на себя внимание то обстоятельство, что делаемые выводы до 1917 г. и после него значительно отличаются. К примеру, если первоначально О. Шпенглер говорит о зарождающейся русской цивилизации, находящейся со времен Петра Великого в состоянии пред-культуры, которая подражает европейской, то уже в «Человеке и технике» он подчеркивает, что русский путь близок азиатскому. А. Тойнби будет указывать на сильное государство, утвердившееся ввиду необходимости отвечать на военные вторжения, а С. Хантингтон будет говорить о России как разорванной стране, которая всю свою историю находится между двумя противоречивыми тенденциями. Как подытожил докладчик, для западных мыслителей будет характерен подразумеваемый взгляд о проевропейском пути как отвечающем интересам России и противоположном ему как проявлению действий сил, которые руководствуются предрасудками, получившими широкое распространение.

Е.А. Каргин, аспирант кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, выступил с докладом «**Цивилизационный анализ Й. Арнасона: понимание межцивилизационного взаимодействия**», посвященным сформировавшемуся в современном цивилизационном анализе представлению о межцивилизационном взаимодействии. Наибольшее развитие данное представление получило в работах Й. Арнасона и предполагает выведение анализа на более абстрактный уровень: межцивилизационное взаимодействие не сводится лишь к конфликту или «диалогу цивилизаций», его формы разнообразны и подразумевают способность цивилизаций выступать не только замкнутыми мирами, но и налаживать обмен материальными и духовными ценностями, способному отклонять траекторию их собственного развития.

Аспирант кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, **Е.Я. Добрынина** выступила с докладом на тему «**Специфика цивилизационного взаимодействия в цифровую эпоху**». Она рассказала о разрушении привычного понимания основного цивилизационного механизма, которым является культура. Информация является источником существования «гиперреальности» – присущей черте цифрового общества. Особое внимание докладчик обратила на то, что с помощью глобальных сетей и широкого охвата информационных потоков общество подвергается «массовому заблуждению», отделяется от реальности. В мире важность события стала определяться не только и не столько событийной чудовищностью, а *информационным эффектом*. Примером этому послужил теракт 11 сентября 2000 г. в США, после которого концепция столкновения цивилизаций привлекла повышенное внимание, что стало удобной основой интерпретации событий и последовавшей «войны с террором».

Доклад «**Актуальность взглядов философов русского зарубежья на проблему “Россия и Запад”**» аспиранта кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова **Н.И. Бондаренко** был посвящен анализу специфики взглядов представителей философии русского зарубежья в лице Н.А. Бердяева, П.И. Новгородцева, И.А. Ильина, Г.П. Федотова и Ф.А. Степуна на проблему «Россия и Запад». Все данные философы сходятся во мнении об объединяющем предназначении России, некоторые из них видели ее объединяющую роль по отношению к народам, населяющим Россию, а некоторые расширяли этот объединительный потенциал на весь мир. Для каждого из них было важно взаимодействие России и Европы с целью культурного обогащения. Докладчик подчеркнул, что Россия в этом взаимодействии не должна сливаться со странами Запада, а в главнейших чертах сохранять собственную духовную идентичность и не уходить с предназначенного пути.

Итоги XXI Международных Панаринских чтений «“Столкновение цивилизаций”: миф или реальность» подвел профессор **Е.Н. Мошелков**. Он сказал, что на прошедших чтениях были подняты важнейшие проблемы современной динамики международных отношений; была представлена развернутая критика и анализ идеологемы «столкновение цивилизаций»; был дан глубокий анализ концепта «цивилизация» и различных концепций, в которых проводится цивилизационный подход. Конференция показала, что не только российское научное сообщество, но и ряд ученых зарубежных стран настроены на поиск путей выхода из сложившегося, согласно терминологии А.С. Панарина, положения «стратегической нестабильности» в рамках всего мира. Е.Н. Мошелков пожелал участникам чтений дальнейшей плодотворной работы, успехов и вдохновения в научном поиске.

Аласания Кира Юрьевна – доктор политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Kira Yu. Alasania – Sc.D. in Political Science, Associate Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

alalaniak@yandex.ru

Мощелков Евгений Николаевич – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Evgeniy N. Moschelkov – Sc.D. in Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

enm@inbox.ru

Никандров Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Aleksey V. Nikandrov – Ph.D. in Political Sciences, Senior Research Fellow, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

bobbio71@mail.ru

Седых Татьяна Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Tatiana N. Sedykh – Ph.D. in Political Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

tatiana_sedykh@mail.ru

Список литературы

1. Аласания К.Ю., Мощелков Е.Н., Никандров А.В., Седых Т.Н. Национальная идентичность России в эпоху стратегической нестабильности (Аналитический обзор XIX Панаринских чтений, посвященных памяти профессора В.Н. Расторгуева, 23 декабря 2021 г.) // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 169–189.
2. Расторгуев В.Н. Цивилизационный путь России: Избранные труды. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2022. 444 с.

3. Шевченко В.Н. Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Вопросы социальной теории. 2022. Т. 14. С. 224–247.
4. Шабров О.Ф. Национально-государственная идентичность в контексте глобального противостояния: проблема устойчивости социальных систем // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 4. С. 16–26.
5. Фарах С. Российская цивилизация: энергии пространства и человека. М.: Академии Жуковского, 2022. 320 с.
6. Яковец Ю.В., Фарах С. Диалог и партнерство цивилизаций: Учебник. М.: Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, 2014. 436 с.
7. Асланов Л.А. Глобальная борьба и диалог цивилизаций // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 43–51.
8. Чумаков А.Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2023. 456 с.
9. Мошчелков Е.Н. Геополитическое противостояние России и Запада: новые реалии и проблема экономико-технологического суверенитета // Российский экономический журнал. 2023. № 4. С. 24–37.
10. Киселев С.Г. Российская цивилизация // Власть. 2023. Т. 31. № 5. С. 32–37.
11. Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник РУДН. Сер: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454.
12. Яковлев М.В. Цифровой авторитаризм: концептуальные основания и модель легитимации // Вопросы философии. 2022. № 8. С. 45–54.
13. Курабцев В.Л. Запад и Россия: цивилизационное противостояние // Вестник МГОУ. Сер.: Философские науки. 2017. № 2. С. 48–54.
14. Никандров А.В. Интеллектуалы и политика. Концепция политической роли интеллектуалов Норберто Боббио в культурно-историческом контексте XX в. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2016. 428 с.

References

1. Alasaniia K.Iu., Moshchelkov E.N., Nikandrov A.V., Sedykh T.N. Natsionalnaia identichnost Rossii v epokhu strategicheskoi nestabilnosti (Analiticheskii obzor XIX Parinarinskiikh chtenii, posviashchennykh pamiati professora V.N. Rastorgueva, 23 dekabria 2021 g.) // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia. 2022. Т. 4. № 1. S. 169–189.
2. Rastorguev V.N. Tsivilizatsionnyi put Rossii: Izbrannye trudy. М.: Izdatel A.V. Vorobev, 2022. 444 s.
3. Shevchenko V.N. Osobennosti tsivilizatsionnogo razvitiia Rossii v kontekste protivostoianii s Zapadom. Fenomen rusofobii // Voprosy sotsialnoi teorii. 2022. Т. 14. S. 224–247.
4. Shabrov O.F. Natsionalno-gosudarstvennaia identichnost v kontekste globalnogo protivostoianii: problema ustoiчивosti sotsialnykh sistem // Sotsialno-politicheskie nauki. 2023. Т. 13. № 4. S. 16–26.
5. Farakh S. Rossiiskaia tsivilizatsiia: energii prostranstva i cheloveka. М.: ID Akademii Zhukovskogo, 2022. 320 s.
6. Iakovets Iu.V., Farakh S. Dialog i partnerstvo tsivilizatsii: Uchebnik. М.: Mezhdunarodnyi institut Pitirima Sorokina – Nikolaia Kondrateva, 2014. 436 s.
7. Aslanov L.A. Globalnaia borba i dialog tsivilizatsii // Filosofiia khoziaistva. 2023. № 2. S. 43–51.
8. Chumakov A.N. Globalizatsiia. Kontury tselostnogo mira. М.: Prospekt, 2023. 456 s.
9. Moshchelkov E.N. Geopoliticheskoe protivostoianie Rossii i Zapada: novye realii i problema ekonomiko-tekhnologicheskogo suvereniteta // Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal. 2023. № 4. S. 24–37.

10. Kiselev S.G. Rossiiskaia tsivilizatsiia // Vlast. 2023. T. 31. № 5. S. 32–37.
11. Mchedlova M.M., Bukin O.A. Rossiiskaia tsivilizatsiia: tsivilizatsionnyi podkhod v politicheskoi teorii // Vestnik RUDN. Ser: Politologiya. 2023. T. 25. № 2. S. 445–454.
12. Iakovlev M.V. Tsifrovoy avtoritarizm: kontseptualnye osnovaniia i model legitimatsii // Voprosy filosofii. 2022. № 8. S. 45–54.
13. Kurabtsev V.L. Zapad i Rossiia: tsivilizatsionnoe protivostoianie // Vestnik MGOU. Ser.: Filosofskie nauki. 2017. № 2. S. 48–54.
14. Nikandrov A.V. Intellektualy i politika. Kontseptsii politicheskoi roli intellektualov Norberto Bobbio v kulturno-istoricheskom kontekste XX veka. M.: Izdatel A.V. Vorobev, 2016. 428 s.

*В.И. Герасимов, С.И. Коданева,
В.И. Лутовинов, С.А. Попова*
**Шестая международная
научно-практическая конференция «Большая Евразия:
национальные и цивилизационные аспекты
развития и сотрудничества»**

*Vladimir I. Gerasimov, Svetlana I. Kodaneva,
Vladimir I. Lutovinov, Svetlana A. Popova*
**The Sixth International Conference “Great Eurasia”:
national and civilizational aspects
of development and cooperation**

В работе конференции участвовало 557 человек, в программе конференции¹ представлено 445 докладов, включая заочные. Среди докладчиков – ведущие специалисты из 38 регионов РФ, а также из Австрии, Азербайджана, Армении, Беларуси, Боснии и Герцеговины, Венгрии, Ирака, Италии, Йемена, Казахстана, КНР, Кыргызстана, Ливии, Монголии, Сербии, Таджикистана, Узбекистана, ФРГ, Швейцарии, ЮАР.

Основное содержание работы конференции – конструктивное обсуждение ключевых проблем социально-экономического, инновационно-технологического и духовно-гуманитарного развития стран Большой Евразии, стратегий и механизмов международного взаимодействия и сотрудничества, интеграционных и дезинтеграционных процессов, происходящих в современном мире, представление результатов и перспектив в области международного экономического, инновационно-технологического, научного и культурного сотрудничества стран Большой Евразии.

Ключевые слова: Евразия, цивилизация, геополитика, национальные интересы, интеграционные процессы, научно-технологическое развитие и сотрудничество, цивилизационная и национальная идентичность, историческая память, патриотическое воспитание.

¹ Программа конференции, некоторые презентации и многие доклады уже опубликованы на сайте «Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество» (<http://ukros.ru>).

557 people participated in the conference, 445 reports, including correspondence, were presented in the conference program. Among the speakers are leading experts from 38 regions of the Russian Federation, as well as from Austria, Azerbaijan, Armenia, Belarus, Bosnia and Herzegovina, Hungary, Iraq, Italy, Yemen, Kazakhstan, China, Kyrgyzstan, Libya, Mongolia, Serbia, Tajikistan, Uzbekistan, Germany, Switzerland, South Africa.

The main content of the conference is a constructive discussion of the key problems of the socio-economic, innovative-technological and spiritual-humanitarian development of the countries of Greater Eurasia, strategies and mechanisms of international interaction and cooperation, integration and disintegration processes taking place in the modern world, presentation of results and prospects in the field of international economic, innovative-technological, scientific and cultural cooperation of the countries of Greater Eurasia.

Keywords: Eurasia, civilization, geopolitics, national interests, integration processes, scientific and technological development and cooperation, civilizational and national identity, historical memory, patriotic education.

22–24 ноября 2023 г. в Москве состоялась Шестая международная научно-практическая конференция «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества».

Организаторами конференции выступили: Университет мировых цивилизаций, Евразийский информационно-аналитический консорциум, Научный совет РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, Российский центр научной информации, Национальный комитет по исследованию БРИКС, МГИМО МИД России, Институт государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ. Конференция подготавливалась и проводилась при участии Международного союза экономистов, Международного союза научных и инженерных общественных объединений и Ассамблеи народов Евразии.

В работе конференции было выделено несколько магистральных направлений. Особое внимание было уделено следующим аспектам: национальные интересы стран Большой Евразии в изменяющемся мире; новые вызовы и угрозы развитию стран Большой Евразии и механизмы противодействия им; национальные и международные стратегии социально-экономического и научно-технологического развития и сотрудничества стран Большой Евразии; разработка и реализация приоритетных национальных проектов и программ; сбережение здоровья населения и модернизация здравоохранения; цифровизация экономики, перспективы освоения технологий четвертой промышленной революции; развитие человеческого потенциала; национальная идентичность, историческая память и проблемы межкультурной коммуникации; формирование у подрастающего поколения патриотизма, готовности к созидательной деятельности и защите Отечества в условиях возрастания опасностей и угроз национальной безопасности РФ.

22 ноября состоялось пленарное заседание конференции, на котором был заслушан 21 докладчик. Результаты своих исследований представили: **Ильина И.Е.** (доктор экономических наук, доцент, директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере), **Залиханов М.Ч.** (доктор географических наук, профессор, академик РАН, Герой Социалистического труда, научный руководитель Высогогорного геофизического института, г. Нальчик, президент Международного независимого эколого-политологического университета), **Тулоханов А.К.** (академик РАН, научный руководитель, Байкальский институт природопользования Сибирского отделения РАН), **Хабриев Р.У.** (доктор медицинских наук, доктор фармацевтических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Национального НИИ общественного здоровья), **Бакланов А.Г.** (кандидат исторических наук, профессор, заместитель Председателя Ассоциации российских дипломатов, руководитель секции исследований стран Ближнего Востока и Северной Африки НИУ ВШЭ, помощник Первого заместителя Председателя Комитета Совета Федерации ФС РФ по науке, образованию и культуре), **Каширин А.И.** (доктор экономических наук, доцент, заместитель председателя НТС ГК «Ростех»), **Лексин В.Н.** (доктор экономических наук, профессор, гл. научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН), **Степанов С.А.** (доктор педагогических наук, профессор МНЭПУ, научный руководитель Международного независимого эколого-политологического университета), **Улумбекова Г.Э.** (доктор медицинских наук, МВА Гарвардского университета по организации здравоохранения, ректор Высшей школы организации и управления здравоохранением), **Усолецев А.В.** (кандидат экономических наук, начальник Управления международных связей, Российский центр научной информации), **Цыганов В.В.** (доктор технических наук, профессор, зав. Московским отделом Института проблем транспорта РАН; главный научный сотрудник Института проблем управления РАН), **Энтин М.Л.** (доктор юридических наук, председатель Правления Российской ассоциации европейских исследований, вице-президент Российской ассоциации международного права, профессор, зав. кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России) и др.

23 и 24 ноября работали 10 секций конференции, 8 из них прошли в Университете мировых цивилизаций, одна в МГИМО МИД России и одна в Институте государственной службы и управления РАНХиГС при Президенте РФ.

Агрегация большого числа разнообразных точек зрения участников конференции представляется сложной задачей, однако невозможно обойти вниманием некоторые особо значимые постулаты, озвученные в докладах и в дискуссии. Было показано, что мир стремительно движется к качественно новому этапу развития, происходит реальная трансформация глобальной системы,

наступает эпоха эволюционного перелома, равного которому в истории человечества не было. Возрастает нестабильность, структурная устойчивость, напротив, снижается, утрачивается целостность. Человечество находится на пороге возможного раскола по цивилизационному признаку.

Процессы интеграции и сотрудничества трансформируются, но в целом их динамика и масштабность остаются принципиальными для развития системы международных отношений. Происходящие интеграционные процессы существенно различаются по своему характеру, однако их общей чертой является обеспечение национальных интересов взаимодействующих стран, выражающееся прежде всего в формировании более предсказуемой и благоприятной внешней среды их существования и в повышении их конкурентоспособности. Интеграция и сотрудничество являются важнейшими инструментами укрепления национального суверенитета, ускорения хозяйственно-го и культурного развития, выживания в условиях глобальной конкуренции.

Странам Большой Евразии необходима новая модель развития и безопасности. Императивами здесь являются взаимодействие и сотрудничество стран Большой Евразии, ориентированное на преодоление межцивилизационных противоречий, на обеспечение безопасности и развития человечества, обеспечение материальных и духовных потребностей человека, сохранение и развитие биосферы, на природо- и человекоподобное развитие техносферы. Развитие взаимодействия и сотрудничества стран Большой Евразии имеет огромную геополитическую значимость. С позитивным развитием этих отношений обоснованно связывается формирование устойчивого многополярного мироустройства. Особую значимость для стран Большой Евразии имеет научно-технологическое и инновационное развитие и сотрудничество.

Развитие стран Большой Евразии и переход к многополярной геополитической модели мира не могут быть успешными без сохранения культурного многообразия и цивилизационных ценностей, сформированных народами стран этого мегарегиона.

Превращение Большой Евразии в зону мира, сотрудничества и процветания может быть достигнуто в результате формирования Большого евразийского партнерства (БЕП), базовым принципом которого является соблюдение суверенности и субъектности государств, присоединяющихся к Партнерству, инклюзивное развитие и сотрудничество на основе принципов добровольности, равноправия, соблюдения норм международного права. Инфраструктурным каркасом БЕП может быть сопряжение ЕАЭС и мегапроекта «Один пояс и один путь».

Реализация потенциала взаимодействия и сотрудничества стран Большой Евразии может быть обеспечена на основе системного и программно-целевого подхода. Реализуемые в этих целях программы и проекты должны быть открытыми для участия в них организаций и специалистов других стран.

Далее предлагается раскрытие перечисленных выше тезисов на примере конкретных докладов по проблемам цивилизационной и национальной идентичности, исторической памяти и патриотического воспитания, сделанных участниками конференции.

В докладе **«Евразийский проект» как цивилизационная альтернатива западному мироустройству» А.П. Марков**, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, признает, что реальную альтернативу завершающему свой век западному неолиберализму представляет «Евразийский проект», убедительный для огромного географического и культурного пространства и значимый в контексте острейших проблем времени.

Это определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, народы Евразии объединяет культурная укорененность, что отличает евразийское пространство от западного мира, который еще на этапе заката модерна перешел в стадию цивилизации, которая есть смерть духа культуры, ее творческое бесплодие и окостенение. В группу приоритетных для евразийского мира ценностей входит справедливость – важнейший критерий оценки «правильности» намерений и действий институтов государственной власти и гражданского общества. Эту ценность разделяют представители всех евразийских цивилизаций – индуистской, конфуцианской, исламской, восточно-христианской.

Во-вторых, народы Евразии объединены духом неприятия неолиберальной модели жизнеустройства, разрушающей моральные принципы культуры и девальвирующей выстраданные историей духовно-нравственные ценности. Консолидирующим основанием евразийского пространства может стать идея всечеловеческого единства, выстраданная пророками и философами народов Евразии. Существенным ресурсом геополитической конкуренции евразийского проекта в глобальном пространстве является сохранившаяся пассионарность евразийских народов, энергия которой веками формировала этику мужества, верности и самоотверженности.

Автор подчеркивает, что статус духовного центра «евразийского континента» по праву принадлежит России как состоявшейся в социально-культурном и духовном смысле цивилизации, обеспечившей на предыдущих этапах истории синтез европейских и азиатских начал на основе примата закона кооперации – над законом конкуренции; торжество истины, добра, красоты и справедливости – над свободой; любви, альтруизма – над эгоизмом, индивидуализмом. Кроме того, трансконтинентальность России делает ее «посредницей между двумя мирами», определяет геополитический статус «интегрирующего хартленда». Существенным ресурсом духовной солидарности и ментальной совместимости евразийского пространства является и универсальная по своему духу русская культура, интегрирующая

и сохраняющая национальные традиции и духовный опыт других народов. В национально-культурную матрицу России встроены надэтнические, духовные основания идентичности.

Альтернативой разрушительного для человеческой солидарности западного индивидуализма и беспощадной рыночной диктатуры может стать «всемирная отзывчивость» и «всечеловечность» русских, определяющая направленность русской культуры на абсолютное чувство всеобщности. Важно и то, что Россия имеет огромный опыт противостояния силам зла, который сформировал на глубинном уровне «код выживания», определивший ментальные особенности и ценностные матрицы культуры – сострадание, напряженный поиск смысла жизни, социальная ответственность, чувство долга и служение идеалам, бескорыстие и подвижничество, стремление жить в мире справедливости.

Евразийский проект в условиях стремительного роста глобальных проблем является, по мнению автора, конструктивной альтернативой «паразитарной цивилизации» Запада – он способен востребовать сформировавшийся тысячелетиями истории духовный опыт народов Евразии, который станет цивилизационной основой стратегии выхода из тупика мирового кризиса.

В докладе **«Социогуманитарное пространство Большой Евразии: к поиску универсальных оснований» А.В. Яковенко**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой Луганского государственного университета, выражает убеждение в том, что интеграционное развитие современной Большой Евразии сложно себе представить без создания хотя бы общего контура культурных, общественно-исторических и философско-мировоззренческих оснований. С учетом начавшихся фундаментальных трансформаций и возможных процессов консолидации Большой Евразии автору представляется важным осмысление задачи постепенной подготовки к созданию более синтетической социогуманитарной платформы развития континента.

Это обуславливается как тенденциями к национально-исторической самодостаточности различных больших и малых народов Евразии, так и, собственно, необходимостью подведения под многочисленные экономические проекты объединения соответствующего консолидирующего конструктивно-дружеского мировосприятия общей континентальной и даже планетарной судьбы. Выработку основ объединяющего мировосприятия драматической истории, поиск и культивирование знаковых фигур, олицетворяющих духовное наследие огромного континента на гуманистическом поприще, формирование иных органических составных частей евразийского идейно-мировоззренческого конструкта целесообразно начинать уже в настоящее время.

Начало СВО, фактически ознаменовавшее радикально-активную фазу борьбы за многополярный мир, за право на учет интересов суверенных стран при формировании глобальной экономической, финансовой и промышленной политик, вольно или невольно подталкивает и к необходимости существенной

реvisions культурного ландшафта. Проекты по выработке универсальных оснований социокультурного развития Большой Евразии, включая обновленные подходы к оценке исторической эволюции человечества, должны осуществляться, по мнению автора, максимально корректно и предупредительно, с изначальным четким осознанием «взрывоопасности» этой инициативы.

Общие принципы универсальных оснований развития Большой Евразии, да и мира в целом многократно очерчивались и манифестировались. Здесь не требуется искусственного изобретательства. В предельно сжатом виде – это превалирование идей конструктивного самосовершенствования, общественного долга, социальной справедливости, добропорядочного поведения, осознание вселенской миссии человека в мироздании.

Автор приходит к выводу, что наметившаяся в последнее время финансовая, технологическая и промышленная монополизация условного Запада, сопровождающаяся его культурной деградацией, влечет за собой необходимость пересмотра не только принципов мирохозяйствования. Все более очевидной и насущной становится задача создания новой универсальной модели социогуманитарного развития, которая могла бы опираться на многообразное культурно-историческое наследие всех народов мира. Большая Евразия способна стать примером и инициатором пересмотра во многом односторонней западнцентристской системы восприятия исторической и идейно-духовной парадигм.

В докладе **«Потребности и дефициты этнической и гражданской идентификации в меняющейся цивилизационной парадигме Большой Евразии»** М.А. Аствацатурова, доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований Пятигорского государственного университета, отмечает, что успех проекта Большой Евразии во многом зависит от места и роли России. Ее особый статус определяется тем, что она сохраняет функционал Хартленда (имперского, советского, российского), притягивающего к себе многие «проливные территории», «средние и малые государства», конкурирующего со старыми цивилизациями; оптимизирует старые и формирует новые фронтиры с учетом современных внешних вызовов и рисков; обладает масштабными ресурсами, привлекательными для образования новых межгосударственных альянсов; представляет себя как государство-цивилизацию, нацию наций и даже как цивилизацию цивилизаций.

Определив, таким образом, уникальность положения нашей страны, автор анализирует некоторые проблемы современной России в отношении оптимального соотношения этнической и гражданской идентификации на групповом и личностном уровнях. Отмечено нарастание противоречий между социальными идентичностями как отражение противоречий и конфликтов современных цивилизаций, культур, социальных настроений, политических

позиций, ментальностей. Охарактеризованы разноречия в понимании и трактовках этнического патриотизма, гражданского патриотизма, государственного патриотизма, местного патриотизма; отсутствие четкого дискурсно-информационного, пропагандистско-объяснительного оформления российской национальной идеи не только с гражданским, но и с поликультурным, полиэтничным содержанием. Обозначены проблематичность сочетания консервативно-традиционалистской доктрины политики и управления с алгоритмами рыночной экономики, модернизационно-технологическими трендами, политико-программным плюрализмом; сложность воплощения внутриполитической российской объединительной повестки при сохранении стремления этнических сообществ к этнокультурному комфорту, этнополитическому равноправию, а в ряде случаев и к этнополитическому реваншу.

М.М. Амердинова, доктор философских наук, профессор Кыргызского национального университета, в докладе **«Цивилизационная и национальная идентичность в современных условиях миропонимания»** подчеркивает, что в современных условиях кризис национальной идентичности стал, действительно, глобальным феноменом, многим странам приходится определять смысл и стратегию своего исторического пути, государственности, своего будущего, настоящего и прошлого.

Под цивилизацией автор понимает исторически сформировавшееся общество этносов или наций, образующих самобытную интегральную социокультурную систему. В доиндустриальную эпоху – это суперэтническое сообщество, а в индустриальную эпоху – супернациональное сообщество.

Цивилизационная идентичность проявляется, по мнению автора, различным образом на уровнях этнической и надэтнической (национальной) цивилизаций. Субъект идентичности на уровне этнической цивилизации может быть представлен как цивилизационное сообщество объединяемых этносов. Содержание его цивилизационного самосознания – самобытность локальной цивилизации, являющаяся основой формирования сверхэтнического сообщества и сверхэтнической социокультурной системы. Субъект идентичности на уровне национальной цивилизации – цивилизационное сообщество этносов и наций. Содержание его цивилизационной идентичности – это критерии самобытности цивилизации как сверхнациональной социокультурной системы, характеризующие уникальность конкретной цивилизации.

В процессе формирования цивилизационного самосознания автор выделяет три последовательно усложняющихся формы: 1) эпизодические, поверхностные обобщения простых граждан в области определения значимых отличий цивилизации, к которой они ощущают принадлежность; 2) концептуальные и идеологические системы, разрабатываемые целенаправленно по принципу разделения общественного труда; 3) официальная государственная идеология (например, зафиксированная в конституции), которая

планомерно возвращается и внедряется властными структурами в массовое сознание. К концептуальным репрезентациям цивилизационного самосознания автор относит «национальную идею», «национальный характер», «национальный менталитет».

В докладе **«Ментальные основания формирования общероссийской гражданской идентичности: цивилизационный контекст»** Д.В. Полежаев, доктор философских наук, доцент; профессор, зав. кафедрой, руководитель регионального ресурсного центра гражданско-патриотического воспитания Волгоградской государственной академии последипломного образования, отмечает, что вопросы формирования общероссийской гражданской идентичности перешли сегодня из «лозунгово-демонстрационного» состояния в разряд практически значимых задач системы российского образования. Осмысление феномена общероссийской гражданской идентичности в цивилизационном аспекте необходимо учитывает особенности социальной детерминации ментальности личности и специфику менталитета общества, связанную с особой формой взаимодействия личности и социальной среды.

Автор предлагает рассматривать упорядоченное ценностно-смысловое идентификационное пространство в форме «Матрицы идентичности», в которой представлены в той или иной степени все значимые для человека смыслы и ценности жизни. Четыре больших раздела данной матрицы отражают особенности субъектного самоопределения/самоидентификации – как феномена и социального процесса, проявляющиеся на уровнях: 1) индивидуального самосознания (блок «Индивид»), 2) личностного самосознания (блок «Личность»), 3) социального самосознания (блок «Общество»), 4) гражданского самосознания (блок «Гражданин»). Концепты матрицы во многом сопрягаются с социально-культурными установками менталитета/ментальности, поскольку являются и ценностно-смысловыми проявлениями сфер культуры. Эти концепты являются проявлениями глубинных смыслов бытия человека, а не исключительно внешних его проявлений. Автор считает, что концепты матрицы можно рассматривать как цивилизационные характеристики разноуровневых социальных субъектов, фиксирующих ментальные отличия.

Л.И. Богданова, доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой Факультета иностранных языков и регионоведения МГУ, в докладе **«Формирование культурной идентичности молодежи через изучение русского языка»** стремится показать, как выявление скрытых культурных смыслов на занятиях по русскому языку помогает осознавать ценность своей культуры и свою причастность к ней. Автор отмечает, что роль родного языка в процессе сохранения и трансмиссии культурных ценностей невозможно переоценить.

Сущность национально-культурной идентичности заключается в осознанном принятии человеком культурных норм и образцов поведения, языка и ценностных ориентаций, данных ему в том числе и через родной язык. Культурная идентичность вырастает из коммуникации, формируется в обмене мнениями, в общении. *Общенье*, являющееся большой ценностью для русских, непосредственно связано и с другими русскими ценностями.

Проведенное исследование позволило автору прийти к заключению о том, что национально-культурная идентичность не формируется стихийно, общий, консолидирующий смысл, объединяющий людей одной культурно-языковой общности, не воспроизводится и не циркулирует сам по себе. Процесс трансляции ценностей требует приложения значительных усилий по декодированию скрытых культурных смыслов.

К.В. Цеханская, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, в докладе **«Специальная военная операция и Русская церковь: позиция мира и клира»** обращает внимание на то, что с момента развала СССР не прекращались попытки насильственного реформирования России по эталонам глобалистской модели западноевропейского и англо-саксонского мира. Российская Федерация подвергалась мощным, точечным атакам, направленным на основные системы российского жизнеустройства – социальный уклад, веру, этику, мораль, ментальный традиционализм народов страны, на историческое мышление и целеполагание, духовно-нравственные идеалы жизни. При этом главный удар коллективного Запада в XXI в. приняла на себя российская государственность как целостный, исключительно самобытный цивилизационный феномен мировой истории.

Автор отмечает, что обычно Россия была страдательной стороной военных конфликтов. Она переживала нашествие иноплеменных, противостояла натиску монголов, шведов, поляков, французов, немцев. 24 февраля 2022 г. нам пришлось вступить на земли как бы суверенного государства Украины, члена организации Объединенных Наций. Это для нас было ново. В этот момент, безусловно, потребовалась общенародная поддержка действий государственной власти. И эта поддержка была получена. Одним из первых выразил одобрение и поддержку СВО такой важнейший институт Российской государственности, как Русская православная церковь. Русская церковь сразу же, как и в июне 1941 г., вышла на свое жертвенно-молитвенное служение стране. Российские приходы вместе со священством и прихожанами начали помогать – духовно и материально – воинам, находящимся на передовой, в госпиталях. Возродился институт военного духовенства, на передовую отправлялись и отправляются добровольцы-священники, духовно окормляющие военнослужащих, совершающие даже во время боевых действий таинства Крещения, Исповеди и Причащения. Вместе с началом СВО в Русской церкви возродилась традиция построения мобильных походных храмов.

Автор особо подчеркивает, что ни один из священников РПЦ не участвует в СВО с оружием в руках, батюшки либо окормляют бойцов СВО, либо служат волонтерами, поварами, водителями, медработниками. Среди военнослужащих на СВО есть особое отношение к иконам с образами Спасителя, Божией Матери и святых как защитников и покровителей русского православного воинства. Все 300 епархий РПЦ активно включены в дело духовной и материальной помощи ВС РФ.

Сегодняшняя кампания на Донбассе отмечена особенным почитанием Богородицы. Популярность и востребованность в зоне СВО приобрели образки Казанской иконы Божией Матери в виде шевронов, нашиваемых непосредственно на одежду военнослужащих. Прихожане, верующие и просто православный социум страны почти единодушно восприняли идею СВО как идею освободительной, справедливой войны. Единомыслие православного социума носит даже более устойчивый и цельный характер, чем единство в среде священства, что лишней раз доказывает, что хранителем идеалов православия является, прежде всего народ. Сегодня основная борьба, настоящая спецоперация происходит в умах нашего народа, в сознании и ментальности наших людей, которые за 30 лет развернулись было в сторону западных ценностей. И, как всегда, на передовой этой борьбы стоит русский солдат, РЦ и православный клир и мир.

В докладе **«Политика памяти как фактор сохранения идентичности на постсоветском пространстве» Т.С. Черемной**, кандидата политических наук, сотрудника РАНХиГС при Президенте РФ, «политика памяти», или «историческая политика» рассматривается как набор методик, средств и приемов, с помощью которых власть (на данный момент находящаяся во главе государства правящая элита) утверждает в обществе определенные интерпретации исторических событий, используя имеющиеся у государства финансовые и административные ресурсы.

В докладе были определены цели исторической политики, такие как легитимация действий власти, укрепление власти посредством повышения ее значимости в историческом контексте, формирование и усиление идентичности и государственности путем направления внимания граждан на героическое прошлое, уникальность и исключительность нации, высвечивание нужных власти исторических событий и сокрытие других менее важных и значимых, или даже опасных или невыгодных в данный момент исторического развития, и, наконец, манипулирование поведением масс.

Таким образом, политика памяти, с одной стороны, преследует корыстные властные интересы правящей элиты. С другой стороны, является некоторым экзистенциальным фактором, раскрывающим глубинные, сущностные, духовные характеристики народа.

Страны постсоветского пространства, как показывает автор, с момента обретения своей независимости опасаются потери государственной самостоятельности, ассимиляции, депортации или геноцида. Именно это во многом обуславливает «особое отношение» к России. Все это подталкивает постсоветские страны писать свою историю или же использовать более древние исторические события для акцентирования своей идентичности. На уровне отдельных республик существуют и свои особенности в построении политики памяти. Представлению этих особенностей и посвящается основная часть доклада.

Д.И. Наумов, кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь Белорусской государственной академии связи, в докладе «**Мифологический компонент в постсоветских мемориальных войнах**» рассматривает роль мемориальных войн в системе конфликтогенных манипуляций различных акторов с исторической памятью. Мемориальные войны выступают как инструмент идеологически ангажированной исторической политики, внутривнутриполитической борьбы и информационного противоборства, который может быть использован на локальном, региональном, национальном и международном уровнях. В мемориальных войнах автор выделяет два основных блока – идеологический и социоинженерный. В рамках идеологического блока актуализируется совокупность мифологем и нарративов про «золотой век» сообщества, которые в исторической ретроспективе или в перспективе эксплицитно определяют эталон развития национальной государственности, имплицитно – легитимируют определенных политических акторов и/или политический режим. В рамках социоинженерного блока актуализируется комплекс социальных технологий и практик, необходимых для объективации мемориальных войн в реальной жизни сообщества. В современных исторических условиях они обычно представлены в формате идеологически мотивированного переписывания учебников по истории, создания и тиражирования квазиисторических проектов массовой культуры, разрушения архитектурных или монументальных памятников прошлой исторической эпохи по идеологическим мотивам. В целом мемориальные войны нацелены на идеологически, политически и экономически ангажированные реинтерпретации прошлого в контексте этноцентристских или теократических концепций истории, рассматриваемых в качестве инструмента политической мобилизации общества в условиях серьезного политического конфликта. Ярким примером в этом отношении автор считает практику культурной маргинализации и геттоизации советского прошлого в странах Балтии.

К базовым компонентам постсоветских мемориальных войн, имеющим существенный деструктивный потенциал, автор относит, во-первых, установку на секьюритизацию исторической памяти, которая актуализирует войну с идеологическими врагами; во-вторых, виктимизацию этнонацио-

нального сообщества, которое начинает рассматриваться как жертва каких-либо экстремальных социальных явлений или насильственных практик с конструированием соответствующего статуса с набором стереотипов и ролевых моделей поведения, враждебных в отношении культурно чуждых индивидов и групп; в третьих, актуализацию в медийном пространстве «моральных паник», имплицитно выступающих в качестве инструмента социального контроля и символической легитимации определенных социальных ценностей, практик и институтов. При этом результатом «моральных паник» в современном обществе являются не столько конкретные социальные действия определенных акторов (как реальные, так и воображаемые), сколько их медийная репрезентация и социальные оценки алармистского характера.

Автор отметил также наличие определенного мифологического компонента в постсоветских мемориальных войнах, в значительной степени определяющего их нормативно-ценностное, символическое и смысловое содержание.

И.Д. Ибрагимов, кандидат педагогических наук, доцент, проректор Пятигорского государственного университета, в докладе **«Патриотизм как основа упрочения гражданского единства полиэтничного и поликонфессионального российского общества в условиях политических изменений»** подчеркивает, что гражданский патриотизм приобретает особую значимость в современной России в связи со следующими обстоятельствами. Постсоветская Россия, пройдя сложнейший путь политического демократического транзита, стала государством, которому необходима сплачивающая идентификационная платформа для граждан, которой и является патриотизм. Современная Россия совершает трудоемкий поворот от неолиберальной, управленческой парадигмы к консервативно-традиционалистской доктрине осуществления политики, власти, управления, а также к гражданско-патриотическому активизму как к доктрине, которая исторически, культурно, ментально присуща российскому государству и обществу. Современные российские политические элиты, прежде всего Президент РФ В. Путин, признают патриотизм одной из ведущих традиционных духовных ценностей, на которой держатся иные ценности, присущие отношениям внутри российского общества, а также отношениям государства и населения.

Настоятельная необходимость в патриотическом единении российских граждан очевидна в ситуации постоянного ужесточения геополитической ситуации, ухудшения международных отношений, в которых Россия вынуждена противостоять враждебным акциям со стороны США, стран ЕС и других недружественных стран. Россия наполняет свой суверенитет новым содержанием, новой миссией как альтернативного лидера и как гаранта справедливого миропорядка и принципа равных возможностей для всех стран, наций, народов на просторах Большой Евразии, которые существенно изменяются.

Автор особо отмечает, что стабильность в полиэтничном и поликонфессиональном российском обществе может сохраняться лишь при нейтрализации вмешательства во внутренние дела России внешних агентов межэтнических конфликтов и гибридных войн. Данному вмешательству призван противостоять и гражданский патриотизм российского общества, предполагающий надэтническую и надконфессиональную консолидацию.

З.В. Сикевич, доктор социологических наук, профессор Факультета социологии Санкт-Петербургского госуниверситета, в докладе **«Патриотизм как ядро национальной идентичности»** исходит из того, что этническая идентичность и национальная идентичность не являются взаимозаменяемыми синонимами. В этнической идентичности структурообразующими элементами являются язык и культурные традиции, а в национальной идентичности – согражданство. Содержательная структура национальной идентичности проявляется в форме признания системы определенных базовых символов, которые составляют основу солидарности. Структурообразующим символом является патриотизм как интегральная характеристика национальной идентичности, включающая как государственную символику (в частности, гимн, флаг, герб), так и политические, исторические, в меньшей степени культурные и морально-этические символы.

Система символов выполняет защитно-адаптивную и консолидирующую функции в формировании и утверждении национальной идентичности. Ее становление первоначально формируется в ходе первичной, семейной, социализации, но закрепляется в процессе вторичной, институциональной социализации.

На основе проведенных в 2021 и 2023 гг. опросов автор приходит к следующим выводам:

1. Для большинства участников обоих опросов «патриотизм» – это в первую очередь чувство и лишь во вторую – поступок во благо Родины.
2. Если в опросе 2021 г. патриотический поступок – это прежде всего «деятельность во благо Родины», то в 2023 г. – «защита Родины».
3. Для патриота главная ценность – это Родина, которая интерпретируется как место рождения, реже как страна и государство, для националиста – нация, его народ.
4. За два года произошло значительное изменение в интерпретации образа националиста в положительную сторону, который в трактовке половины респондентов становится почти синонимичным образу патриота.
5. Участники опроса в отличие от некоторых политологов разделяют понятие «националист» и «нацист». Националист может быть со знаком плюс, нацист всегда со знаком минус.

Е.А. Агапова, доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой Института философии и социально политических наук ЮФУ, в докладе **«Деструктивные вызовы современной цивилизации: национальная идентичность и патриотизм»** обращает внимание на то, что глобалистский «диалог» приобретает императивную риторику, требует от представителей других культур принять парадигму цивилизационного развития Запада, пожертвовав своими собственными цивилизационными предпочтениями и идентичностью. XXI в. автор называет эпохой конкурирующих мировоззрений.

Защита идентичности и государственности в настоящее время может быть обеспечена, по мнению автора, единой идеологией и адекватной цензурой, безусловно, необходимой в условиях ведущихся информационных войн. Цензура должна сохранять уровень культуры и предотвращать проникновение низкокачественного контента, деформирующего общественное сознание. Необходим и вытнтый «Образ будущего», при наличии которого вопрос национальной идентичности перестанет быть проблемой, а любовь к Родине станет естественным состоянием человека.

Н.С. Чернякова, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета в докладе **«Патриотизм как идеологическая основа суверенной системы образования»** подчеркивает, что решимость десятков тысяч граждан России бороться с фашизмом и отстаивать суверенитет своей страны в ходе СВО стала свидетельством неуничтожимости патриотизма как важнейшего проявления человеческого достоинства граждан России, как естественного социокультурного качества всех, у кого есть только одна Родина, и кто будет защищать ее независимо ни от какой государственной идеологии. Однако СВО заставила задуматься о том, что должно быть целью воспитания молодого поколения. Автор отмечает, что в течение трех десятилетий после распада СССР система образования в России была озабочена главным образом проблемой выживания и всячески оберегала школьников и студентов от участия в общественно-политической жизни страны.

Культурно-историческое значение СВО состоит в том, что она создала реальную возможность для возрождения России в качестве суверенной страны, обладающей не только великим прошлым, но и вдохновляющим будущим, за которое сражаются подлинные наследники великих завоеваний предков. СВО наглядно демонстрирует, что патриотизм – это одно из проявлений достоинства личности, осознающей свою суверенность, обладающей свободой воли и неотъемлемым правом действовать на основании собственных суждений. Достоинство как качество личности включает в себя безусловное руководство социокультурными нормами и усвоение основополагающих принципов социокультурной коммуникации, к числу которых относится не только уважение другой личности, но и неприкосновенность автономии собственной личности, семьи и Родины.

Воспитать патриотов могут только патриоты, проявляющие в повседневной жизни спокойное мужество людей, преданных своим близким, своим предкам, своим традициям, своей культуре, своей вере и готовых защищать свою землю от захватчиков и свой народ от гибели. Только такие люди могут обеспечить развитие суверенной системы образования и подготовку молодого поколения к дальнейшему развитию собственной страны.

Суверенная система образования обеспечивает трансляцию знаний, необходимых для существования собственной суверенной страны, опираясь на опыт предшествующих поколений, создававших и развивавших эту систему. Никакие реформы суверенной системы образования не могут проводиться на основании того, что в каких-то иных государствах существуют иные системы образования.

О.В. Бахлова, профессор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, доктор политических наук, и **И.В. Бахлов**, доктор политических наук, зав. кафедрой Национального исследовательского Мордовского государственного университета, в докладе **«Военно-патриотическое воспитание в политической повестке России и Белоруссии»** отмечают, что военно-патриотическое воспитание является одним из важнейших направлений государственной политики патриотического воспитания в Российской Федерации и Республике Беларусь, и демонстрируют значимость военно-патриотического воспитания на примере президентской и государственной повесток РФ и РБ.

В России военно-патриотическое воспитание рассматривается в увязке с воспитанием патриотизма и гражданственности, с сохранением и защитой исторической правды, достижением единства и сплоченности нации. Многие элементы российской повестки ориентированы на сферы государственной молодежной политики, государственной национальной политики, государственной политики в сфере образования. Постановка соответствующих задач, как правило, коррелирует с юбилейными датами отечественной военной истории и акцентирует необходимость борьбы с искажением мировой и отечественной истории, обелением неонацизма, размыванием ценностей, нагнетанием информационного противоборства.

Многие инициативы Президента и Правительства РФ по военно-патриотическому воспитанию адресованы молодежи (создание центров военно-спортивной подготовки и патриотического воспитания молодежи, возрождение деятельности Российского исторического общества, Российского военно-исторического общества, создание Фонда истории Отечества). Особое значение в этой повестке имеет военно-мемориальная работа.

В настоящее время общая героическая тема в плоскости военно-патриотического воспитания России во многом концентрируется вокруг вопросов,

связанных с ходом и результатами СВО. Существенное внимание уделяется и развитию военно-исторического туризма.

Авторы отмечают, что в официальной политической повестке Республики Беларусь просматривается много сходных черт с РФ. Ее лейтмотив в военно-исторической плоскости – тема Победы в Великой Отечественной войне и необходимость сохранения исторической памяти. Вместе с тем авторы обращают внимание на более четкую, в сравнении с РФ, детализацию определения и содержания понятия «военно-патриотическое воспитание». Об усилении институционализации политической повестки в рассматриваемой сфере свидетельствует учреждение Республиканского межведомственного координационного совета по патриотическому воспитанию населения РБ как постоянно действующего коллегиального совещательного органа. Как и в России, значимое место в официальной повестке РБ занимает мемориальная работа.

В докладе «**Патриотическая идея в современной России**» С.А. Попова, кандидат экономических наук, доцент, руководитель Научного центра УМЦ, подчеркивает, что необходимость четкого понимания патриотической идеи населением нашей страны и институтами государства становится все более очевидной.

В связи с этим автор предлагает к рассмотрению следующие критерии патриотической идеи:

- Патриотическая идея должна отражать воззрения большинства населения страны на вопросы справедливости и цели существования государства и общества;
- Патриотическая идея должна быть исторически обусловленной;
- Патриотическая идея должна быть привлекательной для других народов;
- Должен быть представлен конкретный и доступный для широкого восприятия механизм реализации патриотической идеи.

Автор полагает, что в настоящее время мы можем и должны опираться на плодотворный опыт идеологической и патриотической работы советского государства, прогрессивная идеология (для своего времени) которого позволила большей части человечества найти новый смысл существования и дала надежду на возможность построения справедливого общества как в отдельно взятой стране, так и в мире в целом.

Суть патриотической идеи может найти свое выражение не только в некоторых нормативных документах, но и в идеологических моделях и в единых мировоззренческих установках, в социальной ответственности власти перед обществом. Это может быть реализовано через образование, культуру и изучение истории по единым стандартам.

Е.А. Мезенцев, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой Омского государственного технического университета, в докладе **«Патриотизм как основа мировоззренческой безопасности»** обращает внимание на то, что в современном мире стремительно меняются ценности нравственности и культуры, которые были базовыми для предыдущих эпох. В этих условиях на первый план выдвигается проблема духовной, идеологической, мировоззренческой безопасности как отдельно взятой личности, так и целого поколения, общественных институтов, государства в целом. Задача духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи становится одной из приоритетных задач в обеспечении национальной безопасности страны. Учебный процесс необходимо выстраивать таким образом, чтобы современные выпускники вузов обладали не только высоким уровнем профессиональных компетенций, но и имели качественную идейно-нравственную, этнокультурную и патриотическую подготовку. В этой связи автор представляет опыт решения этих задач в ОмГТУ, в котором с 2016 г. преподается учебная дисциплина «Основы мировоззренческой безопасности».

В докладе **«Современный российский патриотизм: состояние, уровень развития, проблемы»** **А.Н. Аверков**, директор Средней школы № 42 г. Могилева, отмечает, что будущее Российской Федерации невозможно представить без возрождения традиционных ценностей и идей, среди которых основополагающей является идея патриотизма, играющая значимую роль в становлении и развитии российской государственности. Во все периоды существования цивилизации патриотизм играл особую роль в духовной, экономической, политической, социальной и культурной жизни народа. В прямом смысле своего значения патриотизм является фундаментом государственности, залогом эффективного функционирования всей системы социальных и государственных институтов.

Российскому патриотизму присущ, по мнению автора, ряд особенностей:

- глубоко сознательный и народный характер, высокая ответственность россиян за судьбу Родины, ее надежную защиту;
- державность. Она отражает тот исторический факт, что в течение большей части своей истории Россия являлась великим государством, оплотом которого была армия;
- интернациональный характер. Российский патриотизм несовместим с национализмом и его наиболее опасной формой – шовинизмом, порождающим неприязнь к другим народам;
- не созерцательный характер. Российский патриотизм всегда выступает как мощный духовный фактор в решении практических задач развития общества.

Патриотическое воспитание, подчеркивает автор, должно быть плановым, системным и одним из приоритетных направлений в области воспитательной деятельности.

С.Л. Доненко, студент Кыргызско-Российского Славянского университета, и **И.Л. Доненко**, кандидат физико-математических наук, и.о. доцента Кыргызского авиационного института, в докладе **«Современное патриотическое воспитание с использованием ИИ технологий как основа борьбы с пагубным и агрессивным западным влиянием на российских детей»** высказывают убеждение в том, что традиционные методы борьбы с пагубным внешним влиянием на молодежь могут оказаться неэффективными в современной информационной среде.

Искусственный интеллект, полагают авторы, может стать важным инструментом в патриотическом воспитании молодежи. Это определяется тем, что благодаря этой технологии открывается возможность адаптировать методы патриотического воспитания к интересам и потребностям современных детей и подростков, делая процесс обучения более интерактивным и привлекательным за счет анализа интересов и предпочтений каждого ребенка и предоставления персонализированных рекомендаций и материалов. За счет этого можно создавать интерактивные приложения и игры, которые могут погрузить детей в различные эпохи и события российской истории, делая процесс обучения увлекательным и запоминающимся; создавать платформы для обсуждения и развития национальных идей, культурных и исторических проектов, способствуя укреплению национального самосознания. Все это делает перспективным создание обновленных комплексных образовательных программ, которые представляют историю и культуру страны в объективном и положительном свете, учитывая различные исторические и культурные аспекты, выявления и коррекции неверной или искаженной информации, помогая формировать у молодежи правильное представление о своей стране, что делает процесс обучения более эффективным.

Авторы отмечают, что технологии искусственного интеллекта открывают новые горизонты в области патриотического воспитания. Они позволяют делать процесс обучения более гибким, интерактивным и персонализированным, учитывая индивидуальные особенности и интересы каждого ребенка. ИИ становится мостом между традиционными методами воспитания и современными реалиями, помогая адаптировать старые подходы к новым условиям. Однако технологии – это лишь инструмент. Они могут усилить и улучшить процесс воспитания, но основой остается человеческий фактор – любовь к Родине, уважение к своей истории и культуре, желание передать эти ценности следующему поколению.

В.И. Спиридонова, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН, в докладе **«Проблема “негативного**

патриотизма” в российском сознании» обращает внимание на то, что с началом Специальной военной операции мы столкнулись с явлением в части российского общества, которое выражалось в нежелании поддерживать собственную страну, а в наиболее радикально настроенной части интеллигенции и с открытым желанием проигрыша России в обострившемся конфликте с Западом. Эта антипатриотическая позиция, как показывает автор, не обладает исторической новизной. Та же ситуация имела место столетие тому назад, когда началось масштабное столкновение с антироссийским фронтом сначала в форме русско-японской войны, а затем и Первой мировой. Настроения по поддержке врага в среде русского общества получили название «обратного патриотизма», «патриотизма наизнанку». «Негативный патриотизм» сегодня, как и тогда, имеет своим истоком утрату чувства исторической ретроспективы и перспективы.

Особенности исторического генезиса породили у части русской интеллигенции устойчивое ощущение собственного **провинциализма** по отношению к европейскому миру. При этом преодоление его эта часть русской интеллигенции видела и видит не в суверенном развитии России и ее творческих особенностей, не в формировании собственной российской идентичности, а в подчинении Европе. «Негативный патриотизм» не ограничивается идейными заблуждениями внутри части российского общества. Из него рождается более грозное явление русофобии, которая подпитывается исторически устойчивым мировоззрением самого западного общества, а сегодня активно используется как информационное оружие разрушения нашей страны. Ожесточенная русофобия явно указывает на то, что противоборство России и коллективного Запада приняло экзистенциальный характер и ведется во имя сохранения самого бытия России, за признание самоценности своеобразной русской цивилизации, не менее важной для человечества, истории и культуры, чем европейская и американская. Миссия России в сегодняшнем мире, подчеркивает автор, – это миссия спасения себя и человечества, а также уничтожения препятствий для построения нового мирового порядка, основанного не на «правилах», а на законе и справедливости.

В докладе **«Патриотизм в современной России: проблема понимания истинного смысла» В.И. Лутовинов**, доктор философских наук, профессор РАНХиГС при Президенте РФ, выражает убеждение в том, что «патриотизм» следует понимать в трех аспектах. Во-первых, как любовь к своему Отечеству, возвышенная и преданная. Во-вторых, как неотъемлемость, неотделимость от своего Отечества, неразрывность, прежде всего, духовной, исторической, родовой, национальной, территориальной (географической) связи с ним. В-третьих, как деятельное, вплоть до самопожертвования, служение Отечеству, высшим проявлением которого является его защита от врагов с оружием в руках. Важнейшую сторону патриотизма составляет

убежденность в необходимости всесторонней, в том числе военной, защиты Отечества. Его практическим выражением является морально-психологическая готовность населения к отражению возможной внешней агрессии, забота общества о Вооруженных силах страны, ответственное отношение граждан к выполнению воинского долга.

В понимании патриотизма у части населения современной России наблюдаются и некоторые негативные черты, которые выражаются, например, в бездуховном понимании патриотизма, лишенного его истинной сущности – любви как наивысшей ценности, подмене ее иными – политическими, правовыми, социальными, экономическими, психологическими и другими основами, позициями, аргументами. Могут находить выражение непонимание, сужение, размывание, принижение, вплоть до уничтожения главного объекта патриотизма – Отечества (России), сведение его к одной из многих, зачастую негативных сторон, проявлений нашего бытия. Типичным является и индивидуализация главного объекта патриотизма посредством субъективизации, перенесение любви к Отечеству на себя, на собственное «Я», которым определяется все остальное вследствие эгоцентризма и безусловного приоритета личных потребностей, взглядов, ценностей, интересов, целей и т.д. по отношению к обществу, государству и даже группе, коллективу, семье.

В других случаях приходится констатировать игнорирование смысла и значения патриотизма онтологически и аксиологически, а именно: непонимание сущности, места и роли патриотизма в обществе, государстве и своей личной жизни, а также низведение этой высшей ценности на более низкий уровень в иерархии смыслов, позиций, принципов, мотивов; десакрализация, деидеологизация и дегероизация патриотизма как одной из высших идей и ценностей, низведение его до приземленного бытового уровня, потребительских услуг, исключение бескорыстия, самопожертвования, ограничения своей жизни какими-либо обязательствами, ответственностью, оказанием необходимой поддержки, помощи и т.д.

Плюрализм мнений как общепринятая установка приводит к широчайшей поляризации понимания патриотизма: «Каждый понимает его по своему!», что ведет, в свою очередь, к неприятию деятельностной, созидательной, мобилизующей направленности и силы патриотизма, предполагающих служение Отечеству не на словах, а на деле – в реальном решении тех многих проблем, которое призвано обеспечить благо обществу и каждому гражданину, и закикливанию большинства граждан на патриотизме первого (низшего) уровня без стремления к восхождению на второй (высший, духовный) уровень вследствие множества нерешенных проблем в современной России, вызывающих разочарование, пессимизм, критицизм, нигилизм, самоуничтожение, утрату пассионарности, нежелание что-либо изменять и т.д.

В общественном мнении получает распространение точка зрения, согласно которой патриотизм чрезмерно политизируется и используется в качестве инструмента правящей власти для укрепления солидарности, консолидации, нейтрализации противоречий и конфликтности в обществе и государстве, обеспечения стабильности в интересах господствующей и непатриотичной элиты, ее дальнейшего обогащения за счет большинства граждан.

Сложности и нерешенные вопросы патриотического воспитания в современном российском обществе, по мнению автора, во многом объясняются тем, что его цель и задачи далеко не в полной мере понимаются (соответственно, и не реализуются в полном объеме) основными субъектами этой деятельности.

Завершая обзор докладов по проблемам цивилизационной и национальной идентичности, исторической памяти и патриотического воспитания, представленных на VI Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества», считаем необходимым подчеркнуть следующее.

1. Идентичность – это системообразующий фактор социальных образований различного уровня – группы, этноса, нации, цивилизации.
2. Особую значимость цивилизационная и национальная идентичность приобретают в переломные моменты истории. Происходящий в настоящее время переход к многополярному миру сопровождается усилением конкуренции основных мировых цивилизаций, однако создает и предпосылки для развития и сотрудничества цивилизаций.
3. Партнерство цивилизаций представляется не только высшей формой сотрудничества, но и насущной необходимостью при решении глобальных проблем в контексте современности. Это партнерство имеет особое значение для успешного становления и развития Большой Евразии. Идея Большой Евразии является не абстрактной геополитической схемой, а цивилизационным мегапроектом, который может стать основой нового мирового порядка. Данный проект должен формироваться на основе фундаментальных ценностей международного права и международных коммуникаций; отрицать любые формы универсализма или ценностного превосходства; поддерживать многообразие культур; укреплять нравственные устои общества и семьи, повышать роль мировых и традиционных религий.
4. Основой идентичности нации является историческая память, которая воспроизводит непрерывность и преемственность ее социально-экономического и духовного бытия. В современной сложной внутренней и внешнеполитической обстановке требуются адекватные ответы на вызовы и угрозы, в том числе на идеологическую и информационную экспансию с целью фальсификации имеющих общемировое значение исторических

процессов и событий. Сохранение исторической памяти – одна из наиболее значимых задач для России в первой половине XXI в.

5. Историко-культурное наследие – первооснова самоидентификации гражданина и общества в целом. В области патриотического воспитания необходимо перенести акцент с демонстрационно-развлекательного подхода к историко-культурному наследию на его воспитательную функцию и функцию интегратора местных сообществ, используя и распространяя лучший отечественный и зарубежный опыт.

Герасимов Владимир Иванович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Университета мировых цивилизаций.
119049, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1.

Vladimir I. Gerasimov – Ph.D. in Philological Sciences, Leading Researcher, University of World Civilizations.
119049, 1/2 Leninsky prospect, Moscow, Russia.
coopinion@mail.ru

Коданева Светлана Игоревна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам.
117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21.

Svetlana I. Kodaneva – Ph.D. in Law, Leading Researcher, Institute of Scientific Information on Social Sciences.
117418, 51/21 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia.
kodanevas@gmail.com

Лутовинов Владимир Ильич – доктор философских наук, профессор Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.
119606, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 84, корп. 1.

Vladimir I. Lutovinov – Sc.D. in Philosophy, Professor, Institute of Law and National Security of the RANEPa under the President of the Russian Federation.
119606, 84/1 Vernadsky prospect, Moscow, Russia.
Lutovinov_vi@mail.ru

Попова Светлана Александровна – кандидат экономических наук, доцент, руководитель Научного центра Университета мировых цивилизаций
119049, Россия, Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1

Svetlana A. Popova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Scientific Center of the University of World Civilizations.
119049, 1/2 Leninsky prospect, Moscow, Russia.
svetpopzhuk@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Е.А. Тюгашев

В фокусе внимания российская цивилизация

Evgeny A. Tyugashev

Russian civilization in the focus of attention

В обзоре рассматриваются монографии о российской цивилизации, изданные в 2022–2024 гг. Авторы понимают, что в современной обстановке концепт российской цивилизации стал знаковым. Особое внимание уделено философско-теоретическим представлениям, интерпретирующим под новым углом зрения эмпирию цивилизационного развития России. При характеристике специфики российской цивилизации внимание больше обращается на географический фактор, чем на этнический субстрат. Акцентируется цивилизационная ценность православия в борьбе за идентичность России и будущее человечества. Авторы расширяют горизонты понимания феномена цивилизации путем биосферной интерпретации ее прафеномена, дифференциации инфернального и сакрального в цивилизационном развитии. Оригинальна трактовка Крыма как культурной парадигмы русской цивилизации. Проблемами российской цивилизационистики являются недостаточная эмпирическая обоснованность суждений, абстрактная концептуализация эмпирии, неполнота сравнительного анализа России с другими цивилизациями, отсутствие рефлексии кумулятивности и преемственности в личном научном творчестве.

Ключевые слова: Россия, цивилизация, локальная цивилизация, российская цивилизация, цивилизационный анализ, цивилизационная идентичность.

The review examines monographs on Russian civilization published in 2022–2024. The authors understand that in the modern world, the concept of Russian civilization has become iconic. Special attention is paid to philosophical and theoretical concepts that interpret the empyria of Russia's civilizational development from a new angle. When characterizing the specifics of Russian civilization, attention is paid more to the geographical factor than to the ethnic substrate. The article emphasizes the civilizational value of Orthodoxy in the struggle for the identity of Russia and the future of mankind. The authors expand the usual horizons of understanding the phenomenon of civilization by means of a biosphere interpretation of its praphenomenon, differentiation of the infernal and sacred in the civilization development. The interpretation of Crimea as a cultural paradigm of Russian civilization is original.

The problems of Russian civilizationistics are the insufficient empirical groundlessness of judgments, the abstract conceptualization of empiricism, the incompleteness of a comparative analysis of Russia with other civilizations, the lack of reflection of cumulateness and continuity in personal scientific creativity.

Keywords: Russia, civilization, local civilization, Russian civilization, civilizational analysis, civilizational identity.

В современной обстановке концепт российской цивилизации стал знаковым. Даже традиционные по тематике и подходам гуманитарные работы позиционируются как исследования российской цивилизации [7]. Поэтому особый интерес представляют философско-теоретические представления, интерпретирующие под новым углом зрения в общем-то всем известную эмпирию цивилизационного развития России. В данном обзоре будут рассмотрены монографии последних лет, посвященные цивилизационной интерпретации России.

Русская цивилизация, Великая Победа и новые вызовы XXI века: сборник материалов научной конференции, прошедшей 12 ноября 2020 г., организованной РИИИ и Институтом Наследия. (Из цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе») [Электронное сетевое издание]. М.: Институт Наследия, 2022. 228 с.

В предисловии к сборнику А.Л. Казин фокусирует внимание на роли России как цивилизационной оппозиции Западу. По его мнению, последний – это остывшая (или остывающая) цивилизация. Запад переходит в антихристианскую форму существования, стремясь к «темным (вплоть до inferнальных) уровням тварного существования» [9, с. 4]. А назначение Святой Руси состояло всегда в исполнении роли «удерживающего» в нисходящем движении истории [9, с. 5]. Данное убеждение А.Л. Казина является ключом к пониманию статей сборника, в основном раскрывающих различные практики исторической преемственности в России. Часть статей затрагивает проблемы цивилизационного развития.

В статье В.Н. Расторгуева «Вызовы времени и цивилизационная миссия России» главная угроза будущему видится в том, что современность – это «минное поле», «полное “неразорвавшихся зарядов”, которые уже заложены нами или предыдущими поколениями, но карты этих закладок утрачены, сознательно уничтожены или забыты в архивах по многим причинам» [3, с. 9–10]. Поскольку в рамках сложившейся практики «короткой истории» мало кто задумывается об отдаленных последствиях, то миссия русской цивилизации, как писал В.Н. Расторгуев, должна состоять в обеспечении преемственности во всех сферах жизнедеятельности [3, с. 21]. Это означает: установление добровольных табу на собственные помыслы и желания, традиционализм, память об обязательствах перед своими соотечественниками

и историческими союзниками, чувство ответственности перед уходящими и ушедшими поколениями, чувство долга перед потомками.

Автор полагает, что цивилизационная миссия России требует самоотречения. Но это противоречит принципу преемственности и достаточно, по-видимому, самоограничения. И все высказанное верно для любой цивилизации, рассчитывающей на устойчивое развитие. Поэтому миссия преемственности не специфична для России, а присуща многим другим цивилизациям. Вероятно, именно России данную миссию особенно трудно реализовать из-за традиции самоотречения.

В статье «Технологии зла и русский выбор» А.Л. Казин развивает тему глобального инферногенеза, использующего виртуальные технологии и ведущего к формированию цивилизации зла. «Постмодернистская цивилизация находится в плену у своих неклассических технологий, это пиррова победа прометеевско-фаустовского проекта», – пишет А.Л. Казин, предсказывая появление глобального Мефистофеля в виде трансгуманистического киборга [3, с. 29]. Будучи срединной цивилизацией, Россия стоит перед выбором и должна вместе с Китаем, Индией и миром ислама вернуться к великой традиции [3, с. 30–31].

В статье «Амбивалентность сознания и антиномизм как цивилизационные вызовы» Ю.А. Закунов высказывает убеждение в том, что современным вызовом является антицивилизация Запада – антихристианская цивилизация, несущая «самоубийственный inferнальный дух отрицания (нигилизма), абсурдов и всевозможных инверсий» [3, с. 157] и противостоящая всем цивилизациям в принципе [3, с. 156]. Автор в табличной форме проводит сравнение весьма спорно выделенных по 12 аспектам положительных и отрицательных ценностей западной, восточной и российской альтернатив [3, с. 161–163]. Единственной реальной альтернативой антицивилизации Запада он считает только русскую православную цивилизацию.

Переход С.О. Метафизический аспект культурной идентификации русской цивилизации: монография. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022. 202 с.

Объект своего исследования автор определяет как «важные проблемы современности, которые дают возможность определить особенности русской цивилизации, ее генезис и роль в мировом пространстве» [5, с. 5]. Цель работы состоит в определении: 1) архетипа, идентичности и культурного кода русской цивилизации; 2) роли России и русского мира; 3) места Крыма в русском цивилизационном поле. Сразу отметим, что за исключением части 5 «Крым в русском цивилизационном поле» монография структурирована по другим тематическим блокам – от характеристики закона всеединства до описания патриотического воспитания молодежи в Крыму. Поэтому результаты достижения поставленных целей явно не сформулированы.

Русская цивилизация понимается как центр восточнохристианской (православной) цивилизации – самостоятельной ветви европейской цивилизации. По мнению автора, католическая цивилизация отпала от базисных основ христианства. Истинно христианское православное мировосприятие сохранялось и развивалось Русским государством. Его культурный код включает следующие ценности: «богоизбранность русского народа – носителя православной веры, мессианизм – ответственность за обустройство евроазиатского пространства и защита малых народов, соборность – единство всех слоев населения для достижения общей цели, политическая симфоничность – гармония идей и целей светской и духовной властей, универсализм – соединение всех национальных элементов российской цивилизации и мирное их сосуществование» [5, с. 14].

Мировоззренческо-аксиологической основой развития восточнохристианской (и русской) цивилизации С.О. Переход считает закон всеединства. По его убеждению, все элементы мира несут в себе идею всеединства, данную им Богом. В согласовании интересов различных, совместно существующих видов животных и растений он усматривает начальный этап зарождения цивилизации [5, с. 35]. Задача восточнохристианской цивилизации – осуществление и достижение универсального всеединства в форме монархии [5, с. 103].

В третьей и четвертой частях монографии, посвященных теургии и теократии как составляющим восточнохристианской цивилизации, представлен ряд конкретных историко-культурных сюжетов (роль духовной энергии языка в бытии, концепт души, доминанта добра, роль в русской истории государства, церкви, марксизма, демократии). К сожалению, автор большей частью резюмирует воззрения русских мыслителей, не артикулируя собственную позицию. Исключением является авторская трактовка исихазма, который С.О. Переход называет стержнем византийско-русской идентичности. Выдвинутый исихазмом идеал совершенного общества (основанного на благодати и любви) может быть осуществлен, как представляется автору, всем человечеством [5, с. 72].

С.О. Переход не раз останавливается на роли Крыма в развитии русской цивилизации. На его взгляд, зарождение русской цивилизации произошло с крещением князя Владимира в Херсонесе Таврическом (988 г.). Следующие этапы формирования русской культурной идентичности – вхождение Крыма, Тамани и Кубани в Российскую империю (1783 г.) и воссоединение Крыма и Севастополя с Россией (2014 г.). «Данные реперные точки в истории России определили культурную парадигму русской цивилизации», – заключает автор [5, с. 164].

Николенко А.А., Тушков А.А. Политическая власть и «русская локальная цивилизация». Проблема интерпретативности моделирования: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2022. 268 с.

Монография адресована политологам и ставит своей задачей исследование властных отношений в русской цивилизации. Замысел авторов заключается в демонстрации того, как свойства локальной цивилизации влияют на организацию политической власти.

Локальную цивилизацию авторы определяют в границах общепринятых представлений: «сохраняющийся генотип общественного строительства на определенной локальной территории, зачастую выходящей за рамки проживания носителей цивилизационного кода путем миграций и т.д. имеет свойство вырабатывать аутентичные реакции как на внешние влияния, так и на события собственной истории, а также имеет свою линию социальной эволюции в рамках особенностей своего генезиса и сохраняет элементы национальной мифологии в структуре общественных институций» [4, с. 86].

Впрочем, авторы выделяют особенности русской цивилизации по другим критериям. К этим особенностям отнесены:

- традиционализм в новациях, внедряемых в рамках новой «традиционности»;
- перманентный кризис самоидентификации, позволяющий аккумулировать новации из внешней среды;
- инородность власти, усложняющая ее коммуникацию с обществом;
- морально-нравственное состояние населения, не коррелирующее с увлеченностью религиозными учениями и ритуалами;
- законсервированный потенциал развития [4, с. 87].

Каждая цивилизация развивается циклически. По представлениям авторов, в большом (внешнем) цикле все цивилизации проходят этапы: потенциально отстающие – отстающие – потенциально доминантные – доминантные. Внутренний цикл развития цивилизации составляют этапы: стагнация – хаос – отчуждение – восстановление – повторная стагнация. Впрочем, из текста не вполне ясно, относится ли внутренний цикл ко всем цивилизациям или только к русской цивилизации.

Из общей логики изложения вытекает, что наиболее фундаментальным свойством русской цивилизации является ее периферийность. Она обуславливает господство периферийного менталитета. Его эпифеноменами являются тотальное отчуждение, архаизация и цикличное мировосприятие. Именно последнее запускает внутренний цивилизационный цикл (без возможности развития и выхода на другой уровень), и Россия оказывается «цивилизацией коллапсирующего типа, где коллапс является не переменным состоянием перед непосредственным завершением существования, а некой формой существования» [4, с. 200].

Периферийность образуется вследствие изначального отставания. Территориальная протяженность формирует отношение к пространству цивилизации как к обременительному и недружелюбному [4, с. 169]. При низкой пространственной мобильности населения возникает эффект дробления, когда «“свои” чужие и “другие” тоже чужие» [4, с. 242]. Это территория транзита, где управляют «чужаки», а «отчужденная элита воспринимается как внешняя сила, управляющая отторгнутой территорией» [4, с. 256].

Самоидентификация чужеродных элит с исторической родиной порождает восприятие управляемой территории как «злой земли», «плохой родины» [4, с. 203]. Возникает потребность в поиске исторических корней буквально до семейно-кланового уровня, а также отождествление себя с «другим». В качестве единственного способа легитимации элиты авторы видят «подражательное поведение внешнему сильному» [4, с. 170]. Оно реализуется в восприятии внешних атрибутов «другого», в культурной индоктринации идеями и технологиями управления извне.

Архаическое сознание чувствительно к прецеденту, воспроизводящемуся в ритуале и культурной традиции. В русской цивилизации власть влияет на общество через прецедент (точнее: «через инцидент, становящийся прецедентом» [4, с. 244]), внедряя новые внешние элементы. Волна модернизации распространяется в регионы. Наиболее легитимным становится тот, «кто более всех аналогичен “чужому”, “внешнему”» [4, с. 240]. Эта фаза отчуждения характеризуется «отторжением базовых признаков принадлежности к “предыдущему обществу” и его опыту, а также полной утратой идентичности, в результате чего возникает потребность в восстановительном проекте» [4, с. 241]. Последний ориентирует на консолидацию разорванного, фрагментированного общества на основе внешнего следования предыдущей культурной традиции, которая в действительности формализуется и выхолащивается. Вопрос с традициями остается нерешенным из-за нестабильности в культурной преемственности [4, с. 258].

Из-за периферийности (и протяженности) российской цивилизации А.А. Николенко и А.А. Тушков относят ее к обществам мобилизационного типа. Даже действия по восстановлению ценностей (или их созданию с исходных позиций) оцениваются как имеющие ярко выраженный мобилизационный характер [4, с. 253]. Парадокс российской цивилизации усматривается в том, что при мобилизации ресурсов не предлагается замена за изъятый ресурс (кроме абстрактной парадигмы) [4, с. 218].

Такое поведение элит провоцирует кризисные явления, ведет к апатии и накоплению недовольства. Согласно модельно-циклическим представлениям авторов, в настоящее время российская цивилизация находится в преддверии фазы доминирующей цивилизации [4, с. 216]. Наиболее важным они считают образ будущего, который Россия может предложить

потенциальному радиусу доминирования, и который должен выражать существующие позитивные тенденции [4, с. 256].

Такова наша попытка реконструкции концепции, которая изложена в монографии интуитивно-эссеистически, не вполне ясно и со значительными повторами. Так, в главе 2 «Технологии легитимации и позиционирования властных структур в России как паттерн формирования политической власти» читатель не найдет ни перечней технологий, ни описания заявленного паттерна. Глава 3 имеет не очень понятное название «Социокультурные аспекты политических аттитюдов как общий детант потестарных отношений современной России». И если аттитюды (предрасположенности) как-то характеризуются, то термин «детант» в главе не используется и концептуальной эвристики не несет. В главе 4 «Проблема интерпретативности императивов моделирования политической власти “русской локальной цивилизации”» императивы моделирования не указываются и, соответственно, проблема интерпретативности даже не ставится. Монография безусловно бы выиграла при систематической проработке выдвинутых идей.

Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство: Сборник статей по итогам международной научной конференции. 8–10 декабря 2021 г. / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Н.П. Недзвецкой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. 156 с.

Сборник статей, который Ю.М. Осипов называет очередной коллективной монографией о переменах в России [8, с. 5], адресован всем, кто живет Россией и верит в ее мощь. Первый раздел «Цивилизация» включает несколько статей о русской цивилизации.

В статье «Цивилизация России – прошлое и будущее» М.Г. Покидченко прежде всего уточняет, что буквальное название книги О. Шпенглера – «Упадок западных стран» («Der Untergang des Abendlandes»), – соответствует реалиям именно сегодняшнего дня [8, с. 7]. Поскольку ни одна цивилизация не является абсолютным образцом, то России, исторически сложившейся в виде особой евразийской цивилизации, необходимо методом проб и ошибок создавать свою цивилизацию, опираясь на свои традиции [8, с. 14–15].

Н.Л. Румянцева в статье «Ценности русской культуры – традиционные и современные» выделяет шесть ценностных приоритетов русской цивилизации, необходимых для выживания в ее географической среде: 1) общее выше частного (коллективное выше индивидуального); 2) духовное выше материального; 3) обязанности человека выше его прав; 4) совесть, справедливость выше закона; 5) будущее (детей, внуков, рода, народа) выше настоящего (собственной жизни); 6) правда – высшая ценность [8, с. 26–31]. Соотношение ценностей иллюстрируется на примерах досоветского, советского и постсоветского периодов. По мнению автора, наибольшее сближе-

ние официальной идеологии и ценностных приоритетов наблюдалось в советском обществе. Н.Л. Румянцева полагает, что ценностные приоритеты западной цивилизации рассчитаны на «неразвитого человека, у которого нет собственного внутреннего ориентира (совести), вырабатывающего поведение, способствующее сохранению целого» [8, с. 33].

В статье «Социокультурный императив русско-евразийской православной цивилизации: Россия некапиталистическая. Третий путь России» А.А. Олейников высказывает мнение о том, что Россия, существующая в суровых природно-климатических условиях, сможет сохранить себя как северо-восточную православную цивилизацию только на пути некапиталистического (многоукладного) развития, образцом которого являются страны «восточного капитализма» (Япония и др.) [8, с. 39].

Российская цивилизация: идентичность, социум, право, безопасность: коллективная монография / Под ред. С.Г. Киселева. М.: МАКС Пресс, 2023. 264 с.

Книга продолжает серию коллективных монографий геополитической тематики, подготовленных ранее под общей редакцией С.Г. Киселева. Рассматриваемая монография содержит раздел I «Цивилизация, идентичность, социум», в котором несколько подразделов затрагивают цивилизационную тематику.

В подразделе 1.1 «Цивилизационная геополитика как новая научная и учебная дисциплина» С.Г. Киселев констатирует формирование цивилизационной геополитики. Как научная дисциплина она изучает фундаментально-ценностные основания и закономерности становления и развития человечества в формате составляющих его геочивилизаций (локальных цивилизаций) как высших исторических единиц, процессы межцивилизационного взаимовлияния (взаимодействия/противодействия, диалога, конкуренции и столкновения геочивилизаций) [6, с. 7–8].

Атрибутом цивилизации, имманентно присущим ей качеством С.Г. Киселев полагает экспансию [6, с. 23]. Основной вопрос цивилизационной геополитики: «Какая цивилизация самая экспансивная?» [6, с. 22]. На этот вопрос С.Г. Киселев сразу дает ответ: «Самой экспансионистской цивилизационной общностью на протяжении всей человеческой истории, и особенно нескольких последних столетий, продолжает оставаться западная геочивилизация» [6, с. 23].

Следует сказать, что С.Г. Киселев не характеризует цивилизационную геополитику как учебную дисциплину. Трактовка цивилизационной геополитики как новой научной дисциплины представляется проблематичной. Геополитика цивилизаций – старейшая область научных исследований. По-видимому, С.Г. Киселев фактически предлагает переосмыслить предмет геополитики в целом, используя понятие геочивилизации в качестве базисного понятия.

В качестве объекта цивилизационной геополитики предлагается рассматривать «вселенскую систему мировых геочивилизаций» [6, с. 8]. Предмет цивилизационной геополитики фиксируется как «закономерности возникновения, становления, развития и завершения локальных цивилизационно-культурных образований (геочивилизаций) и особенности их межцивилизационного взаимодействия» [Там же]. В данных формулировках проблематика цивилизационной геополитики не содержит «политическое» наполнение и вполне может быть отнесена к философии истории. Следовательно, дисциплинарный статус цивилизационной геополитики проблематичен. В частности, В.А. Дергачев придавал ей междисциплинарный статус, хотя и характеризовал ее как геофилософию [2].

Оценка западной цивилизации как самой экспансионистской не вполне убедительна хотя бы потому, что не обсуждаются исторический горизонт, критерии и показатели экспансии. В частности, упускается из виду демографический критерий экспансии (как и возможное понятие «демоцивилизации» – коррелятивное понятию «демосоциальный организм» в экспликации Ю.И. Семенова). Отметим также, что демографический аспект экспансии цивилизаций затрагивал Ж.А. де Гобино. Но его учение не попало в поле зрения С.Г. Киселева, уверенного в том, что концепцию локальных цивилизаций впервые выдвинул Н.Я. Данилевский [6, с. 8].

Т.А. Яшкова в подразделе 1.2 «Россия как цивилизация» видит российскую цивилизацию как уникальный и самостоятельный мировой центр. Это открытая цивилизация, соединяющая Европу и Азию, православно-славянскую матрицу и лучшие культурные достижения Запада и Востока. В перспективе в качестве важнейшей транспортной коммуникации Россия может связать транспортными магистралями Европу и Азиатско-Тихоокеанский регион, Северную Америку и Центральную Азию, Северную Америку и Европу [6, с. 35].

В подразделе 1.3 «Российская цивилизация: истоки, этапы, самобытность» С.Г. Киселев характеризует российскую цивилизацию как «отпочковавшуюся» от православной цивилизации. Она содержит два ядра – этническое (великорусское) ядро и религиозное (православно-христианское) ядро [6, с. 57]. Системообразующим фактором двухядерной российской цивилизации он считает «единую историческую судьбу» [6, с. 43], а также опыт и культуру «многовекового совместного проживания» [Там же].

С.Г. Киселев обращает внимание на непосредственное соседство российской цивилизации с пятью другими геочивилизациями (западной, православной, исламской, конфуцианско-буддистской и японской). Вследствие внутренне присущего геочивилизациям экспансионизма положение российской цивилизации характеризуется «наличием геочивилизационных угроз по всему периметру границ – на Западе, на Юге, на Севере и на Востоке» [6, с. 55].

В разделе 1.4 «Национальная идентичность в контексте противоборства культур» О.С. Кодис обсуждает реакцию локальных культур на глобализацию и культурную унификацию. Различные проявления универсальной культуры автор квалифицирует как проявления американской массовой культуры [6, с. 65]. Поскольку символическое принятие американской культурной идентичности не сопровождается автоматически ростом уровня потребления, то возникают национально-культурная нетерпимость, национализм и этноцентризм.

Автору представляется несостоятельной политика мультикультурализма, выступающая за равенство всех культур. «...Как объяснить тот факт, почему, коль скоро все культуры представляются равными, толпы людей устремляются в страны Запада, а не наоборот, – замечает О.С. Кодис. – В то же время, приехав на Запад и натурализовавшись, почему представители так называемого «третьего мира» вдруг вспоминают свои культурно-национальные традиции и развертывают судебные процессы, подобные “делу о хиджабах” во Франции?» [6, с. 68].

Политика «культурного гражданства» – принадлежности к космополитическим культурам – сталкивается с реальностью национальных культур. По мнению О.С. Кодис, от индивида требуется «научиться встраивать свою локальную идентичность в глобальную или космополитическую, при этом находясь как бы в двух реальностях» [6, с. 71]. Она полагает, что это нелегкий, но единственный путь выхода из кризиса идентичности.

В своем тексте О.С. Кодис практически не говорит о национальной идентичности и ее кризисе, да и собственно о противоборстве культур. Можно согласиться с тем, что встраивать локальную идентичность в более широкую идентичность (идентичность более высокого уровня) для кого-то нелегко. Но это не раз в жизни делает каждый человек. Также и не раз он различными способами разрешает очередные в своей жизни кризисы идентичности. Это рутинная задача, составляющая проблему для некоторой категории людей. Так и в масштабе всемирной истории, с калейдоскопической сменой этнонациональных объединений и государственных образований, смена национальной идентичности не составляла особых трудностей. По-видимому, беспокоящая проблема нуждается в другой постановке и в более глубоком концептуальном анализе.

И.Б. Кабыткина и Т.А. Яшкова в подразделе 1.5 «Истоки и пути становления российской идентичности в современной мировой политике» сосредотачиваются на более широком круге вопросов. Они излагают общие представления об идентичности и иллюстрируют их на материале европейской идентичности. Далее авторы обращаются к наследию евразийства и принимают интерпретацию цивилизационной миссии России как евразийской цивилизации [6, с. 80].

Авторы разделяют мнение о том, что между западным атлантическим сообществом и евразийской метацивилизацией, ядром которой является Россия, изначально существует противоречие, исключающее «любой продуктивный синтез или жизнеспособный стратегический альянс» [6, с. 82]. На их взгляд, требуется сформировать «Евразийский союз» как самостоятельный геополитический центр. Ожидается, что каждая из других традиционных цивилизаций станет «могущественным центром геополитической силы» [Там же]. Россия выступит в роли мирового центра силы, ядра консолидации традиционных цивилизаций [6, с. 82–83].

В подразделе 1.6 «Болонский процесс: плюсы и минусы в образовательном процессе России, перспективы развития» проблемы цивилизационного развития не затрагиваются. Е.С. Гореликов и А.Г. Шляхтунов знакомят читателя с Болонским процессом, его целями и задачами, основными положениями и мероприятиями. Плюсы и минусы Болонской системы авторы описывают в общем виде – не применительно собственно к образовательному процессу в России. По мнению авторов, еще рано говорить о состоятельности или несостоятельности Болонской системы в России, так как она просуществовала недостаточно долго, эмпирически последствия ее реализации не измерялись, а частичный отказ от нее обусловлен изменением обстоятельств [6, с. 102].

Исаченко Н.Н. Российская цивилизация как социокультурный феномен: монография. Тюмень: ТИУ, 2024. 164 с.

Рассматриваемая монография включает три главы, в которых дается общий обзор взглядов классиков и современников на феномен цивилизации, излагаются сложившиеся представления о развитии российской цивилизации, оцениваются стратегии ее развития.

Резюмируя обзор взглядов на феномен цивилизации, Н.Н. Исаченко приходит к выводу о том, что «отечественные теоретики, разработав перспективные теории, концепции, подходы, сформировали крупную научную базу, включающую ряд известных школ, представители которых стали авторами цивилизационных парадигм, концепций, подходов, новых курсов и научных дисциплин» [3, с. 49]. Ключевой проблемой, по ее мнению, является соотношение понятий «цивилизация» и «культура». В ее понимании цивилизация есть сложный социальный организм, в котором на первом месте находятся духовные ценности (культура) [3, с. 28].

Излагая сложившиеся представления о развитии российской цивилизации, Н.Н. Исаченко акцентирует внимание на споре о выделении русской цивилизации. В результате проведенного анализа она предлагает занять следующую позицию: «В ракурсе современного этапа цивилизационного развития России уместно вести речь о русской цивилизации, территориально определяющейся границами Российской Федерации. Русскую цивилизацию

можно охарактеризовать как цивилизацию, объединившую сотни разных народов, имеющих общую цель, единые ценности, идеалы, идеи, язык. Единый язык позволяет понимать людей, живущих не только на территории России, но и за ее пределами. Цели, ценности, идеалы, идеи, язык составляют ядро русской цивилизации, закрепленное в культурном коде. С другой стороны, учитывая, что на территории России проживает около 190 разных национальностей, говорящих на русском языке, целесообразнее употребить понятие «российская цивилизация» [3, с. 62].

По оценке автора, российская цивилизация зародилась в IX в. Ее своеобразие автор видит в том, что она строилась не столько за счет освоения имеющегося пространства, сколько «за счет включения в свою «орбиту» новых пространств» [3, с. 73]. Это создавало значительные трудности для развития цивилизации. Но уже царская Россия стала «цивилизационным государством», развивавшимся «от национально-государственной к цивилизационной идее» [3, с. 70]. Впрочем, содержание данных идей автор не описывает.

На этапе советской субцивилизации «государство выполняло функцию единого целого» [3, с. 74]. Оно распалось в результате «этнической революции» [3, с. 77] и рождения национальных государств.

Современная Россия воспринимается как «совокупность советской и постсоветской субцивилизаций» [3, с. 103]. Россия, как пишет Н.Н. Исаченко, находится в цивилизационном процессе и продолжает формировать российскую цивилизацию – открытую и самобытную.

Драматизм положения российской цивилизации автор видит в том, что ей «извне часто навязывают ситуацию цивилизационного выбора» [3, с. 89]. Сегодня России предлагается четыре стратегии развития: «1) ориентир на Запад; 2) особый самобытный русский путь; 3) Россия – центр творческих сил мира; 4) единение России и Запада» [3, с. 116].

Перед лицом глобальных вызовов (сохранение планеты, предотвращение угрозы мировой войны) Н.Н. Исаченко считает объективно необходимым создание универсальной, общечеловеческой цивилизации с общечеловеческими ценностями [3, с. 118]. В данной перспективе в качестве наиболее вероятной и предпочтительной оценивается стратегия становления России в качестве мирового центра творческих сил: «Российская цивилизация, обладающая мощным материальным, культурным, духовным, физическим, научным, интеллектуальным потенциалом, способна на современном этапе встать во главе центра мировой цивилизации, основанной на принципах гуманизма» [3, с. 121].

В этих условиях основная задача России представляется как освоение универсальных общечеловеческих ценностей при сохранении русской культурной доминанты [3, с. 110]. Реализации «необходимости в единении всех народов и стран» [3, с. 118], по мнению автора, могут содействовать

идеи выдвинутой В.С. Соловьевым философии всеединства. Идеи богочеловечества, свободы и общины, соборности и цельного знания, приоритета разума и веры и др. (по весьма оптимистической, на мой взгляд, оценке автора) оказали настолько мощное воздействие на общественное сознание, что уже в начале XX в. стали приоритетными ценностями русского народа [3, с. 98].

Заключение

Как можно заметить, между рассмотренными монографиями имеется определенная переключка. Авторы не придают особого значения различию концептов «русская цивилизация» и «российская цивилизация». При характеристике специфики российской цивилизации внимание больше обращается на географический фактор, чем на этнический субстрат. Акцентируется цивилизационная ценность православия в борьбе за идентичность России и будущее человечества.

Ряд идей расширяют горизонты интерпретации феномена цивилизации вообще и российской цивилизации в частности. Так, С.О. Переход прафеномен цивилизации обнаруживает в экосистемах биосферы. Эта идея вписывается в парадигму биосферной культурологии и опыт изучения возникновения и передачи культурных традиций у животных. Фиксируемая трансформация западной цивилизации в антицивилизацию актуализирует проблему эмпирической реальности инфернального и сакрального, их роли в дифференциации и взаимодействии локальных цивилизаций. Трактовка Крыма как культурной парадигмы русской цивилизации не менее интересна, чем все более распространяющееся «северянство» – признание северной (а не восточной или западной) идентичности России.

В проработке этих и других идей актуальной представляется эмпирическая обоснованность. Странно узнавать о том, что «Домострой» Ксенофонта является рецепцией умного делания исихастов [5, с. 70], а М.А. Бакунин является народником [с. 76] и марксистом [5, с. 81]. Непонятно, на основе каких эмпирических данных делаются выводы о том, что в начале XX в. идеи философии всеединства стали приоритетными ценностями русского народа, а Россия уже в современности способна стать доминантной цивилизацией и даже быть главой центра мировой цивилизации.

Особую трудность составляет концептуализация значимой эмпирии. Многие авторы обращают внимание на единую историческую судьбу, объединившую народы российской цивилизации. При вполне обоснованном скепсисе по отношению к использованию мифологемы общей судьбы [1, с. 57] нельзя не признать ценность многовекового опыта и культуры совместного проживания народов. Но полиэтничность и поликонфессиональность не являются существенными и специфическими признаками российской цивилизации,

так как любая цивилизация (даже японская) является комплексом социальных организмов [10, с. 47]. Опыт совместного проживания народов имеется во всех цивилизациях и важно выделить его конкретную специфику.

Приведенный пример демонстрирует необходимость характеризовать российскую цивилизацию в контексте мировой системы гецивилизаций. Тогда можно будет избежать абстрактно-общих описаний ее как цивилизации, объединившей «сотни разных народов, имеющих общую цель, единые ценности, идеалы, идеи, язык» [3, с. 62], или как постоянно находящейся в уникальной драматической ситуации цивилизационного выбора [3, с. 89]. Ценности русской культуры следует выделять не на основе бинарного противопоставления ценностям Запада (или Востока), а в рамках систематического описания ценностей всех гецивилизаций в их собственной специфике, выраженной не только доктринально, но и на уровне менталитета и поведения масс.

Нормальная наука отличается кумулятивным накоплением достоверного эмпирического и теоретического знания. Авторы рассмотренных изданий имеют более ранние монографические публикации по проблемам цивилизационного развития России, в том числе выполненные в рамках серий (циклов). Для читателя представляет интерес то, какие получены новые научные результаты по сравнению с ранее достигнутыми, прогрессирует ли исследовательская программа, сохраняет ли она свою эвристику? Поскольку самостоятельно читателю такую работу проделать сложно, то хотелось бы пожелать авторам рефлексии преэминентности в личном научном творчестве.

Тюгашев Евгений Александрович – доктор философских наук, доцент, независимый исследователь.

630090, Новосибирск, ул. Терешковой, д. 46.

Evgeny A. Tyugashev – Sc.D. in Philosophy, Associate Professor. Independent Researcher.

630090, 46 Tereshkova str., Novosibirsk, Russia.

filosof10@yandex.ru

Литература

1. Асонов Н.В. Российская цивилизация: миф и реальность // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. С. 54–63.
2. Дергачев В.А. Цивилизационная геополитика (Геофилософия): Междисциплинарный учебник для вузов. Киев: ВИРА-Р, 2004. 672 с.
3. Исаченко Н.Н. Российская цивилизация как социокультурный феномен: монография. Тюмень: ТИУ, 2024. 164 с.
4. Николенко А.А., Тушков А.А. Политическая власть и «русская локальная цивилизация». Проблема интерпретативности моделирования. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2022. 268 с.
5. Переход С.О. Метафизический аспект культурной идентификации русской цивилизации. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022. 202 с.

6. Российская цивилизация: идентичность, социум, право, безопасность: коллективная монография / Под ред. С.Г. Киселева. М.: МАКС Пресс, 2023. 264 с.
7. Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы: материалы XXVI региональной молодежной научно-практической конференции с международным участием (Иркутск, 12 декабря 2021 г.). Иркутск: Оттиск, 2022. 264 с.
8. Россия под натиском новых реалий: цивилизация, социум, хозяйство: Сборник статей по итогам международной научной конференции. 8–10 декабря 2021 г. / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой, Н.П. Недзвецкой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. 156 с.
9. Русская цивилизация, Великая Победа и новые вызовы XXI в.: сборник материалов научной конференции, прошедшей 12 ноября 2020 г., организованной РИИИ и Институтом Наследия. (Из цикла «Русская цивилизация в исторической ретроспективе и перспективе») [Электронное сетевое издание]. М.: Институт Наследия, 2022. 228 с.
10. Фофанов В.П. Исторический выбор России и его общемировое значение. Новосибирск: НГУ, ИФиП СО РАН, 1992. 16 с.

References

1. Asonov N.V. Rossiiskaia tsivilizatsiia: mif i realnost // Sotsialno-gumanitarnye znaniia. 2022. № 2. S. 54–63.
2. Dergachev V.A. Tsivilizatsionnaia geopolitika (Geofilosofiia): Mezhdistsiplinarnyi uchebnik dlia vuzov. Kiev: VIRA-R, 2004. 672 s.
3. Isachenko N.N. Rossiiskaia tsivilizatsiia kak sotsiokulturnyi fenomen: monografiia. Tiumen: TIU, 2024. 164 s.
4. Nikolenko A.A., Tushkov A.A. Politicheskaia vlast i «rusaskaia lokalnaia tsivilizatsiia». Problema interpretativnosti modelirovaniia. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2022. 268 s.
5. Perekhod S.O. Metafizicheskii aspekt kulturnoi identifikatsii russkoi tsivilizatsii. Simferopol: Izdatelskii dom KFU, 2022. 202 s.
6. Rossiiskaia tsivilizatsiia: identichnost, sotsium, pravo, bezopasnost: kollektivnaia monografiia / Pod red. S.G. Kiseleva. M.: MAKS Press, 2023. 264 s.
7. Rossiiskaia tsivilizatsiia: istoriia, problemy, perspektivy: materialy XXVI regionalnoi molodezhnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Irkutsk, 12 dekabria 2021 goda). Irkutsk: Ottisk, 2022. 264 s.
8. Rossiia pod natiskom novykh realii: tsivilizatsiia, sotsium, khoziaistvo: Sbornik statei po itogam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. 8–10 dekabria 2021 g. / Pod red. Iu.M. Osipova, E.S. Zotovoi, N.P. Nedzvetskoi. M.: Ekonomicheskii fakultet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2023. 156 s.
9. Russkaia tsivilizatsiia, Velikaia Pobeda i novye vyzovy XXI veka: sbornik materialov nauchnoi konferentsii, proshedshei 12 noiabria 2020 g., organizovannoi RIII i Institutom Naslediia. (Iz tsikla «Russkaia tsivilizatsiia v istoricheskoi retrospektive i perspektive») [Elektronnoe setevoe izdanie]. M.: Institut Naslediia, 2022. 228 s.
10. Fofanov V.P. Istoricheskii vybor Rossii i ego obshchemirovye znachenie. Novosibirsk: NGU, IFiP SO RAN, 1992. 16 s.

Научно-теоретический журнал

Проблемы цивилизационного развития
Civilization studies review

2024. Том 6. Номер 1

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт философии Российской академии наук

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС77-76168 от 08 июля 2019 г.

Главный редактор *В.Н. Шевченко*
Зам. главного редактора *В.И. Спиридонова*
Ответственный секретарь *И.М. Угрин*
Заведующий редакцией *Б.В. Грачев*

Художник: *Б.В. Грачев*
Технический редактор: *Б.В. Грачев*
Корректор: *Е.М. Пушкина*

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерная верстка: *Б.В. Грачев*

Памятка для авторов

- Журнал принимает к рассмотрению научные статьи, рецензии и обзоры научных мероприятий.
- Журнал не принимает материалы, опубликованные ранее или принятые к публикации в других изданиях.
- Предоставление материала для публикации означает передачу прав на публикацию издателю.
- К рассмотрению принимаются рукописи в формате MS Word по адресу электронной почты. Рукописи статей (других материалов) оформляются следующим образом:
 - шрифт: «Times New Roman»;
 - размер шрифта: название статьи, Ф.И.О. автора – 14 кеглем;
 - подзаголовки (полужирным шрифтом), текст – 14; сноски – 10;
 - междустрочный интервал – 1,5;
 - абзацный отступ – 1,25;
 - выравнивание – по ширине поля: 2,5 см со всех сторон.
- Объем научной статьи не должен превышать 1,2 авторского листа, обзоров научных мероприятий – 0,75 авторского листа, библиографических обзоров и рецензий – 0,5 авторского листа (1 авторский лист – 40 тыс. знаков).
- Первая страница статьи обязательно должна содержать следующие элементы на русском и английском языках:
 - фамилию, имя, отчество автора;
 - сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, место работы, должность, почтовый адрес, адрес электронной почты);
 - название статьи;
 - аннотацию (200–250 слов), в которой характеризуются задачи и методы исследования и полученные результаты;
 - ключевые слова (7–10).
- Обязательным условием для приема материала является наличие библиографического списка, составленного в алфавитном порядке. Каждая библиографическая запись должна соответствовать ГОСТ Р 7.0.5–2008.
- Ссылки на литературу оформляются следующим образом: в квадратных скобках указывается номер источника из списка литературы, через запятую номер страницы или страниц издания (в том случае, если приводится цитата). Например: [9], [12, с. 134], [14, с. 12–13].
- Публикация осуществляется на русском языке.
- Решение о публикации принимается на основании внутреннего анонимного рецензирования.

Адрес редакции: Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, оф. 422. Тел.: +7 (495) 697-91-89; e-mail: info@civstudies.ru; сайт: <https://civstudies.ru>